(Годъ пятнадцатый)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ **1.**

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркина
1877.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

(1877).

1.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

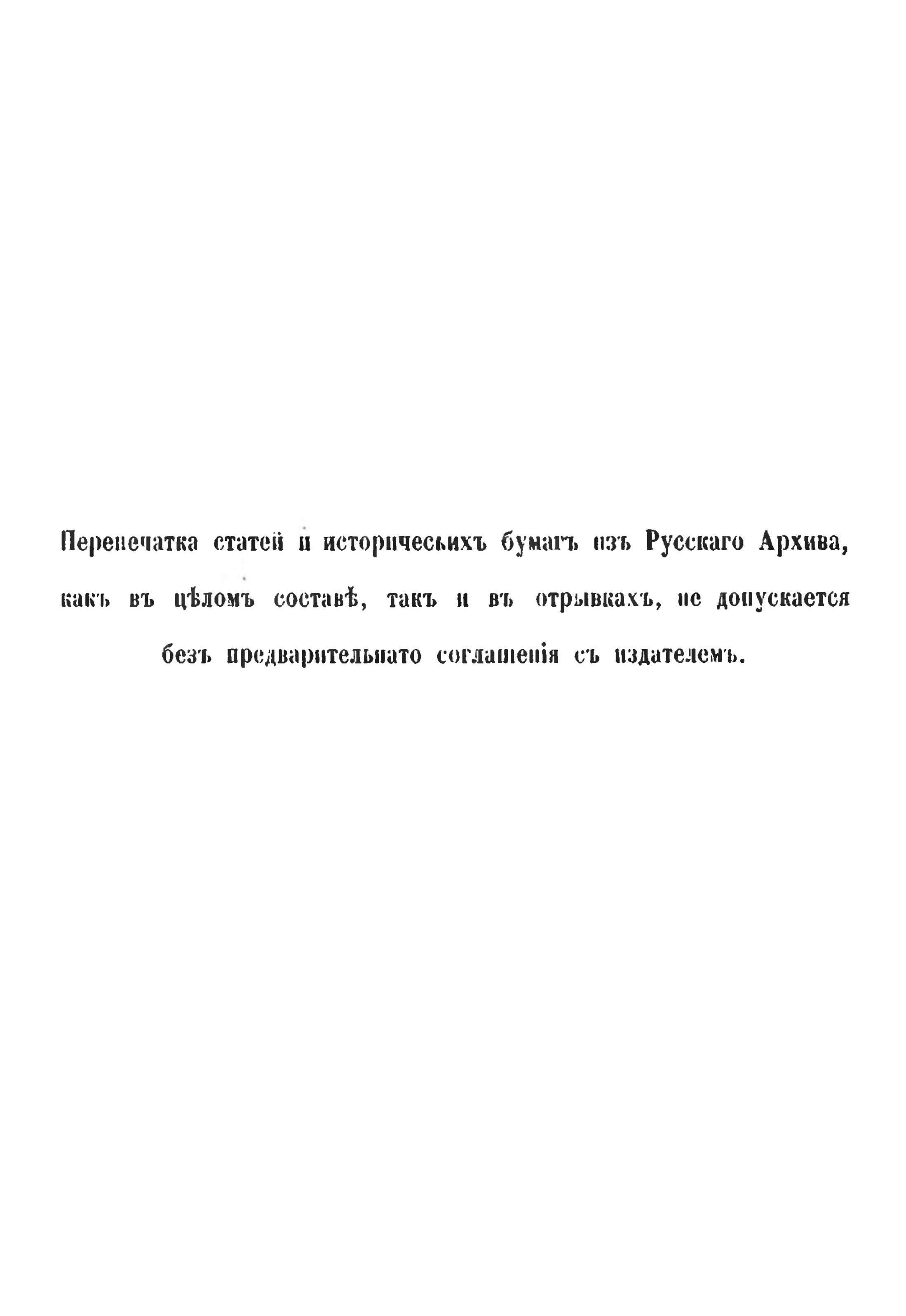
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

(1877).

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной
1877.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО О РОССІИ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII-го ВѢКА.

Нижеслѣдующіе разсказы и отзывы Фридриха Великаго заимствованы изъ его памятныхъ Записокъ или такъ называемой «Исторіи моего времени» (Histoire de mon temps), т. е. изъ 2-го и 3-го томовъ его «Сочиненій» (Oeuvres), изданныхъ въ Берлинѣ въ 1846 году, съ подлинныхъ рукописей и безъ пропусковъ, по волѣ покойнаго короля Фридриха Вильгельма IV-го. Къ сожалѣнію, геніальный авторъ повѣствуетъ лишь о первыхъ шести годахъ своего царствованія (до 1746 г.), когда въ Россіи его оберегались и его воздѣйствіе на Русскую политику было еще не особенно значительно. Въ этомъ отношеніи важнѣе его Записокъ должны быть политическія его завѣщанія 1752 и 1768 годовъ; но завѣщанія эти до сихъ поръ хранятся въ тайнѣ, равно какъ и письма его къ любимой сестрѣ, маркграфинѣ Барейтской, и его переписка съ Датскою королевою Юліаною, съ Каролиною Дармштадскою и другими лицами. Покуда время не вскроетъ намъ этихъ историческихъ сокровищъ, будемъ довольствоваться тѣмъ, что̀ уже обнародовано. Показанія и мнѣнія такого человѣка имѣютъ для насъ первостепенное исторіографическое значеніе. Впослѣдствіи съ полною очевидностью обнаружится вліяніе Фридриха Великаго на внѣшнюю и внутреннюю нашу политику. Какова она была, можно судить уже потому, что роковой раздѣлъ Польши принадлежитъ ему всецѣло, и имъ же устроены три бракосочетанія, имѣвшія столь рѣшительное значеніе въ Русской исторіи.

Фридрихъ Великій начинаетъ свои Записки обзоромъ Европейскихъ государствъ, ихъ состоянія, политическихъ отношеній и военныхъ силъ, въ то время, когда онъ вступилъ на престолъ (1740). Послѣ блестящей характеристики Австріи, Франціи, Италіи, Англіи, Голландіи, Даніи, Швеціи, онъ переходитъ къ Россіи и говоритъ о ней нижеслѣдующее.

Швеція граничитъ съ одною изъ наиболѣе грозныхъ державъ. Отъ Ледовитаго моря, на Сѣверѣ, до береговъ Чернаго, и отъ Самогитіи до предѣловъ Китая, тянется неизмѣримое пространство, образующее Россійскую имперію, что̀ составляетъ восемьсотъ Нѣмецкихъ миль въ длину, на четыреста миль ширины. Это государство, нѣкогда полудикое, было неизвѣстно Европѣ до царя Ивана Васильевича. Петръ I, для водворенія благоустройства въ этой націи, дѣйствовалъ на нее, какъ дѣйствуетъ крѣпкая водка на желѣзо. Онъ былъ и законодателемъ, и основателемъ этой обширной имперіи; онъ создалъ людей, солдатъ и министровъ; онъ основалъ городъ С.-Петербургъ; онъ

устроилъ значительныя морскія силы и внушилъ всей Европѣ уваженіе къ своему народу и къ его необыкновеннымъ (singuliers) дарованіямъ.

Анна Ивановна, племянница Петра I-го, правила тогда этой обширной имперіей. Она была преемницей Петра II, *сына* [1]) перваго императора. Царствованіе Анны было памятно многими замѣчательными событіями; при ней было нѣсколько великихъ людей, которыми она умѣла воспользоваться. Ея оружіемъ данъ король Польшѣ. Она послала, въ помощь императору Карлу VI, десять тысячъ Русскихъ къ берегамъ Рейна, въ страну, гдѣ почти не знали этого народа. Война, предпринятая ею противъ Турокъ, была рядомъ успѣховъ и побѣдъ, и въ то время, когда императоръ Карлъ VI посылалъ въ Турецкій лагерь просить мира, Анна предписывала законы Оттоманскому правительству. Она покровительствовала наукамъ въ своей столицѣ; она даже отправила ученую экспедицію въ Камчатку, съ цѣлью изысканія кратчайшаго пути для торговли Московитовъ съ Китайцами. Эта государыня обладала качествами, достойными ея высокаго сана: она отличалась возвышенностью души, твердостью ума; щедрая на награды, строгая въ наказаніяхъ, она была добра по природной склонности и сластолюбива безъ разврата [2]).

Она сдѣлала герцогомъ Курляндскимъ Бирона, своего любимца и министра. Дворяне, его соотечественники, оспаривали древность его рода. Это единственное лицо, имѣвшее замѣтное вліяніе на умъ императрицы. Биронъ былъ, по природѣ, тщеславенъ, грубъ и жестокъ, но твердъ въ управленіи дѣлами и способенъ на обширнѣйшія предпріятія [3]). Его честолюбіе стремилось къ тому, чтобы прославить имя его повелительницы въ отдаленнѣйшихъ концахъ вселенной; при этомъ онъ былъ столько же алченъ къ пріобрѣтенію, сколько расточителенъ въ издержкахъ; имѣлъ нѣкоторыя полезныя качества, но лишенъ былъ добрыхъ и привлекательныхъ.

Трудами, подъятыми въ царствованіе Петра I-го, образовалъ себя человѣкъ, получившій возможность нести бремя правленія при Петровыхъ преемникахъ. То былъ графъ Остерманъ. Онъ, какъ ловкій кормчій, среди политическихъ бурь, правилъ, всегда твердою рукою, кормиломъ государства. Онъ былъ родомъ изъ графства Марка въ Вестфаліи, происхожденія незнатнаго; но природа раздаетъ свои дары, не обращая вниманія на генеалогію [4]). Этотъ министръ изучилъ Моско-

---

[1]) До такой степени мало знали тогда Русскую исторію!

[2]) Такое понятіе объ Аннѣ Ивановнѣ, конечно, сообщили Фридриху Великому Петербургскіе его соплеменники, которымъ такъ хорошо жилось въ это царствованіе.

[3]) Биронъ находился въ Ярославлѣ, когда писаны эти строки.

[4]) Остерманъ, какъ и многіе другіе иностранцы при Петрѣ Великомъ, вполнѣ обрусѣлъ. Онъ писалъ порусски совершенно правильно; и въ этомъ отношеніи первая половина прошлаго вѣка была гораздо выше, чѣмъ первые годы нынѣшняго вѣка. Сильная народность быстро претворяла въ себя чужеродные ей элементы. Въ царствованіе же Александра Павловича сіи послѣдніе

вію, какъ Верней человѣческое тѣло. Онъ былъ остороженъ и смѣлъ, смотря по обстоятельствамъ, и пренебрегалъ придворными происками, дабы сохранить за собою управленіе дѣлами. Кромѣ графа Остермана, можно назвать еще графа Лёвенвольда и престарѣлаго графа Головкина въ числѣ министровъ, которые могли быть полезны Россіи.

Графъ Минихъ, перешедшій изъ Саксонской службы на службу къ Петру І-му, находился во главѣ Русской арміи. Это былъ принцъ Евгеній Московскаго государства. Онъ отличался достоинствами и пороками великихъ полководцевъ: былъ искусенъ, предпріимчивъ, удачливъ; но, притомъ, гордъ, надмененъ, честолюбивъ, склоненъ къ самоуправству и нерѣдко жертвовалъ жизнью солдатъ своей воинской славѣ. Ласси, Кейтъ, Лёвендаль и другіе искусные генералы образовались въ его школѣ. Правительство содержало тогда десять тысячъ человѣкъ гвардейцевъ, сто баталіоновъ, численностью въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, двадцать тысячъ драгунъ, двѣ тысячи кирасиръ, что составляло девяносто двѣ тысячи регулярнаго войска, тридцать тысячъ милиціи и столько казаковъ, Татаръ и Калмыковъ, сколько хотѣли имѣть. Такимъ образомъ, эта держава, безъ особенныхъ усилій, могла выставить въ походъ сто семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Въ Русскомъ флотѣ насчитывали тогда двѣнадцать линейныхъ кораблей, двадцать шесть судовъ меньшаго размѣра и сорокъ галеръ.

Доходы имперіи простирались до четырнадцати или пятнадцати милліоновъ ефимковъ (écus). Эта сумма кажется незначительною, въ сравненіи съ неизмѣримымъ пространствомъ России; но въ этой странѣ все дешево. Самый необходимый для правителей товаръ (denrée), солдаты, не стоятъ содержаніемъ своимъ и половины того, что платятъ другія Европейскія державы: Русскій солдатъ получаетъ только восемь рублей въ годъ, и продовольствіе, покупаемое по ничтожнымъ цѣнамъ. Это продовольствіе сопряжено съ необходимостью имѣть огромные обозы, которые тащутся вслѣдъ за войскомъ. Въ 1737 году, во время похода фельдмаршала Миниха противъ Турокъ, можно было насчитать въ его войскѣ столько же повозокъ, сколько сражающихся.

Петръ І-й задумалъ то, о чемъ не помышлялъ до него ни одинъ государь. Между тѣмъ какъ завоеватели стремятся къ расширенію своихъ предѣловъ, онъ вздумалъ ихъ съузить. Причиною тому было слабое населеніе его владѣній сравнительно съ огромнымъ пространствомъ. Онъ хотѣлъ сосредоточить между Петербургомъ, Москвою, Казанью и Украйной всѣ двѣнадцать милліоновъ жителей, разсѣянныхъ по его имперіи, дабы вполнѣ заселить и воздѣлать эту часть, которую защищать было бы легко, такъ какъ она окружена пустынями, отдѣляющими ее отъ Персіянъ, Турокъ и Татаръ. Этотъ замыселъ, по-

---

дѣйствовали самовластно и подчиняли насъ своему духовному игу. Остерманъ былъ сынъ пастора, но женился на боярской дочери Стрѣшневой. Двухъ сыновей его (уже совершенно-Русскихъ и строго благочестивыхъ людей) наша знать звала *поповичами* (слышано по преданію отъ родственниковъ графа Ѳ. А. Остермана).

добно многимъ другимъ, не осуществился за смертью великаго человѣка [5]).

Царь Петръ успѣлъ только положить начало торговлѣ. При императрицѣ Аннѣ, Русскій торговый флотъ не могъ выдерживать никакого сравненія съ флотами южныхъ державъ. Однакожъ, все возвѣщаетъ этой имперіи, что ея населенію, ея силамъ, ея богатствамъ и торговлѣ предстоитъ самое обширное развитіе.

Духъ народа представляетъ собою смѣсь недовѣрчивости съ плутовствомъ. Склонные къ лѣности, но не чуждые любостяжанія, Русскіе являются ловкими подражателями, но лишены изобрѣтательнаго генія. Вельможи предаются крамоламъ; гвардейцы страшны государямъ; простой народъ тупоуменъ, преданъ пьянству, суевѣрію, и бѣдствуетъ. Такое положеніе дѣлъ, какъ сейчасъ нами изложенное, было вѣроятно причиною того, что Академія наукъ доселѣ не могла образовать учениковъ изъ Московитовъ.

Со времени несчастія Карла XII и водворенія Августа Саксонскаго въ Польшѣ, и послѣ побѣдъ фельдмаршала Миниха надъ Турками, Русскіе стали безспорно властителями Сѣвера. Они были столь грозны, что никто не могъ успѣшно нападать на нихъ, ибо они были ограждены пустынными пространствами, и можно было все потерять, даже ограничиваясь оборонительною войною, въ случаѣ нападенія съ ихъ стороны. Этимъ преимуществомъ они обязаны большому числу Татаръ, Казаковъ и Калмыковъ, находящихся въ ихъ арміи. Эти кочевыя орды грабителей и поджигателей способны опустошить своими набѣгами самыя цвѣтущія области, даже и безъ вторженія регулярной арміи [6]). Всѣ сосѣди Россіи, опасаясь подобныхъ набѣговъ, старались ладить съ нею, и Русскіе смотрѣли на свои союзы съ другими народами, какъ на покровительство, оказуемое подручникамъ.

*

Упадокъ Швеціи былъ временемъ возвеличенія Россіи: эта страна какъ-бы возстаетъ изъ ничтожества, чтобъ появиться внезапно въ своемъ величіи и скоро стать въ уровень съ наиболѣе грозными державами. Можно бы примѣнить къ Петру I-му то, что̀ Гомеръ говоритъ про Зевеса: «Онъ трижды шагнулъ и достигъ предѣла вселенной».

---

[5]) Въ Русскихъ историческихъ бумагахъ доселѣ не находится подтвержденія этому любопытному показанію. По крайней мѣрѣ намъ не удалось нигдѣ читать объ этомъ необыкновенномъ намѣреніи великаго государя. Не сюда ли однако слѣдуетъ отнести выселенія изъ Малороссіи въ нынѣшнюю Воронежскую губернію (Острогожскій уѣздъ)?

[6]) Нынѣ доказано, что военныя опустошенія, произведенныя Русскими въ Семилѣтнюю войну на восточныхъ предѣлахъ Пруссіи, были лишь неизбѣжнымъ зломъ и не могутъ идти въ сравненіе съ ужасами на ея западныхъ границахъ, гдѣ хозяйничали Французы, предводимые генералами, которые отличались изысканнымъ образомъ жизни. Французское правительство даже жаловалось Елисаветѣ Петровнѣ на то, что войска ея слишкомъ человѣколюбиво обращаются съ Пруссаками.

Дѣйствительно, сломить Швецію, дать королей Польшѣ, унизить Оттоманскую Порту и выслать войска для сраженія съ Французами на самой ихъ границѣ, это значитъ—шагнуть на край свѣта.

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ государствъ любопытенъ для насъ отзывъ Фридриха Великаго о Турціи. Онъ уже въ 1746 году (когда писаны его Записки) говорилъ: «Сила этой державы проистекаетъ отъ ея великаго пространства, но она бы не удержалась, если бы не служила ей поддержкою взаимная зависть Европейскихъ государей». Про Австрію онъ замѣчаетъ, что ей удалось укоренить почти вездѣ, въ Германіи, Англіи, Голландіи и даже Даніи предразсудокъ, будто съ ея существованіемъ связана свобода Европы.

Приступая къ разсказу о своемъ вторженіи въ Австрійскую Силезію, Фридрихъ говоритъ.

....Императоръ Карлъ VI скончался въ замкѣ Фаворитѣ 26 Октября 1740 года. Извѣстіе о томъ получено въ Рейнсбергѣ, гдѣ находился король [7]), страдавшій въ то время лихорадкою. Врачи, проникнутые старыми предразсудками, не хотѣли дать ему хины: онъ самъ ее принялъ, имѣвъ болѣе важныя заботы, чѣмъ лихорадку. Онъ немедленно рѣшился поддержать неоспоримыя права своего дома на Силезскія княжества, хотя бы и съ оружіемъ въ рукахъ. Это намѣреніе соотвѣтствовало всѣмъ его политическимъ видамъ: оно представляло средство пріобрѣсти славу, усилить государство и покончить дѣло о спорномъ наслѣдованіи герцогствомъ Бергскимъ. Однакоже прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, король взвѣшивалъ съ одной стороны рискъ, представляемый подобною войною, а съ другой возможныя выгоды.

Съ одной стороны представлялся могущественный Австрійскій домъ, обладавшій неистощимыми средствами въ обширныхъ своихъ областяхъ; предстояло нападеніе на дочь Германскаго императора, которая должна была имѣть союзниками короля Англійскаго, Голландскую республику и большую часть имперскихъ принцевъ, обязавшихся защищать прагматическую санкцію. Герцогъ Курляндскій, правившій въ то время Россіей, былъ наемникомъ Вѣнскаго двора; и кромѣ того, молодая королева Венгерская могла обезпечить себѣ содѣйствіе Саксоніи, уступивъ ей нѣкоторые округи Богеміи. Что̀ же касается подробностей исполненія, то неурожай 1740 года внушалъ опасенія относительно возможности снабдить магазины и продовольствовать войска́. Рискъ былъ великъ; слѣдовало страшиться случайностей войны: одно проигранное сраженіе могло быть рѣшительнымъ. Король не имѣлъ союзниковъ и могъ противопоставить лишь необдержанное войско старымъ Австрійскимъ солдатамъ, посѣдѣвшимъ на службѣ и обстрѣленнымъ въ бояхъ.

Съ другой стороны, многія соображенія оживляли надежды короля. Положеніе Вѣнскаго двора, по смерти императора, было крайне шатко: финансы были плохи, армія разстроена и ослаблена неудачами противъ Турокъ; въ министерствѣ царствовалъ разладъ. Поставьте во

---

[7]) Т. е. самъ авторъ, повѣствующій о себѣ въ третьемъ лицѣ.

главѣ подобнаго правительства молодую неопытную принцессу, призванную защищать спорное наслѣдственное дѣло, и окажется, что такое правительство не могло быть страшнымъ. Притомъ невозможно было, чтобъ король остался безъ союзниковъ. Соперничество, существующее между Франціей и Англіей, обеспечивало королю содѣйствіе одной изъ этихъ двухъ державъ; и кромѣ того всѣ домогавшіеся Австрійскаго наслѣдства должны были стать на сторонѣ Пруссіи. Король могъ располагать своимъ голосомъ для избранія императора; онъ могъ войти въ соглашеніе относительно своихъ правъ на герцогство Бергское либо съ Франціей, либо съ Австріей, и наконецъ открытіе войны въ Силезіи было единственнымъ способомъ наступательнаго дѣйствія, который соотвѣтствовалъ положенію его державы: ибо онъ оставался бы по близости отъ своихъ границъ, а рѣка Одеръ представляла ему всегда вѣрный путь сообщенія.

Обстоятельствомъ, побудившимъ короля окончательно рѣшиться на это предпріятіе, была кончина императрицы Россійской Анны, что воспослѣдовало вскорѣ послѣ кончины императора Германскаго. Наслѣдникомъ престола былъ младенецъ Иванъ, великій князь Россійскій, сынъ принца Антона Ульриха Брауншвейгскаго (шурина королю) и принцессы Мекленбургской. По всему казалось, что во время несовершеннолѣтія молодаго императора, Россія будетъ болѣе занята поддержаніемъ спокойствія внутри имперіи, чѣмъ охраною прагматической санкціи, изъ за которой неизбѣжны были волненія въ Германіи. Къ этимъ соображеніямъ прибавьте армію, готовую къ дѣйствію, наличныя денежныя средства и, быть можетъ, желаніе прославить свое имя. Таковы были побужденія, заставившія короля объявить войну Маріи Терезіи Австрійской, королевѣ Венгерской и Богемской.

То было, можно сказать, время превращеній и переворотовъ. Принцесса Мекленбургъ-Брауншвейгская, мать Ивана, находилась, вмѣстѣ съ сыномъ, подъ опекою герцога Курляндскаго, которому императрица Анна, умирая, ввѣрила управленіе имперіей. Эта принцесса сочла недостойнымъ своего происхожденія повиноваться постороннему лицу и полагала, что опека принадлежитъ скорѣе ей, какъ матери, чѣмъ Бирону, не Русскому и не родственнику императора. Она ловко воспользовалась услугами Миниха, возбудивъ его честолюбіе. Биронъ былъ арестованъ, сосланъ въ Сибирь, и принцесса Мекленбургская завладѣла правленіемъ. Эта перемѣна казалась выгодною для Пруссіи; ибо Биронъ, ея врагъ, былъ сосланъ; а мужъ правительницы, Антонъ Брауншвейгскій, былъ шуриномъ королю. Принцесса Мекленбургская, при нѣкоторой живости ума, отличалась всѣми прихотями и недостатками дурно воспитанной женщины. Ея мужъ, человѣкъ слабый, малоспособный, не имѣлъ иного достоинства кромѣ безотчетной храбрости. Минихъ, виновникъ ихъ возвышенія, истинный герой Россіи, былъ въ тоже самое время обладателемъ державной власти. По случаю этого переворота, король послалъ въ Россію барона Винтерфельда поздравить герцога Брауншвейгскаго и его супругу съ удачнымъ окончаніемъ ихъ предпріятія. Дѣйствительнымъ же поводомъ и сокровенною цѣлью этой посылки

было заручиться поддержкой Миниха (тестя Винтерфельдова) и расположить его въ пользу задуманныхъ намѣреній, въ чемъ Винтерфельдъ и успѣлъ.

*

Европа встрепенулась отъ внезапнаго вторженія въ Силезію. Нѣкоторые называли это предпріятіе необдуманнымъ, другіе считали его дѣломъ безумія. Англійскій министръ при Вѣнскомъ дворѣ, Робинсонъ, утверждалъ, что король Прусскій заслуживалъ общаго политическаго проклятія. Одновременно съ поѣздкой графа Готтера въ Вѣну, король послалъ въ Россію Винтерфельда, который встрѣтилъ тамъ маркиза Ботту, отстаивавшаго интересы Вѣнскаго двора со всею живостью своего характера. Однакоже, въ этомъ случаѣ, Померанское здравомысліе одолѣло Итальянскую тонкость, и Винтерфельдъ, благодаря вліянію фельдмаршала Миниха, успѣлъ заключить съ Россіей оборонительный союзъ. Нельзя было ничего лучшаго пожелать въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ.

Швеція тоже хотѣла играть роль въ предстоявшихъ столкновеніяхъ. Она была въ союзѣ съ Франціей и, по внушенію этой державы, выдвинула корпусъ войскъ въ Финляндію, подъ начальствомъ генерала Будденброка. Этотъ корпусъ, возбудившій въ Россіи подозрѣнія, ускорилъ заключеніе ея союза съ Пруссіей; но состоявшійся договоръ едва не разстроился въ самомъ началѣ. Король Польскій незадолго передъ тѣмъ послалъ въ Петербургъ красавца, графа Линара. Этотъ министръ полюбился принцессѣ Мекленбургской, правительницѣ Россіи; а какъ сердечныя страсти имѣютъ вліяніе на доводы разсудка, то правительница скоро сблизилась съ Польскимъ королемъ. Страсть эта могла сдѣлаться столь же гибельною для Пруссіи, какъ любовь Париса къ прекрасной Еленѣ для Трои; переворотъ, о которомъ упомянемъ впослѣдствіи, помѣшалъ подобному исходу.

Главными врагами короля были, какъ водится, его ближайшіе сосѣди. Короли Польскій и Англійскій, полагаясь на успѣхъ происковъ Линара въ Россіи, заключили между собою наступательный союзъ для раздѣла Прусскихъ областей; они, въ воображеніи, уже наслаждались этою добычею и, разглагольствуя о властолюбіи молодаго государя, своего сосѣда, помышляли обобрать его, въ надеждѣ, что Россія, вмѣстѣ съ имперскими князьями, поможетъ имъ достигнуть ихъ корыстныхъ видовъ.

Такимъ образомъ, самъ Фридрихъ свидѣтельствуетъ, что помощію Россіи онъ успѣлъ обдѣлать дѣла свои, т. е. безъ дальнихъ опасностей пріобрѣсти Силезію.

.... Посланникъ Франціи при избирательномъ Германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ, маршалъ Бель-Иль, прибылъ въ лагерь короля съ предложеніемъ отъ своего государя заключить союзный договоръ, коего главныя статьи касались избранія (въ императоры) курфюрста Баварскаго, раздѣла и отдѣленія областей королевы Венгерской и гарантіи, со стороны Франціи, Нижней-Силезіи, подъ условіемъ, чтобъ король отказался отъ наслѣдованія герцогствами Юлихскимъ и Бергскимъ и обѣщалъ свой голосъ курфюрсту Баварскому. Составленъ

былъ проэктъ договора, въ которомъ, сверхъ того, постановлено, что Франція выдвинетъ въ Германію двѣ арміи, изъ коихъ одна пойдетъ на помощь курфюрсту Баварскому, а другая расположится въ Вестфаліи, угрожая одновременно Ганноверцамъ и Саксонцамъ; и что наконецъ, прежде всего, Швеція объявитъ войну Россіи, чтобы занять ее на собственныхъ ея границахъ. Этотъ договоръ, какъ ни казался онъ выгоднымъ, не былъ подписанъ. Король не хотѣлъ допускать никакой поспѣшности въ столь важныхъ мѣрахъ и предоставлялъ себѣ подобную мѣру на случай крайности. Маршалъ Бель-Иль слишкомъ часто увлекался воображеніемъ; слушая его, можно было подумать, что всѣ области королевы Венгерской продавались съ аукціоннаго торга. Однажды, когда онъ находился при королѣ и имѣлъ видъ необыкновенно озабоченный, король спросилъ его: «не получилъ-ли онъ какого-либо непріятнаго извѣстія?»—«Никакого», отвѣчалъ маршалъ; «но меня, государь, озабочиваетъ то, чтò мы сдѣлаемъ съ этою Моравіею?» Король предложилъ ему отдать ее Саксоніи, дабы этою приманкою втянуть короля Польскаго [8]) въ великій союзъ: маршалъ нашелъ эту мысль удивительною и впослѣдствіи осуществилъ ее.

..... Англійскій министръ Финчъ подстрекалъ Россію къ войнѣ; происки графа Ботты и красота Линара погубили доблестнаго Миниха. Принцъ Брауншвейгскій, главнокомандующій Русской арміи, по внушеніямъ своей бабки, вдовствующей императрицы [9]), и чужестранныхъ министровъ, наперерывъ раздувавшихъ воинское пламя, успѣлъ расположить Россію къ немедленному объявленію войны Пруссіи. Войска собирались уже въ Лифляндіи. Король былъ извѣщенъ о томъ, и это обстоятельство внушило ему недовѣріе къ Англичанамъ, двоедушіе которыхъ предъ нимъ обнаруживалось. Проискамъ Англичанъ удалось также выманить отъ великаго пенсіонера Голландскаго увѣщательное письмо къ королю о выводѣ его войскъ изъ Силезіи.

Но тогда случилось на Сѣверѣ одно изъ наиболѣе благопріятныхъ и рѣшительныхъ событій: Швеція объявила войну Россіи и уничтожила этимъ всѣ замыслы Англійскаго и Польскаго королей и принца Антона-Ульриха противъ Пруссіи. Король Августъ, утративъ заманчивыя надежды раздѣлить съ Англійскимъ королемъ Прусскія владѣнія, увлекся общимъ настроеніемъ и, за неимѣніемъ лучшаго, заключилъ союзъ съ курфюрстомъ Баварскимъ для уничтоженія Австрійскаго дома. Маршалъ Бель-Иль, не знавшій, чтò дѣлать съ Моравіей и Оберъ-Мангардсбергомъ, изъ нихъ составлялъ королевство и отдавалъ его Саксонцамъ, которые, благодаря такой поживѣ, 31-го Августа подписали съ своей стороны договоръ.

*

Вѣнскій дворъ, который уже не могъ разсчитывать на вмѣшательство Россіи, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, отослалъ въ Прусскій лагерь своего Англійскаго заступника, съ картою Силезіи, гдѣ обозна-

---

[8]) Бывшаго и курфюрстомъ Саксонскимъ.

[9]) Мать Маріи Терезіи.

чена была чернилами предлагаемая уступка четырехъ княжествъ. Англичанинъ былъ принятъ холодно, и ему дали понять, что все хорошо въ свое время, а нынѣ обстоятельства другія. Дворы Лондонскій и Вѣнскій слишкомъ полагались на помощь Россіи: по ихъ разсчету для короля, усмиреннаго и униженнаго, не оставалось бы болѣе иного исхода, какъ на колѣняхъ просить мира. Но случилось почти наоборотъ. Таковы превратности счастья, столь обыкновенныя на войнѣ.

.... 1742-й годъ былъ годомъ важныхъ событій. Вся Европа пылала войною изъ-за раздѣла спорнаго наслѣдства; составлялись сеймы для избранія императора внѣ Австрійскаго дома, а въ Россіи былъ свергнутъ съ престола императоръ въ колыбели. Одинъ хирургъ, родомъ Французъ, одинъ музыкантъ, одинъ камеръ-юнкеръ [10]) и сто человѣкъ Преображенскихъ гвардейцевъ, подкупленные Французскими деньгами, привели Елисавету въ императорскій дворецъ. Они нападаютъ въ расплохъ на сторожей и обезоруживаютъ ихъ. Молодой императоръ, принцъ Антонъ Браунштейгскій, его мать, принцесса Мекленбургская, всѣ схвачены. Затѣмъ собираются войска. Они присягаютъ Елисаветѣ, признавая ее своею государыней. Опальное семейство заключено въ Рижскую тюрьму; Остерманъ, покрытый позоромъ, сосланъ въ Сибирь. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ. Но Франція, надѣявшаяся воспользоваться этимъ переворотомъ, ею вызваннымъ, вскорѣ увидѣла тщету надеждъ своихъ.

Кардиналъ Флёри желалъ выручить Швецію изъ неловкаго положенія, въ которомъ она очутилась по его милости. Онъ думалъ, что перемѣна власти въ Россіи побудитъ ее заключить миръ, благопріятный Швеціи; въ виду этого, онъ послалъ нѣкоего Давенія (d'Avennes) съ словеснымъ приказаніемъ маркизу Шетарди, посланнику въ Петербургѣ, чтобъ онъ всѣми средствами постарался погубить регентшу и генералиссимуса. Подобныя предпріятія, которыя казались бы безумными при другихъ правительствахъ, въ Россіи могутъ совершаться: народъ склоненъ къ бунту, и Русскіе тѣмъ похожи на другія націи, что недовольны настоящимъ и ожидаютъ всего въ будущемъ. Правительница сдѣлалась ненавистною вслѣдствіе своей связи съ красивымъ иностранцемъ, Саксонскимъ посланникомъ графомъ Линаромъ; но предшественница ея, императрица Анна, еще болѣе открыто отличала Бирона, Курляндскаго уроженца, такого же иностранца, какъ и Линаръ, изъ чего слѣдуетъ, что однѣ и тѣже вещи имѣютъ различное значеніе, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. Если любовь погубила правительницу, то болѣе народная любовь, оказанная Елисаветою Преображенскимъ гвардейцамъ, возвела ее на престолъ. Обѣ эти принцессы были одинаково сластолюбивы. Мекленбургская прикрывала свои склонности скромною завѣсою; ее изобличали сердечные порывы. Елисавета доводила сластолюбіе до крайности. Первая была своенравна и зла; вторая лукава, но обходительна. Обѣ ненавидѣли всякій трудъ, обѣ одинаково не были рождены царствовать [11]).

---

[10]) Т. е. Лестокъ, Грюнштейнъ и М. Л. Воронцовъ.

[11]) Читатели знаютъ, что въ этихъ отзывахъ великій король руководился

Еслибъ Швеція умѣла пользоваться случаемъ, то ей бы слѣдовало нанести сильный ударъ, пока Россія была обуреваема внутренними смутами: все предвѣщало ей счастливый успѣхъ. Но Швеціи не было суждено восторжествовать надъ своими врагами. Она оставалась въ какомъ-то оцѣпѣненіи, прежде и послѣ этого переворота; она упустила благопріятную минуту, порождающую великія событія. Пораженіе при Полтавѣ едва ли было для нея столь пагубно, какъ праздное бездѣйствіе ея войскъ.

Утвердившись на престолѣ, императрица Елисавета роздала важнѣйшія мѣста въ имперіи своимъ приверженцамъ: братья Бестужевы, Воронцовъ и Трубецкой вступили въ Совѣтъ; Лестокъ, первый двигатель возвышенія Елисаветы, сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ второстепеннаго министра, хотя и оставался хирургомъ. Онъ радѣлъ о Франціи, Бестужевъ объ Англіи; отсюда происходили разногласія въ Совѣтѣ и безконечныя придворныя каверзы. Императрица не имѣла предпочтенія къ той или другой державѣ, но чувствовала нерасположеніе къ дворамъ Вѣнскому и Берлинскому. Антонъ-Ульрихъ, отецъ свергнутаго ею императора, былъ двоюроднымъ братомъ королевы Венгерской, племянникомъ вдовствующей императрицы и шуриномъ Прусскаго короля; и она опасалась вліянія этихъ родственныхъ связей въ пользу низложеннаго ею семейства. Эта государыня, предпочитая свободу законамъ брака, по ея мнѣнію слишкомъ тяжелымъ, дабы утвердить престолъ, призвала къ наслѣдству своего племянника, молодаго герцога Голштинскаго. Она стала воспитывать его въ Петербургѣ, какъ великаго князя Россійскаго.

Публика расположена вѣрить, что событія, обращающіяся къ выгодѣ государей, бываютъ плодами ихъ предусмотрительности и ловкости: вслѣдствіе такого предубѣжденія, думали, что король содѣйствовалъ перевороту, случившемуся въ Россіи. Но ничего подобнаго не было: онъ не принималъ въ этомъ событіи никакого участія и узналъ о немъ одновременно со всѣми. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, когда маршалъ Бель-Иль находился въ лагерѣ при Мольвицѣ, завязался разговоръ о дѣлахъ въ Россіи. Маршалъ былъ, повидимому, очень недоволенъ поведеніемъ принца Антона и его супруги, правительницы и, въ порывѣ гнѣвной вспышки, спросилъ короля, будетъ ли для него непріятно, если въ Россіи совершится переворотъ въ пользу Елисаветы и въ ущербъ молодому императору Ивану, его племяннику; на что король отвѣчалъ, что въ числѣ государей считаетъ родственниками только своихъ друзей. Разговоръ тѣмъ кончился, и вотъ все, что происходило по этому поводу.

Въ теченіе этой зимы, Берлинъ былъ средоточіемъ переговоровъ. Франція понуждала короля открыть военныя дѣйствія; Англія убѣж-

---

политическимъ пристрастіемъ. Въ Исторіи Россіи С. М. Соловьева и въ бумагахъ, обнародованныхъ изъ архива князя Воронцова, находятся неопровержимыя свидѣтельства именно о державныхъ способностяхъ и твердыхъ политическихъ мысляхъ императрицы Елисаветы Петровны.

дала его заключить миръ съ Австріей; Испанія домогалась союза съ нимъ, а Данія—его совѣтовъ, для перемѣны своей политики. Швеція просила его помощи, Россія—его услугъ въ Стокгольмѣ, а Германская имперія, вздыхая о мирѣ, убѣдительно ходатайствовала о прекращеніи волненій.

*

Пока это происходило на югѣ Европы [12]), правительство новой императрицы Россійской утверждалось въ Петербургѣ. Ея министрамъ удалось, одними переговорами, усыпить и Французскаго посла, и Левенгаупта, командовавшаго Шведскими войсками въ Финляндіи. Русскіе ловко воспользовались этимъ временемъ для усиленія своего войска. Какъ скоро Ласси, ихъ главнокомандующій, убѣдился въ своей силѣ, онъ началъ наступленіе. Ему стоило показаться, Шведы вездѣ отступали: Русское имя, произносимое ими не иначе какъ съ презрѣніемъ со времени Нарвской битвы, сдѣлалось для нихъ страшно, и самыя крѣпкія позиціи казались для нихъ ненадежнымъ убѣжищемъ. Спасаясь бѣгствомъ съ одного мѣста на другое, они были стѣснены въ Фридрихсгамѣ, гдѣ Русскіе отрѣзали имъ единственный путь отступленія; наконецъ, эти Шведы сложили оружіе и подписали позорную капитуляцію [13]), которая запятнала ихъ народную славу: двадцать тысячъ Шведовъ сдались безъ борьбы двадцати семи тысячамъ Русскихъ. Ласси обезоружилъ и отпустилъ природныхъ Шведовъ, а Финляндцы присягнули на подданство. Какой примѣръ униженія для гордости и тщеславія націи! Швеція, во времена Густавовъ и Карловъ считавшаяся отчизною воинской доблести, сдѣлалась нынѣ образцомъ малодушія и позора; таже самая страна, въ дни своего процвѣтанія производила героевъ, а при народномъ правленіи лишь генераловъ безъ твердости и чести: вмѣсто Аххиловъ рождала однихъ Ѳерситовъ. Такъ царства и державы, то возвышаются, то падаютъ и клонятся къ разрушенію. Тутъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо умѣстно изреченіе: «Суета суетъ и всяческая суета!»

Политическая причина такихъ превратностей заключается, вѣроятно, въ различныхъ видахъ правленія, смѣнявшихся въ Швеціи. Пока у нихъ была монархія, воинское званіе пользовалось почетомъ: войско считалось нужнымъ для защиты государства, которому не могло казаться страшнымъ [14]). Въ правленіи народномъ мы видимъ противное: правительство должно, по своему существу, быть миролюби-

---

[12]) Т. е. завоеваніе Силезіи Фридрихомъ и общія его съ Французами передвиженія въ Богеміи.

[13]) Въ Гельзингфорсѣ, 4-го Сентября 1742 года.

[14]) А Римъ? Спарта? Англія Кромвеля, въ сравненіи съ Англіей Карла II-го? Франція 1792 года? Америка при Линкольнѣ и Грантѣ? Весь древній міръ: съ одной стороны Греція и свобода, съ другой—Персы и сатрапы. *Примѣчаніе переводчика.* Фридрихъ писалъ эти строки въ то время, когда ему нужно было усиленіе самодержавія въ Швеціи, гдѣ король въ это время женился на его сестрѣ.

вымъ, воинское званіе должно быть униженнымъ; слѣдуетъ опасаться всего со стороны генераловъ, которые могутъ привязать къ себѣ войска; чрезъ нихъ можетъ произойти переворотъ. Въ республикахъ честолюбіе прибѣгаетъ къ проискамъ для достиженія своихъ цѣлей; подкупы понемногу ихъ унижаютъ, и понятіе о чести теряется, потому что можно обогащаться путями, не требующими никакихъ достоинствъ отъ домогающихся. Кромѣ того, въ республикахъ никогда не сохраняется тайна: непріятель бываетъ предостереженъ впередъ о замыслахъ и можетъ принять свои мѣры. Но Французы не кстати возбудили завоевательныя стремленія, не совсѣмъ еще изгладившіяся въ умахъ у Шведовъ, дабы столкнуть ихъ съ Русскими, въ такое время, когда у Шведовъ не было ни денегъ, ни обученныхъ солдатъ, ни порядочныхъ генераловъ.

Тогдашнее превосходство Россіи заставило Шведовъ послать въ Петербургъ двухъ сенаторовъ съ предложеніемъ Шведской короны молодому великому князю, принцу Голштинскому, племяннику императрицы. Не могло быть для этой націи ничего унизительнѣе отказа великаго князя, который нашелъ эту корону недостойною себя. Маркизъ Ботта, въ то время Австрійскій министръ въ Петербургѣ, привѣтствуя великаго князя, сказалъ ему: «Я желалъ бы, чтобъ королева, моя повелительница, столь же легко могла сохранять владѣнія, какъ ваше императорское высочество легко отъ нихъ отказываетесь». Послѣ такого отказа, духовенство и крестьяне, имѣющіе голосъ на сеймахъ, хотѣли назначить преемникомъ своему королю наслѣднаго принца Датскаго; сенаторы Французской партіи хлопотали о принцѣ Цвейбрюкенскомъ; но Елисавета высказалась за епископа Эйтинскаго, дядю великаго князя, и ея воля устранила прочія искательства. Избраніе состоялось только въ 1743 г.: такъ сильны были въ Стокгольмѣ происки, которыми замедлялось рѣшеніе сейма.

*

Король открылъ въ Петербургѣ переговоры о предметахъ ему близкихъ: дѣло шло о гарантіи Бреславльскаго договора Елисаветою [15]. Наиболѣе воспротивились тому Англичане и Австрійцы, дѣйствовавшіе однако подъ рукою. Оба брата Бестужевы, министры императрицы, прельщенные приманкою десяти тысячъ гиней, нашли средство затянуть окончаніе этого дѣла различными препятствіями. Королева Венгерская смотрѣла на уступку Силезіи какъ на вынужденное дѣйствіе, отъ котораго она могла отречься со временемъ, сославшись на крайность, заставившую ее покориться тяжкимъ обстоятельствамъ. Англичане хотѣли изолировать Прусскаго короля и лишить его всякой поддержки, чтобъ удержать въ полной отъ себя зависимости. Какъ бы ни старались государи скрывать подобныя намѣренія, но имъ рѣдко удается сохранить ихъ въ тайнѣ.

Въ то время произошла ратификація Фридрихсгамскаго мира между

---

[15]) Бреславльскимъ договоромъ 1743 года Австрія уступила Фридриху Силезію.

Россіею и Швеціею. Потеря нѣкоторыхъ пустынныхъ округовъ Финляндіи была наименьшимъ зломъ, постигшимъ Шведовъ: самоуправство Русскихъ въ Стокгольмѣ покрыло націю крайнимъ позоромъ; на каждаго подданнаго императрицы смотрѣли въ Швеціи также, какъ въ Галліи временъ Юлія Цезаря на Римскаго сенатора.

Народъ, постигнутый бѣдствіемъ, всегда находитъ враговъ. Датчане захотѣли воспользоваться упадкомъ Швеціи. Въ Стокгольмѣ собранъ былъ сеймъ для ратификаціи мира съ Россіею и для избранія наслѣдника престола. Король Датскій, намѣреваясь соединить на головѣ своего сына, королевскаго принца, три короны: Шведскую, Датскую и Норвежскую, произвелъ бунтъ въ Кареліи, возмущалъ духовенство, подкупалъ нѣкоторыхъ горожанъ; но онъ встрѣтилъ столько препятствій къ исполненію своего замысла, что сей послѣдній оказался мертворожденнымъ. Датскія и Шведскія войска уже собирались на границахъ. Стокгольмскій сеймъ поспѣшно искалъ посторонней помощи: онъ обратился къ посредничеству короля для исходатайствованія сдѣлки съ сосѣдями. Король принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ, и Датскій король отвѣчалъ ему, что, во вниманіе къ его увѣщаніямъ, не будетъ торопить событій. Но, что̀ покажется почти невѣроятнымъ, эти самые Шведы, которые только что заключили постыдный миръ съ Россіею, стали умолять императрицу о ея покровительствѣ противъ Датчанъ. Елисавета согласилась и отправила генерала Кейта на галерахъ съ 10 тысячами вспомогательнаго войска. Тогда, благодаря этимъ войскамъ, былъ избранъ принцъ Голштинскій, епископъ Любскій, вмѣсто принца Датскаго, наслѣдникомъ престарѣлаго Шведскаго короля, ландграфа Гессенскаго. Такимъ образомъ, почти въ одинъ и тотъ-же годъ, Швеція была разбита, поддержана и наконецъ отдана принцу Голштинскому императрицею Россійскою. Стокгольмскій Сенатъ утѣшилъ себя въ невзгодахъ жестокостями: генералы Будденброкъ и Левенгауптъ погибли на плахѣ. Ихъ обвиняли въ измѣнѣ и предательствѣ, но безъ доказательствъ: они были виновны только въ неспособности и недостаткѣ энергіи.

....Легкость, съ какою Вѣнскій дворъ вовлекъ Сардинскаго короля въ союзъ съ Австріею, убѣдила его, что онъ можетъ разсчитывать на подобный же успѣхъ въ Россіи, дабы держава эта поддержала то, что̀ онъ называлъ правымъ дѣломъ. Франція провѣдала объ этомъ и послала маркиза Шетарди въ Петербургъ, для противодѣйствія намѣреніямъ ея враговъ. Шетарди, который своими ловкими дѣйствіями возвелъ Елисавету на престолъ, думалъ теперь, въ новый пріѣздъ свой, получить знаки признательности Русскаго двора, но испыталъ вмѣсто того неблагодарность. Въ этой странѣ происходило тогда сильное броженіе; судьба столькихъ низверженныхъ государей возбуждала неудовольствіе въ средѣ вельможъ, связывавшихъ съ ихъ участью свои личныя выгоды: недоставало только вождя, чтобъ открыто поднять знамя бунта. Державы, непремѣнно хотѣвшія добиться помощи отъ Россіи и не видѣвшія успѣха, воспользовались этимъ зарождавшимся броженіемъ и затѣяли противъ императрицы заговоръ, который, къ счастію для нея, былъ обнаруженъ. Въ разъясненіе этой опасной

крамолы нужно припомнить, что Вѣнскій дворъ съ прискорбіемъ отнесся къ роковому событію, погубившему Антона Брауншвейгскаго и его супругу: достаточно было того, что Франція способствовала этому перевороту, чтобъ сдѣлать его ненавистнымъ для Австріи. Притомъ слѣдовало предполагать, что императрица Елисавета не забудетъ услуги, оказанной ей Франціею, и явитъ болѣе расположенія къ этой державѣ, чѣмъ къ Австріи, въ особенности по причинѣ близкаго родства королевы Венгерской съ низложеннымъ семействомъ. Такое предположеніе, въ глазахъ Вѣнскаго министерства, вполнѣ оправдывало всякія предпріятія, клонившіяся къ погибели императрицы Россійской. Маркизъ Ботта Адорно, посланникъ королевы Венгерской въ Петербургѣ, имѣлъ тайный наказъ создать заговоръ. Онъ при этомъ дворѣ служилъ для возбужденія и раздраженія умовъ: онъ подущалъ женщинъ, связывался съ лицами всѣхъ состояній и свойствъ, къ предательству присоединялъ клевету, увѣряя въ покровительствѣ короля Прусскаго всѣхъ радѣтелей его шурина и его племянника, молодаго низложеннаго императора. Злоупотребляя именемъ короля въ этихъ козняхъ, маркизъ Ботта имѣлъ цѣлью поссорить его съ Россіей, въ случаѣ открытія заговора. Заговоръ дѣйствительно обнаружился, но кнутъ повѣдалъ императрицѣ Россійской, что Ботта былъ его зачинщикомъ. Дѣло открылось по неосторожности одного Русскаго, который, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, произнесъ дерзкія слова въ трактирѣ. Полиція схватила его; онъ и арестованные сообщники его сознались во всемъ подъ страхомъ пытокъ. Въ Москвѣ было взято подъ стражу до сорока человѣкъ, которые показали во всемъ согласно съ первыми. Графинѣ Ягужинской вырѣзали языкъ; жена Бестужева, брата министра, сослана въ Сибирь, и затѣмъ множество людей заплатили своею горькою участью за прельщенія маркиза Ботты. Этотъ министръ предостерегся своевременно, смѣнивъ себя другимъ министромъ еще до открытія заговора, дабы не поплатиться своею личностью и честью своего званія въ случаѣ неудачи. Онъ состоялъ уже при Берлинскомъ дворѣ, когда заговоръ обнаружился. Король, узнавъ о происшествіяхъ въ Россіи, запретилъ ему являться ко двору и присоединился къ императрицѣ Россійской для истребованія удовлетворенія отъ королевы Венгерской, такъ какъ Ботта одинаково оскорбилъ и императрицу и короля Прусскаго. Гнусное поведеніе Ботты отчасти легло пятномъ и на его дворъ. Если Французы подали примѣръ подобнаго предпріятія, то Австрійцамъ не слѣдовало подражать имъ. Что сталось бы съ общественною безопасностью и съ неприкосновенностью самихъ государей, еслибъ открывалась широкая возможность мятежу, отравленіямъ, убійствамъ? И какое толкованіе народнаго права можетъ оправдать подобныя дѣянія? Развѣ политика не имѣетъ честныхъ путей, которыми можетъ пользоваться, и нужно-ли отрекаться отъ всякаго чувства долга и чести, въ виду корыстныхъ цѣлей, весьма часто обманчивыхъ? Достойно сожалѣнія, что въ XVIII-мъ вѣкѣ, болѣе гуманномъ, болѣе просвѣщенномъ чѣмъ предшествовавшіе, Франція и Австрія заслужили подобные упреки.

Королева Венгерская не одобрила и не осудила своего министра. Неудачная попытка Вѣнскаго двора представила Берлинскому средство тѣснѣе сблизиться съ Петербургскимъ: король писалъ о томъ Мардефельду, своему посланнику при Елисаветѣ. Этотъ ловкій дипломатъ старался придать болѣе обширное толкованіе договору, существовавшему между обѣими державами. Послѣ многихъ проволочекъ, онъ добился только довольно-неопредѣленной гарантіи Прусскихъ владѣній, выраженной такъ двусмысленно, что не стоило о ней хлопотать. Хотя этотъ договоръ не имѣлъ никакой силы, но онъ могъ служить страшилищемъ для дворовъ, враждебныхъ Пруссіи: чтобы ослѣпить, годятся и стразы вмѣсто алмазовъ. Графъ Бестужевъ отклонялъ императрицу отъ заключенія болѣе тѣснаго союза съ королемъ Прусскимъ. Шетарди, недовольный этимъ министромъ, старался о его смѣщеніи. Мардефельдъ былъ уполномоченъ содѣйствовать ему; но опытность Мардефельда оказалась безсильною противъ звѣзды Бестужева.

....Изо всѣхъ сосѣдей Пруссіи Россійская имперія заслуживаетъ преимущественнаго вниманія, какъ сосѣдка наиболѣе опасная. Она могущественна и близка. Будущимъ правителямъ Пруссіи также предлежитъ искать дружбы этихъ варваровъ. Короля не столько страшила численность Русскихъ войскъ, сколько эта толпа казаковъ и Татаръ, которые выжигаютъ цѣлыя области, убиваютъ жителей или уводятъ ихъ въ плѣнъ: они опустошаютъ страну, наводняемую ими. Притомъ, съ другимъ непріятелемъ можно возмещать претерпѣваемый вредъ; но это становится невозможнымъ относительно Россіи, если не имѣть въ своемъ распоряженіи сильнаго флота для обереженія и продовольствія арміи, которая направляла бы свои дѣйствія прямо на Петербургъ. Въ видахъ пріобрѣтенія дружбы Россіи, король не щадилъ никакихъ усилій. Къ тому клонились и переговоры, которые онъ велъ въ Швеціи. Императрица Елисавета намѣревалась въ то время женить великаго князя, своего племянника, дабы упрочить престолонаслѣдіе. Хотя ея выборъ еще ни на комъ не остановился, однакожъ она склонна была отдать предпочтеніе принцессѣ Ульрикѣ Прусской, сестрѣ короля. Саксонскій дворъ желалъ выдать принцессу Маріанну, вторую дочь Августа, за великаго князя, съ цѣлію пріобрѣсти этимъ вліяніе у императрицы. Россійскій министръ, котораго подкупность доходила до того, что онъ продалъ бы свою повелительницу съ аукціона, еслибъ онъ могъ найти на нее достаточно богатаго покупателя, ссудилъ Саксонцевъ за деньги обѣщаніемъ брачнаго союза. Король Саксонскій заплатилъ условленную сумму и получилъ за нее одни слова.

Было крайне опаснымъ для государственнаго блага Пруссіи допустить семейный союзъ между Саксоніею и Россіею, а съ другой стороны казалось возмутительнымъ пожертвовать принцессою королевской крови для устраненія Саксонки. Избрано было другое средство. Изо всѣхъ Нѣмецкихъ принцессъ, которыя по возрасту своему могли вступить въ бракъ, наиболѣе пригодною для Россіи и для интересовъ Пруссіи была принцесса Цербстская. Отецъ ея былъ фельд-

маршаломъ королевскихъ войскъ; мать, принцесса Голштинская, была сестрою наслѣднаго принца Шведскаго, теткою великаго князя Россійскаго. Мы не станемъ входить въ подробности переговоровъ объ этомъ дѣлѣ; достаточно будетъ сказать, что довести ихъ до благополучнаго исхода стоило немаловажнаго труда. Самому отцу невѣсты этотъ бракъ не нравился. Не уступая въ ревности къ лютеранству современникамъ Лютеровой реформы, онъ лишь тогда согласился, чтобы его дочь приняла схизматическое исповѣданіе, когда одинъ болѣе сговорчивый пасторъ растолковалъ ему, что Лютеранская вѣра и Греческая почти одно и тоже. Въ Россіи Мардефельдъ такъ искусно скрылъ отъ канцлера Бестужева пружины, пущенныя имъ въ ходъ, что принцесса Цербстская появилась въ Петербургѣ къ изумленію всей Европы, и императрица приняла ее въ Москвѣ со всѣми знаками расположенія и дружбы.

Еще не всѣ препятствія были улажены; оставалось еще одно затрудненіе, а именно, близкое родство жениха съ невѣстою. Для устраненія этого препятствія употреблены деньги, что вездѣ бывало лучшимъ средствомъ противъ богословскихъ споровъ. Попы и епископы, принявъ должную мзду, рѣшили, что этотъ бракъ вполнѣ согласенъ съ канонами Греческой церкви.

Баронъ Мардефельдъ, не довольствуясь этимъ первымъ успѣхомъ, задумалъ исходатайствовать перемѣщеніе опальнаго семейства изъ Риги въ какое нибудь мѣсто Россіи и успѣлъ въ этомъ. Личная безопасность императрицы требовала, чтобы эти лица, которыхъ одна революція свергла съ престола, а другая могла возстановить, находились подальше отъ Петербурга. Ихъ увезли за Архангельскъ, въ мѣстность столь дикую, что даже названіе ея неизвѣстно [16]). Въ то время какъ мы пишемъ эти записки, принцъ Антонъ-Ульрихъ Брауншвейгскій все еще находится тамъ. Мардефельдъ и маркизъ Шетарди, считая себя сильными послѣ пріѣзда принцессы Цербстской, пожелали увѣнчать дѣло отставкою великаго канцлера Бестужева, врага Франціи по капризу и приверженца Англіи по разсчету. Это былъ человѣкъ невысокихъ способностей, мало свѣдущій въ дѣлахъ, гордый по невѣжеству, нрава лицемѣрнаго, коварный и двоедушный даже съ тѣми, кто подкупалъ его. Происки двухъ иностранныхъ министровъ были настолько успѣшны, что разлучили обоихъ братьевъ. Оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ былъ отправленъ въ Берлинъ [17]) въ качествѣ Россійскаго полномочнаго министра; но

---

[16]) Разговоръ Фридриха съ графомъ Чернышовымъ объ этомъ предметѣ см. въ Р. Архивѣ 1866, стр. 1541. Фридрихъ ошибался относительно мѣста заточенія: Брауншвейгское семейство въ это время было отправлено въ Раненбургъ, Рязанской губерніи, откуда оно было перевезено въ Холмогоры гораздо позднѣе, когда тотъ же Фридрихъ замышлялъ освободить потомковъ царя Ивана Алексѣевича и произвести государственный переворотъ въ Россіи.

[17]) 28 Апрѣля 1744 г. оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ заступилъ въ Берлинѣ мѣсто графа Чернышева, который, въ Сентябрѣ того же года, въ свою очередь замѣнилъ собою Бестужева.

канцлеръ, слишкомъ твердо укоренившійся при дворѣ, устоялъ противъ всѣхъ нападеній. Мардефельдъ сумѣлъ утаить свое участіе въ этихъ козняхъ; Шетарди, менѣе осторожный, слишкомъ обнаружился. За то, не стѣсняясь ни его званіемъ, ни оказанными услугами, дворъ выпроводилъ его изъ Россіи поспѣшнымъ и очень непочетнымъ образомъ.

Послѣ того какъ императрица остановила свой выборъ на принцессѣ Цербстской для брака съ великимъ княземъ, уже легче было получить ея согласіе на бракъ принцессы Прусской Ульрики съ новымъ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ. Пруссія на этихъ двухъ бракосочетаніяхъ основывала свою безопасность: принцесса Прусская у Шведскаго престола не могла быть врагомъ королю, своему брату; а великая княгиня Русская, воспитанная и вскормленная въ Прусскихъ владѣніяхъ, обязанная королю своимъ возвышеніемъ, не могла вредить ему безъ неблагодарности. Хотя въ то время нельзя было скрѣпить союза съ Россіею и замѣнить канцлера Бестужева болѣе доброжелательнымъ министромъ, однакоже прибѣгли къ золотому ключу, чтобы отомкнуть сердце, запертое желѣзными вратами: такова была, до самаго 1745 г., риторика Мардефельда, посредствомъ которой онъ умѣрялъ недоброхотство этого злобнаго человѣка.

Всѣ вышеизложенныя нами обстоятельства доказываютъ, что король Прусскій не вполнѣ успѣлъ въ своихъ домогательствахъ, и что достигнутое имъ отъ Россіи не совсѣмъ соотвѣтствовало его надеждамъ. Но важно было и то, что удалось усыпить на нѣкоторое время недоброжелательство столь грозной державы; а кто выигралъ время, тотъ вообще не остался въ накладѣ.

Переводилъ Маврикій Жуазель.

Канцлеръ князь Безбородко *).

XVI.

ТРУДЫ ПО ДОЛЖНОСТИ СЕКРЕТАРЯ ЕКАТЕРИНЫ II И «КАНЦЕЛЯРІЯ ГРАФА БЕЗБОРОДКИ».

Извѣстно, что Безбородко первоначально опредѣленъ былъ для принятія челобитенъ, подаваемыхъ на высочайшее имя. Изъ современной «росписи чиновныхъ особъ» узнаёмъ, что лица, состоявшія у принятія челобитенъ, числились «при собственныхъ Ея Величества дѣлахъ», которыя какъ-бы подраздѣлялись на двѣ отдѣльныя канцеляріи: а) «Собственныхъ Ея Величества дѣлъ» и б) «Принятія челобитенъ». Когда Безбородко опредѣлился ко двору, составъ секретарей Государыни былъ небольшой, именно товарищами его въ то время были: по «собственнымъ Ея Величества дѣламъ», тайн. сов. и сенаторъ Григорій Николаевичъ Тепловъ и гофмейстеръ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ; «у принятія челобитенъ» — тайн. сов., таможенной канцеляріи членъ, Сергѣй Матвѣевичъ Козьминъ, ст. сов. Петръ Николаевичъ Пастуховъ и генералъ-маіоръ Петръ Васильевичъ Завадовскій. Сей послѣдній вскорѣ получилъ новое назначеніе и затѣмъ отпущенъ былъ въ «безсрочный вояжъ», хотя и числился долгое время въ штатѣ секретарей.

При каждомъ изъ названныхъ лицъ находились особые чиновники, составляя какъ бы отдѣльную канцелярію, которая зависѣла отъ своего статсъ-секретаря. Въ послѣдствіи число секретарей и состоящихъ при нихъ чиновниковъ измѣнялось; но Безбородко сохранялъ званіе секретаря какъ при Екатеринѣ II, такъ и при Павлѣ I. Между этими секретарями распредѣлены были государственныя учрежденія, дѣла которыхъ восходили на утвержденіе и рѣшеніе императорской власти. Доклады секретарей императрицѣ происходили ежедневно во все время ея царствованія. Почти одинаковъ былъ и порядокъ этихъ докладовъ. Весьма интересныя свѣдѣнія о занятіяхъ и вообще о ежедневномъ образѣ жизни Екатерины II за первые годы ея царство-

*) Первыя главы этого обширнаго и нынѣ оконченнаго труда (предпринятаго для соисканія преміи графа Кушелева-Безбородки) помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1875 и 1876 годовъ. Читатели извинятъ отрывочное появленіе этихъ главъ во вниманіе къ богатству содержанія ихъ и біографической подлинности. Князь Безбородко имѣлъ столь великое государственное значеніе, что полная біографія его будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ Русской исторіографіи. *П. Б.*

ванія находимъ въ одномъ изъ ея писемъ, адресованныхъ къ г-жѣ Жоффренъ, именно отъ 6 Ноября 1764 года.

«Я встаю аккуратно въ 6 часовъ утра (говоритъ Екатерина), читаю и пишу одна до 8, потомъ приходятъ мнѣ читать разныя дѣла. Всякій, кому нужно говорить со мною, входитъ по-очередно, одинъ за другимъ. Такъ продолжается до 11 часовъ и долѣе. Потомъ я одѣваюсь. По Воскресеньямъ и праздникамъ иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ пріемную залу, гдѣ обыкновенно дожидается меня множество людей. Поговоривъ полчаса или $^3/_4$ часа, я сажусь за столъ. По выходѣ изъ-за стола является несносный генералъ [1]), чтобы читать мнѣ наставленія: онъ беретъ книгу, а я свою работу. Чтеніе наше, если не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до 5 часовъ съ половиною. Тогда я отправляюсь въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ случится, до ужина, который кончается ранѣе 11 часовъ. Затѣмъ я ложусь, и на другой день повторяется тоже самое, какъ по нотамъ» [2]).

О занятіяхъ и ежедневномъ образѣ жизни Екатерины II за послѣдніе годы ея царствованія подробно разсказываетъ въ своихъ Запискахъ А. М. Грибовскій, опредѣленный въ должность статсъ-секретаря въ началѣ 1795 года. Зимнее время она проводила въ среднемъ этажѣ дворца, надъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго Брюсовскаго дома, гдѣ нынѣ экзерциргаузъ, а на лѣто переѣзжала сначала въ Таврическій дворецъ, а потомъ, и всегда инкогнито, въ Царское Село. Въ Зимнемъ дворцѣ Императрица занимала немного комнатъ. Малая лѣстница вела въ комнату, обращенную окнами къ малому дворику. Въ этой комнатѣ, «за ширмами, на случай скораго отправленія приказаній Государыни», стоялъ письменный столъ съ приборомъ, за которымъ работали секретари и другія дѣловыя особы. Изъ этой комнаты былъ входъ въ уборную, обращенную окнами на дворцовую площадь и снабженную уборнымъ столикомъ. Изъ уборной одна дверь, направо, вела въ брилліантовую комнату, а другая, налѣво, въ спальню, гдѣ Государыня «обыкновенно дѣла слушала».

Въ послѣдніе свои годы Екатерина II вставала уже не въ 6, а въ 8 часовъ утра и до 9 часовъ занималась письмомъ въ своемъ кабинетѣ, выпивая одну чашку кофе безъ сливокъ. Въ 9 часовъ она возвращалась въ спальню, и здѣсь «у самаго почти входа изъ уборной садилась на стулъ, подлѣ стѣны, имѣя предъ собою два выгибныхъ столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и передъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ. Въ сіе время на ней былъ обыкновенно бѣлый гродетуровый шлафрокъ или капотъ, а на головѣ бѣлый же флеровый чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный [3]). Государыня, занявъ свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ, и стоявшій безотходно у дверей спальни дежурный камердинеръ входилъ и, вышедъ, звалъ кого при-

---

[1]) Vilain général. Такъ называла Екатерина въ шутку И. И. Бецкаго, конечно знакомаго г-жѣ Жофренъ по Парижу.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. I, стр. 261.

[3]) Кто былъ на выставкѣ портретовъ историческихъ лицъ XVIII и XIX столѣтій, устроенной обществомъ поощренія художниковъ въ С.-Петербургѣ, тотъ, конечно, обратилъ вниманіе на портретъ великой наставницы и сотрудницы князя Безбородко, изображенной именно въ этомъ видѣ.

казано было. Въ это время собирались въ уборную ежедневно оберъ-полицiймейстеръ и секретари, въ одиннадцатомъ же часу прiѣзжалъ графъ Безбородко; а для другихъ чиновъ назначены были въ недѣлю особые дни.

Грибовскiй сообщаетъ и о поклонахъ, какiе дѣлалъ Безбородко, входя съ докладомъ къ Императрицѣ. Разсказавъ о Суворовѣ, который, при входѣ, прежде дѣлалъ три земныхъ поклона предъ иконою Казанской Богоматери и, потомъ, одинъ поклонъ императрицѣ, Грибовскiй прибавляетъ: «Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и графъ Безбородко и нѣкоторые другiе, только безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою» [4]).

Безбородко началъ свою службу при Екатеринѣ въ качествѣ докладчика по челобитнымъ. Въ нашемъ распоряженiи находится огромное количество писемъ его къ генералъ-прокурорамъ: князю Вяземскому и графу Самойлову и къ оберъ-прокурорамъ Св. Синода: И. И. Мелиссино, П. П. Чебышеву, С. В. Акчурину, А. П. Наумову и А. И. Мусину-Пушкину, къ которымъ Безбородко, по волѣ императрицы, пересылалъ челобитныя, какъ жалобы на присутственныя мѣста, состоявшiя подъ вѣдѣнiемъ Сената и Синода, или какъ просьбы.

Какъ ни незначительны письма Безбородки къ названнымъ лицамъ по своему содержанiю и какъ ни оффицiально-лаконичны они по изложенiю, во всякомъ случаѣ они даютъ возможность сказать, что всеподданнѣйшiя просьбы, подаваемыя Екатеринѣ въ перiодъ времени съ начала 1776 года до второй половины 1792 года, разсматривались и докладывались ей исключительно Безбородкою. Только съ Августа 1792 года челобитныя нерѣдко посылались при письмахъ Зубова, Терскаго, Грибовскаго, Трощинскаго и особенно Г. Р. Державина. На послѣдняго, кажется, преимущественно была возложена эта обязанность, пока онъ не получилъ новаго назначенiя [5]).

Въ своей перепискѣ по челобитнымъ съ генералъ- и оберъ-прокурорами Безбородко является простымъ исполнителемъ воли Екатерины, у которой подданные искали защиты и милосердiя. А волею Государыни требовалось: или чтобы просители, не смотря на санъ и званiе, были удовлетворены «немедленно и по закону», или—чтобы дѣло челобитчика было «разсмотрѣно по законамъ въ общемъ собранiи Сената», или чтобы оно было рѣшено «безъ очереди, немедленно», и нерѣдко «къ извѣстному числу».

Въ лаконическихъ письмахъ Безбородки будущiй историкъ Екатерининскаго царствованiя найдетъ обильный матерiалъ словесныхъ распоряженiй Монархини, уму которой удивлялась тогда Европа. Они помогутъ ему также охарактеризовать дѣйствiя тогдашнихъ государственныхъ учрежденiй за вторую половину ея царствованiя.

Недолго Безбородко ограничивался докладомъ челобитенъ. Увлеченная отчетливостью его устныхъ объясненiй и выработанностiю письменнаго изложенiя, Государыня начала возлагать на него самыя разнообразныя дѣла, и Безбородко, естественно, занялъ положенiе главнаго секретаря Императрицы и сдѣлался докладчикомъ дѣлъ отъ всѣхъ государственныхъ учрежденiй. Безбородко писалъ отцу своему:

---

[4]) Записки А. М. Грибовскаго. М. 1847 г., стр. 24—29.

[5]) Въ архивахъ Сенатскомъ и Кабинета Е. И. В. въ С.-Петербургѣ я имѣлъ возможность видѣть за 1792 и 1793 годы большое число писемъ, подписанныхъ Державинымъ, по челобитнымъ.

«Меня вся публика и дворъ видятъ яко перваго ея (Императрицы) секретаря, потому что чрезъ мои руки идутъ дѣла Сената, Синода, Иностранной Коллегіи, не выключая и секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ (Екатерины)». Не состоя на службѣ въ большинствѣ этихъ учрежденій, Безбородко не могъ имѣть ближайшаго и непосредственнаго вліянія на сущность дѣлъ, докладываемыхъ Екатеринѣ; но кто знаетъ значеніе и вліяніе докладчиковъ на тѣ лица, которымъ они докладываютъ, кто знаетъ, что отъ докладчика весьма часто зависитъ не только направленіе дѣла въ ту или другую сторону, но и разрѣшеніе его въ томъ или другомъ смыслѣ, тотъ конечно не будетъ смотрѣть на Безбородку, какъ на простаго предъявителя разныхъ сообщеній отъ одной власти другой.

Близость и довѣріе, которыми Безбородко пользовался у Екатерины, естественно вели къ тому, что опытный, свѣдущій и трудолюбивый секретарь долженъ былъ получить при докладахъ рѣшительное вліяніе на характеръ рѣшеній Государыни. Подлинныя бумаги свидѣтельствуютъ, что дѣло именно такъ и было. Множество сохранившихся резолюцій, указовъ и рескриптовъ, писанныхъ рукою Безбородки и только подписанныхъ Императрицею, наводитъ прямо на мысль, что она совѣтовалась съ нимъ касательно тѣхъ или другихъ распоряженій, соглашалась съ его мнѣніями и поручала ему самому выразить на бумагѣ эти мнѣнія, которыя потомъ и подписывала.

Такимъ образомъ канцелярія Безбородки, съ каждымъ годомъ, болѣе и болѣе расширялась соотвѣтственно увеличенію круга предметовъ, входившихъ въ область его занятій; а къ началу 1780 года въ канцеляріи этой сосредоточились почти всѣ дѣла, восходившія на утвержденіе или рѣшеніе императорской власти. Долго и утомительно было бы перечислять акты, вышедшіе изъ канцеляріи Безбородки по докладамъ его Екатеринѣ о дѣлахъ, касавшихся разныхъ вѣдомствъ. Но нельзя умолчать, что въ архивѣ Кабинета Его Императорскаго Величества хранятся исходящія книги всѣхъ секретарей, бывшихъ при императрицѣ Екатеринѣ и императорѣ Павлѣ, и наибольшее число связокъ принадлежитъ дѣламъ «канцеляріи Безбородки», на которыхъ наклеены ярлыки съ надписью «докладчиковъ Трощинскаго и другихъ». 12 связокъ (съ № 39 по 51 включительно) содержатъ въ себѣ 50 книгъ, которыя даютъ наглядное понятіе о трудахъ Безбородки, какъ секретаря Екатерины и какъ докладчика по разнымъ дѣламъ. Эти исходящія книги свидѣтельствуютъ, что чрезъ его руки проходили дѣла всѣхъ учрежденій, составляющихъ государственный механизмъ, и что чрезъ него Государыня переписывалась со всѣми лицами, которымъ были ввѣрены въ управленіе какія либо части.

Труды Безбородки совершенно сливаются съ трудами его канцеляріи. Пользуясь, поэтому, сохранившимися бумагами сей послѣдней, на основаніи разнаго рода актовъ, можно опредѣлить порядокъ разнообразныхъ сношеній императорской власти при Екатеринѣ II съ различными учрежденіями государства, равно такъ и отправленія многосложной дѣятельности, обнаруженной Безбородкою, по должности главнаго секретаря Екатерины.

Сношенія верховной власти съ государственными учрежденіями, при Екатеринѣ, производились а) чрезъ манифесты, непосредственно исходившіе отъ верховной власти, б) чрезъ именные указы, объяв-

ляемые на имя учрежденія, или на имя начальствующаго надъ нимъ, въ формѣ рескриптовъ [6]), в) чрезъ утвержденіе всеподданнѣйшихъ докладовъ, и г) чрезъ письма секретарей на имя разныхъ лицъ.

По исходящимъ книгамъ канцеляріи Безбородки, актовъ, подписанныхъ Государыней, насчитывается 14,572 и 9651 письмо, подписанное Безбородкою и объявлявшее волю Екатерины [7]). По разнымъ случаямъ, изъ числа 24,223 документовъ [8]), изготовленныхъ въ канцеляріи Безбородки, 893 акта напечатаны въ первомъ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи. Это положительно свидѣтельствуетъ о глубокихъ юридическихъ познаніяхъ Безбородки и позволяетъ повторить слова академика Н. Г. Устрялова, что «рѣдкое изъ внутреннихъ учрежденій въ Имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородки» [9]).

Не входя въ разсмотрѣніе всей массы документовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Безбородки, позволимъ себѣ, однако, сказать нѣсколько словъ о значеніи этихъ актовъ. Само собою разумѣется, что существеннѣйшіе и важнѣйшіе изъ документовъ, т. е. законодательные, вошли въ составъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, нумера коихъ будутъ указаны въ особомъ приложеніи къ настоящему труду. Вообще же всѣ разсматриваемые мною акты, какъ напечатанные въ Полномъ Собраніи Законовъ, такъ и не вошедшіе въ него, по административному своему значенію представляютъ слѣдующіе результаты секретарскихъ трудовъ графа Безбородки.

а) Къ числу важнѣйшихъ государственныхъ актовъ перваго отдѣла, принадлежатъ манифесты, которые, съ 1776 до второй половины 1792 года, составлялись исключительно въ канцеляріи Безбородки и всецѣло принадлежали его перу.

б) Ко второму отдѣлу принадлежатъ «именные высочайшіе указы», данные разнымъ государственнымъ учрежденіямъ или лицамъ. Я видѣлъ въ архивахъ множество этихъ актовъ, написанныхъ рукою Безбородки; но здѣсь ограничусь только замѣчаніемъ, что въ одномъ Сенатскомъ архивѣ хранится 387 имъ писанныхъ указовъ, данныхъ на имя этого учрежденія. Содержаніе этихъ актовъ, не напечатанныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, можно охарактеризовать нѣсколькими словами: ими даруются разнымъ лицамъ монаршія милости и, какъ кажется, всѣ они были написаны въ секретарской ком-

---

[6]) Разницу между рескриптомъ и именнымъ указомъ, данными одному и тому же лицу, я нахожу только во внѣшней формѣ. Рескриптъ начинается обращеніемъ къ лицу, которое называется по имени и отчеству, а указъ—обращеніемъ къ занимаемой лицомъ должности. «Князь Александръ Алексѣевичъ!» начинала Екатерина и излагала свои мысли въ рескриптѣ; «Господинъ генералъ-прокуроръ», обращалась она къ князю и писала ему указъ.

[7]) Исходящія книги канцеляріи Безбородки раздѣляются на два разряда и имѣютъ заглавія: а) «журналъ именныхъ высочайшихъ указовъ канцеляріи Безбородки» и б) «журналъ исходящимъ письмамъ Безбородки, которыми сообщаются Е. И. В. повелѣнія разнымъ особамъ и по разнымъ дѣламъ». По такимъ же книгамъ канцеляріи А. В. Храповицкаго, одного изъ дѣятельнѣйшихъ секретарей Екатерины, насчитывается тѣхъ и другихъ актовъ 759—подписанныхъ Императрицею 247 и его писемъ 512.

[8]) Всѣ документы исшедшіе изъ канцеляріи Безбородки и частная его переписка составляютъ предметъ особаго моего труда.

[9]) Русская Исторія, Спб., 1849 г., т. II, стр. 231.

натѣ, за ширмами, о которой говоритъ Грибовскій, такъ сказать, на лету, тотчасъ по изъявленіи монаршей воли. Громадное число этихъ указовъ, разсѣянныхъ по всѣмъ государственнымъ архивамъ и относящихся къ разнымъ общественнымъ дѣятелямъ, начиная отъ князя Потемкина и княгини Дашковой и кончая какимъ-нибудь совершенно неизвѣстнымъ чиновникомъ, свидѣтельствуетъ, что до второй половины 1792 года щедроты великой Екатерины шли чрезъ руки Безбородки. Вотъ почему, между прочимъ, съ нимъ старались сблизиться, или у него искали покровительства всѣ, кто только искалъ милостей царскихъ. А кто ихъ не искалъ? Къ чести Безбородки должно сказать, что онъ искренно желалъ добра ближнимъ и охотно дѣлалъ его по правилу, которое усвоилъ себѣ, подъ вліяніемъ домашняго воспитанія, съ самаго дѣтства: «не желать того другимъ, чего себѣ не желаешь», какъ выразился онъ однажды въ письмѣ къ своему отцу.

Ко второму отдѣлу актовъ слѣдуетъ причислить рескрипты Екатерины, данные на имя разныхъ лицъ, которымъ ввѣрены были въ управленіе отдѣльныя части государственнаго строя. Исходящія книги канцеляріи Безбородки приводятъ къ убѣжденію, что чрезъ эту канцелярію Императрица сносилась со всѣми государственными людьми тогдашняго времени. По громадному количеству оставшихся копій съ рескриптовъ можно безошибочно заключить, что Безбородко былъ посвященъ Екатериною во всѣ государственныя тайны. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой физической возможности опредѣлить, которые изъ этихъ рескриптовъ принадлежали перу самого Безбородки, такъ какъ подлинные рескрипты отсылались къ тѣмъ лицамъ, которымъ они назначались, и весьма часто эти лица передавали присутственнымъ мѣстамъ копіи, а у себя оставляли подлинники, которые, такимъ образомъ, хранятся въ семейныхъ архивахъ ихъ наслѣдниковъ.

в) Что̀ касается до третьяго отдѣла актовъ, а именно до всеподданнѣйшихъ докладовъ, восходившихъ на утвержденіе и рѣшеніе императорской власти отъ различныхъ государственныхъ учрежденій и подчиненныхъ имъ лицъ, то въ нихъ Безбородко является истиннымъ знатокомъ законовъ, которые въ царствованіе Екатерины представляли непроходимый лабиринтъ даже для людей, посвященныхъ въ отечественную юриспруденцію. Безбородко представлялъ Императрицѣ эти доклады съ Марта 1778 по Ноябрь 1792 года, излагалъ ихъ, объяснялъ и писалъ на нихъ резолюціи, которыя Екатерина только подписывала. Множество докладовъ съ такими резолюціями, написанными рукою Безбородки, хранятся въ архивахъ: Сенатскомъ, Синодскомъ и другихъ учрежденій, именно въ книгахъ «именныхъ высочайшихъ указовъ». Сама же Императрица, по большей части, писала резолюціи лаконическія, напримѣръ: «быть по сему», «разсудить» и т. п. Преимущественнымъ содержаніемъ докладовъ, покрытыхъ резолюціями, писанными Безбородкою, были тяжебные и уголовные предметы, которые влекли за собою лишеніе дворянства, чиновъ и ссылку на поселеніе или въ каторжную работу. Доклады эти какъ нельзя лучше рисуютъ нравственное состояніе тогдашняго дворянства и будущему изслѣдователю дадутъ богатый матеріалъ для нравственной статистики нашего общества за время Екатерины II-й.

До опредѣленія Безбородки на должность секретаря, резолюціи на докладахъ, иногда очень обширныя, писала сама Императрица. Ино-

гда, судя по почерку, я замѣчалъ резолюціи, писанныя Козминымъ, Тепловымъ и еще рѣже Елагинымъ и Олсуфьевымъ. Съ поступленіемъ Безбородки обязанность эта легла на него всею своею тяжестію. Причиною тому была, безъ сомнѣнія, полная удовлетворительность Безбородкинскихъ резолюцій, исправлять или измѣнять которыя Государыня не находила нужнымъ.

Представленные факты опредѣляютъ смыслъ словъ Грибовскаго, который пишетъ: «всѣ сенатскіе доклады по уголовнымъ и тяжебнымъ дѣламъ, коихъ рѣшеніе отъ Государыни зависѣло, онъ, Д. П. Трощинскій, разсматривалъ и по онымъ указы заготовлялъ, которые графъ Безбородко только къ подписанію ея подносилъ» [10]). Очевидно, эти слова Грибовскаго должно относить къ послѣднимъ двумъ годамъ царствованія Екатерины. Опредѣленный въ секретари во второй половинѣ 1795 года, онъ потому не могъ и знать, проходили-ли чрезъ руки Безбородки доклады Императрицы до 1795 года. Въ 1791—1793 гг. резолюціи на докладахъ, представляемыхъ Екатеринѣ, нерѣдко писались Храповицкимъ [11]); но помѣты, гдѣ и когда высочайше конфирмованъ докладъ, съ 16 Октября 1791 года, т. е. съ отъѣзда Безбородки въ Яссы, писались рукою Зубова, и только съ 1794 года и во все остальное время царствованія Екатерины II и Павла I всеподданнѣйшіе доклады исключительно шли чрезъ руки Трощинскаго, и имъ писаны резолюціи, которыя нерѣдко измѣнялись, исправлялись и дополнялись императорскою рукою, особенно рукою Павла, въ его царствованіе.

г) Къ документамъ четвертаго разряда, посредствомъ которыхъ верховная власть сносилась съ государственными учрежденіями, принадлежатъ письма секретарей Императрицы къ разнымъ лицамъ. По своему содержанію письма этого рода, исшедшія изъ канцеляріи Безбородки, весьма разнообразны. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ объявлялась извѣстному учрежденію или лицу, для свѣдѣнія, исполненія или руководства воля Екатерины. Въ другихъ письмахъ сообщались высочайшія распоряженія объ опредѣленіи, увольненіи, перемѣщеніи, правахъ и награжденіи чинами, отличіями и деньгами разныхъ служащихъ лицъ. Иныя, наконецъ, вызывались частными обстоятельствами, о которыхъ Императрица узнавала раньше, чѣмъ учрежденіе и о которыхъ, вмѣстѣ съ высочайшею резолюціею по нимъ, давалось учрежденію знать. Разумѣется, большая часть этихъ писемъ носитъ частный характеръ; но есть между ними и такія, которыя имѣютъ историческій интересъ. Таковы особенно тѣ письма, въ которыхъ выражаются замѣчанія Екатерины на всеподданнѣйшіе доклады, не согласные съ ея взглядами, и въ которыхъ пзъясняются причины этого несогласія. Всѣ письма Безбородки, какъ секретаря Екатерины II, къ разнымъ лицамъ, даютъ чувствовать близость его къ Императрицѣ и полное довѣріе, которымъ онъ у нея пользовался. Особенно это

[10]) Въ одномъ Сенатскомъ архивѣ мною собрано 300 докладовъ по уголовнымъ и тяжебнымъ дѣламъ, съ резолюціями графа Безбородки; лишь нѣкоторые изъ нихъ, какъ примѣрные, напечатаны въ первомъ Полномъ Собр. Зак. Россійской Имперіи.

[11]) Въ подтвержденіе этихъ словъ можемъ привести письмо Екатерины къ Храповицкому, отъ 11 Мая 1788 года: «Чтобъ сенатскіе доклады отъ 1767 по 1786 годы были присланы отъ Безбородки къ Александру Васильевичу Храповицкому» (Русскій Архивъ 1872 г., стр. 2076).

слѣдуетъ сказать о цѣломъ рядѣ секретныхъ бумагъ, писанныхъ отъ лица Императрицы собственноручно довѣреннымъ ея секретаремъ. Многія изъ нихъ не подлежатъ обнародованію. Изъ писемъ, содержаніе которыхъ уже лишилось всякой жгучести и даже щекотливости, мы можемъ указать на письмо Безбородки къ Новгородскому митрополиту Гавріилу, которому первый секретарь Екатерины II передаетъ сокровенныя мысли Императрицы по уніатскому дѣлу, такъ что считаетъ нужнымъ въ припискѣ замѣтить: «ея величество желаетъ, чтобъ сіе, по волѣ ея, вашему преосвященству подаваемое объясненіе осталось единственно въ собственномъ вашемъ знаніи». Вообще же въ письмахъ этихъ Безбородко является какъ бы посредникомъ между верховною властію и государственными учрежденіями, повѣреннымъ сокровенныхъ думъ Императрицы и ближайшимъ исполнителемъ ея кабинетныхъ предположеній и предначертаній.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ актахъ, принадлежащихъ Безбородкѣ, рѣдко встрѣчаются помарки, исправленія и дополненія Екатерины, которая всегда внимательно читала подаваемыя къ ея подписи бумаги; но нельзя того же сказать о подписанныхъ ею бумагахъ, вышедшихъ изъ подъ пера другихъ ея секретарей. Особенно обильна поправками и исправленіями первая половина и послѣдніе годы ея царствованія.

Кромѣ перечисленныхъ выше трудовъ, Безбородкѣ передавались на разсмотрѣніе разные инструкціи, уставы и положенія и поручалось составленіе важнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ и историческихъ записокъ. Къ числу такихъ записокъ мы относимъ: 1) «хронологическую таблицу замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II», о которой уже было упомянуто, и 2) «О городахъ Гадячѣ и Зеньковѣ». Послѣдняя составлена по высочайшей волѣ, какъ легко замѣтить изъ начала ея: «Вашему Императорскому Величеству угодно было вѣдать обстоятельства, касающіяся до уѣздныхъ городовъ Черниговскаго намѣстничества Гадяча и Зенькова». Можно принять за вѣрное, что записка составлена въ 1781 году, когда учреждалось Черниговское намѣстничество и эти два города назначены были уѣздными [12]).

Изъ этого очерка государственныхъ трудовъ Безбородки за время Екатерины II-й, вѣроятно далеко не полнаго, видно, что онъ не оставался безъ дѣла и не потерялъ расположенія Екатерины до послѣднихъ дней ея жизни, будучи необходимъ для нея и постоянно находясь при ней даже въ лѣтніе мѣсяцы, когда она жила въ Царскомъ Селѣ. Слѣдовательно несправедливъ разсказъ Грибовскаго, что Безбородко «будто-бы, не имѣя никакой надобности являться ко двору, а только для поддержанія кредита въ публикѣ, ежедневно являлся въ спальнѣ Государыни, для того только, чтобы показать ей письмо, полученное имъ изъ Константинополя отъ племянника своего В. П. Кочубея». Еще менѣе вѣроятенъ разсказъ, что Безбородко, будто-бы, ежедневно посылалъ пустую свою карету къ царскому подъѣзду, чтобы видѣла публика, «что онъ при дѣлахъ». Послѣдній разсказъ, по моему мнѣнію, явно спутанъ съ извѣстіемъ, записаннымъ у Храповицкаго: «Сказывали (Екатерина) камердинеру, что во время поѣздки моей къ вице-канцлеру пріѣзжалъ графъ Безбородко, видно съ полученными имъ письмами изъ арміи; но тутъ увидѣли

[12]) Полн. Собр. Зак. № 15,229.

придворную карету, въ какой давно онъ ѣздилъ, и мылили за то голову Ребиндеру» [13]).

Большую часть бумагъ, которыя шли къ подписи Екатерины, Безбородко писалъ обыкновенно прямо на бѣло, весьма тонкими штрихами, т. е. легко, безъ всякихъ поправокъ и помарокъ; а бумаги, требующія особенно тщательной отдѣлки или сложныя по ихъ содержанію, онъ почти всегда писалъ карандашемъ и такъ бѣгло и связно, что въ настоящее время читать ихъ чрезвычайно трудно. Такое же убѣжденіе о почеркѣ Безбородки составилось и у автора исторіи Шведской войны г-на Головачева. Онъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, ссылается на современника Безбородки, находившагося съ нимъ въ перепискѣ по дѣламъ службы, графа Ивана Григорьевича Чернышева, который въ двухъ письмахъ своихъ къ Безбородкѣ жалуется на неразборчивость его почерка. «Какое мученіе имѣлъ, читая скорое вашего сіятельства писаніе! Да много и не прочелъ, а удержать не смѣлъ». Въ другомъ письмѣ графъ Чернышевъ говоритъ: «Нижайше прошу приказать переписать послѣдній пунктъ, что̀ до Коллегіи (Адмиралтейской) касается; откровенно скажу—не могу всего разобрать, а мнѣ надобенъ можетъ быть» [14]). Племянникъ Безбородки Г. П. Милорадовичъ, въ письмѣ къ своему отцу, отъ 25 Сентября 1791 года, въ такихъ выраженіяхъ отзывается о неразборчивомъ почеркѣ своего дяди: «Прилагаемое при семъ къ вамъ отъ графа А. А. Безбородки письмо распечаталъ я потому, что онъ нечетко пишетъ, и вы бы, конечно, не разобрали его рукописи, которую почти никто не привыкшій къ ней прочесть не можетъ, для того и посылаю копію онаго съ подлинникомъ».

Въ исчисленныхъ многосложныхъ и тяжелыхъ трудахъ Безбородки немалое участіе принадлежитъ его канцеляріи, а потому справедливость и полнота разсказа требуютъ сообщить и о ней краткія свѣдѣнія.

Канцелярія Безбородки, по личному составу своему, была больше чѣмъ канцеляріи всѣхъ другихъ секретарей взятыя вмѣстѣ. Но и въ ней находилось всего только отъ 4 до 9 человѣкъ. Этимъ и объясняется, что онъ собственноручно писалъ великое число исходящихъ бумагъ. Правителями канцеляріи, или, говоря языкомъ «списка чиновнымъ особамъ» «старшими чиновниками состоявшими при графѣ Безбородкѣ», были: Сергѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій и Николай Ефремовичъ Ефремовъ. Малиновскій былъ первый опредѣленный къ Безбородкѣ изъ Кабинета въ 1777 году и числился старшимъ чиновникомъ до 1784 года, т. е. до опредѣленія Трощинскаго. Малиновскій и при Трощинскомъ продолжалъ службу при Безбородкѣ до 1796 года» [15]).

Съ поступленіемъ Д. П. Трощинскаго, скучная работа составленія указовъ о пожалованіи чиновъ и опредѣленій на должности, работа, которую до тѣхъ поръ производилъ самъ Безбородко, перешла въ руки Трощинскаго. Безбородко отзывался о немъ Императрицѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, что онъ «былъ ему сущимъ и полезнымъ помощникомъ во всѣхъ, на немъ лежащихъ, дѣлахъ, въ которыхъ, по мно-

---

[13]) Дневникъ, стр. 130. Ребиндеръ завѣдывалъ придворною конюшнею.

[14]) Дѣйствія Русскаго флота въ войнѣ съ Шведами въ 1788—1790 годахъ. В. Головачева, СПБ. 1871 г., стр. 15.

[15]) Дѣла Кабинета Е. И. В. св. 441 и 447 ук. №№ 544 и 10.

жеству, трудности и важности ихъ, безъ пособія его, не могъ-бы онъ успѣть» [16]). Въ 1791 г., передъ отъѣздомъ въ Яссы, Безбородко представилъ Императрицѣ Трощинскаго и потомъ испросилъ у нея разрѣшенія, чтобы, во время его отсутствія, дѣла его канцеляріи докладывались ей правителемъ канцеляріи Трощинскимъ, а не Зубовымъ, который тогда уже былъ «во времени». Корсаковъ же, авторъ статьи «Преданіе изъ вѣка Екатерины Великой», объясняетъ представленіе Безбородкою Екатеринѣ Трощинскаго ея предложеніемъ, вызваннымъ готовностью облегчить для Безбородки труды понедѣльничныхъ докладовъ. Разсказавъ, какъ понедѣльничный проситель, не могшій нѣсколько разъ поймать Безбородку послѣ его воскресныхъ развлеченій для объясненій по важному дѣлу, вскочилъ за нимъ въ карету, когда графъ отправлялся во дворецъ, Корсаковъ продолжаетъ: «Анекдотъ сей разошелся вскорѣ по городу и, дойдя до ушей Императрицы, заставилъ ее провести нѣсколько веселыхъ минутъ; между тѣмъ она чувствовала, что старѣющемуся ея секретарю точно была нужда въ помощникѣ, который бы облегчилъ хотя нѣсколько обязанности ея вѣрнаго и заботливаго сановника. Любезный графъ! сказала однажды вѣнчанная мать Россіи своему секретарю; чувствую, что бремя дѣлъ вамъ не по лѣтамъ. Мнѣ сказывали, что у васъ есть исправный правитель канцеляріи Трощинскій; дозволяю вамъ иногда присылать его ко мнѣ вмѣсто себя съ докладомъ, а особенно по Понедѣльникамъ. Графъ былъ очень радъ возложить часть своего бремени на человѣка ему преданнаго, и въ первый за тѣмъ Понедѣльникъ Д. П. Трощинскій отправленъ былъ съ докладомъ» [17]).

Гречъ объ этомъ же самомъ обстоятельствѣ разсказываетъ подробнѣе. «Однажды Государыня (передаетъ онъ) прислала за Безбородкою изъ Царскаго Села. Гонецъ засталъ его среди оргіи. Безбородко приказалъ пустить себѣ кровь изъ обѣихъ рукъ, протрезвился и отправился. Государыня спросила у него: готова-ли такая-то бумага?—Готова, Ваше Величество, отвѣчалъ Безбородко и, вынувъ изъ-за пазухи другую какую-то бумагу, прочиталъ, чего требовала Государыня.—Хорошо, сказала она, только мнѣ хотѣлось бы пройти самой эту бумагу съ перомъ. Подайте ее. Онъ упалъ на колѣни и признался въ обманѣ. Наконецъ, Государынѣ надоѣла эта геніальная Lüderlichkeit (распущенность), и она очень деликатно дала графу Безбородкѣ чувствовать, что онъ старѣетъ, что ему трудно вставать рано и просила присылать къ ней, вмѣсто себя, какого нибудь изъ своихъ секретарей. Графъ выбралъ коллежскаго совѣтника Д. П. Трощинскаго» [18]).

Разсказъ Греча совершенно согласуется съ необыкновенною памятью и съ быстрой сообразительностію, которыя приписываются Безбородкѣ всѣми современниками. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что этотъ разсказъ сильно отзывается анекдотичностью; но я при-

[16]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. III, 5.

[17]) Молодикъ на 1844 г. Украинскій литературный сборникъ, изд. Бецкимъ, Харьковъ, 1843 г., стр. 267—270.

[18]) Разсказъ этотъ, съ разнообразными мотивами, повторенъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: 1) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управл. иностран. дѣлами, соч. А. Терещенки, СПБ. 1837 г. ч. II, стр. 188; 2) Лицей князя Безбородко, СПБ. 1859 г., стр. 26 и 27; 3) Москвитянинъ за 1842 г., т. I. стр. 94; 4) Записки Н. И. Греча, въ Русскомъ Архивѣ 1873 г. стр. 331; 5) Русская Старина, 1872 г., т. V, 667, П. Ѳ. Карабанова.

велъ его, какъ отголосокъ той популярности, которою пользовался Безбородко въ обществѣ. Впрочемъ подобный же случай разсказывается и про Веницеева, правителя канцеляріи М. Н. Кречетникова въ Калугѣ [19]).

Трощинскій понравился Екатеринѣ и, по возвращеніи Безбородки изъ Яссъ, онъ за свои доклады былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени и опредѣленъ въ секретари къ Императрицѣ. Вскорѣ Екатерина украсила грудь его звѣздою подъ предлогомъ (какъ замѣчаетъ Гречъ), что она не привыкла работать съ секретаремъ безъ звѣзды и, затѣмъ, узнавъ, что Трощинскій небогатъ, пожаловала ему 3000 душъ крестьянъ. Но при всѣхъ милостяхъ Императрицы, при полномъ расположеніи ея, Трощинскій никогда не измѣнялъ близкихъ отношеній къ своему начальнику и покровителю, Безбородкѣ.

Грибовскій отчасти объясняетъ характеръ отношеній Трощинскаго и Безбородки и ихъ согласную житейскую тактику. Онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ, что Трощинскій никогда не измѣнялъ прежнему своему начальнику и имѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ комнатахъ Государыни сильную партію, состоявшую изъ Марьи Савишны Перекусихиной, ея племянницы Тарсуковой, Марьи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ дни рожденія и имянинъ графъ твердо помнилъ и никогда безъ хорошихъ подарковъ въ сіи дни не оставлялъ. Люди сіи, не смотря на запрещеніе говорить Государынѣ о комъ-бы то ни было, находили средства внушать ей благоволительное мнѣніе о ея министрѣ и его партіи [20]).

Будущему біографу Трощинскаго предстоитъ немалый трудъ собрать множество написанныхъ имъ указовъ, которые хранятся въ государственныхъ архивахъ; всѣ, они по слогу, ясности изложенія и лаконизму, могутъ считаться лучшими произведеніями дѣловаго слога Екатерининскаго царствованія, какъ и произведенія его начальника Безбородки. Если и странно, что человѣкъ простаго происхожденія, не знавшій ни одного иностраннаго языка, выучившійся и Русской грамотѣ по собственному сознанію у дьячка [21]), былъ первымъ сотрудникомъ трехъ самодержавцевъ, Екатерины, Павла и Александра: то это обстоятельство, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлаетъ величайшую честь природному уму и служебной опытности Трощинскаго [22]).

Въ 1793 году, когда Трощинскій былъ назначенъ въ секретари къ Екатеринѣ, его мѣсто по управленію канцеляріею графа Безбородки занялъ Ефремовъ, человѣкъ, какъ увидимъ ниже, весьма близкій къ Безбородкѣ. Ефремовъ служилъ въ Безбородкинской канцеляріи съ 1783 года и оставался въ ней до смерти Безбородки.

---

[19]) Москвитянинъ, 1842 г., т. I, стр. 478.

[20]) Записки Грибовскаго, Москва, 1847 г., стр. 23.

[21]) Жизнь графа Сперанскаго, соч. барона (графа) М. А. Корфа, СПБ., 1861 г., ч. 1, стр. 89 и 90.

[22]) Въ Іюлѣ 1798 года, Безбородко, докладывая императору Павлу прошеніе Трощинскаго объ увольненіи отъ должности секретаря, по болѣзни, называетъ его «наилучшимъ своимъ помощникомъ, несшимъ труды непрерывно и отличавшимся совершенною честностію и безкорыстіемъ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. III, стр. 5). Впослѣдствіи Трощинскій достигъ званія министра юстиціи; затѣмъ, выйдя въ отставку, переѣхалъ на жительство въ свое село Кибинцы и здѣсь скончался 26-го Февраля 1829 года, 76 лѣтъ отъ роду.

Къ именамъ правителей канцеляріи Безбородки присоединимъ и перечень лицъ, служившихъ въ канцеляріи подъ ихъ начальствомъ: Андрей Васильевичъ Сахаровъ, Александръ Ивановичъ Казариновъ, Левъ Денисовичъ Сожи, Иванъ Емельяновичъ Зубовъ, Петръ Петровичъ Богдановъ, Андрей Алексѣевичъ Карцевъ, Акимъ Ѳедоровичъ Цитовскій, Егоръ Егоровичъ Фуксъ и Генрихъ Шторхъ [23]).

Наконецъ, при канцеляріи графа Безбородки находилось весьма много изъ знатныхъ фамилій молодыхъ людей, прикомандированныхъ «для курьерскихъ посылокъ въ чужіе краи». Такими прикомандированными были: В. П. Кочубей, впослѣдствіи князь; Миклашевскій, племянникъ Безбородки, графъ Е. Ѳ. Комаровскій и другіе. Послѣдній изъ этихъ лицъ въ Запискахъ своихъ разсказываетъ слѣдующее: «Въ 1787 году назначенъ былъ я находиться при графѣ Безбородкѣ для курьерскихъ посылокъ въ чужіе краи, и въ полку не служилъ, а считался при графѣ Безбородкѣ». Упомянувъ за тѣмъ о поѣздкѣ своей въ Лондонъ, Комаровскій продолжаетъ: «Я пріѣхалъ въ Лондонъ прямо къ посланнику нашему С. Р. Воронцову; сверхъ депешъ, я привезъ къ нему партикулярное письмо отъ графа Безбородки, въ которомъ онъ просилъ посланника принять меня въ свое покровительство. На другой день мнѣ сказывали чиновники при посольствѣ, что, когда графъ Воронцовъ распечаталъ и прочиталъ привезенныя мною депеши, онъ сказалъ: «Комаровскій привезъ старыя газеты: видно графу Безбородкѣ хотѣлось познакомить его съ Лондономъ» [24]).

XVII.

Домашняя жизнь въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ, съ 1784 года, Безбородко обыкновенно проводилъ зиму въ собственномъ домѣ, на Почтамтской улицѣ [1]), а лѣто въ деревнѣ Палюстровѣ, которую онъ купилъ въ 1782 году у капитана Алексѣя Григорьевича Теплова за 22.500 рублей [2]).

Городской домъ Безбородки, изукрашенный драгоцѣнными рѣдкостями искусствъ, славился картинной галлереей и считался однимъ изъ богатѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ домовъ столицы. Безбородко, и по природѣ, и по образованію, любилъ знаніе и искусство, и мы уже видѣли, какъ онъ, прибывъ въ Петербургъ, охотно сближался съ людьми, выдававшимися на поприщѣ того или другаго; какъ онъ

---

[23]) Свѣдѣнія о составѣ канцеляріи заимствованы изъ «Росписей чиновныхъ особъ» съ 1774 по 1796 годъ.

[24]) Восьмнадцатый Вѣкъ, т. I, 316—332.

[1]) Домъ этотъ купленъ Безбородкою въ 1783 году. Со смертію его, перешедши по наслѣдству въ руки графа И. А. Безбородки, домъ сдавался въ наемъ, и въ немъ «жили министры: князь А. Б. Куракинъ, О. П. Козодавлевъ и А. С. Шишковъ. (Записки И. И. Мартынова въ «Памятникахъ Новой Русской Исторіи», изд. В. Кашперовымъ, т. II, отд. II, стр. 127). Въ настоящее время въ немъ помѣщается Почтовый Департаментъ, пріемную комнату котораго украшаетъ портретъ князя Безбородки, вмѣстѣ съ портретами другихъ лицъ, начальствовавшихъ надъ почтовымъ вѣдомствомъ. Остатки прежней роскоши виднѣются въ каждой комнатѣ.

[2]) Купчая была совершена 1-го Февраля 1782 г. и хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина.

самъ участвовалъ въ научной работѣ и какъ онъ неизмѣнно покровительствовалъ ученымъ, поэтамъ и художникамъ. Въ 1783 году, по мысли Н. А. Львова, онъ заказалъ Левицкому для своего дома, который отстраивался, портретъ Екатерины во весь ростъ. Императрица изображена въ бѣлой туникѣ и парчевой мантіи, подлѣ жертвенника, на которомъ курится ѳиміамъ изъ маковыхъ цвѣтовъ. Художественное произведеніе Левицкаго Державинъ воспѣлъ въ одѣ: «Видѣніе Мурзы»:

Одежда бѣлая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главѣ корона,
Сіялъ при персяхъ поясъ златъ,
Изъ черноогненна виссона;
Подобный радугѣ, нарядъ
Съ плеча десная полосою
Висѣлъ на лѣвую бедру, [3]) и пр.

Съ этого именно времени Безбородко пользовался всякимъ случаемъ пріобрѣсть какое нибудь рѣдкое произведеніе искусства. Въ свою очередь Академія Художествъ, 14-го Мая 1794 г., оцѣнила дѣятельность Безбородки избраніемъ его въ «почетные художествъ любители за любовь и почтеніе къ достохвальнымъ художникамъ», какъ сказано въ пергаменной грамотѣ, полученной имъ на это званіе отъ Академіи [4]). Въ слѣдующемъ 1795 г., отъ 11-го Іюля, Безбородко писалъ къ графу С. Р. Воронцову: «Испытавъ въ жизни моей всякаго рода мотовства, вдругъ очутился я охотникомъ къ картинамъ». Разумѣется, мы бы ошиблись, если бы приняли эти слова въ буквальномъ смыслѣ. Безбородко и прежде не жалѣлъ денегъ на пріобрѣтеніе рѣдкостей искусства, статуй, картинъ и т. п. Избраніе его въ «почетные художествъ любители», вызванное его давнею и всѣмъ извѣстною благородною привычкою, еще болѣе усилило ее и обратило въ страсть. Дѣйствительно, онъ составилъ замѣчательнѣйшую картинную галлерею. Въ то время лучшею частною картинною галлереею въ Россіи считалась Строгоновская. Но Безбородкѣ удалось довести свое собраніе до такого состоянія, что оно, по его словамъ, превосходило Строгоновскую галерею «и числомъ, и качествомъ». Въ его спальнѣ было 22 картины одного Вернета; затѣмъ въ его галлереѣ былъ Сальваторъ Роза, которымъ не обладалъ даже Императорскій Эрмитажъ. Нѣкоторыя картины изъ Безбородкинской галлереи украшаютъ въ настоящее время залы Императорской Академіи Художествъ, въ которую онѣ были пожертвованы графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородкою [5]).

---

[3]) Соч. Державина, т. I, стр. 162. Въ настоящее время портретъ этотъ принадлежитъ Императорской Публичной Библіотекѣ и украшаетъ Ларинскую залу. Между тѣмъ, въ каталогѣ исторической выставки портретовъ лицъ XVI—XVIII вв., сост. П. Н. Петровымъ, подъ № 391, сказано, что онъ принадлежитъ музею Императорскаго Эрмитажа (№ 279).

[4]) Хранится въ семейномъ архивѣ графа А. И. Мусина-Пушкина.

[5]) Графъ Николай Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, въ духовномъ завѣщаніи, засвидѣтельствованномъ 3-го Іюля 1862 года, выразилъ слѣдующую волю: «Картины и статуи передаю я, какъ пожертвованіе, въ Императорскую Академію Художествъ, для составленія публичной галлереи, открытой постоян-

Загородная дача, на которой жилъ Безбородко лѣтомъ, извѣстна нынѣ подъ именемъ «Кушелевки-Безбородки» [6]). Она находится на Невѣ, противъ теперешняго Смольнаго монастыря или, вѣрнѣе, института. По плану Гваренги, Безбородко построилъ здѣсь роскошный домъ и развелъ при немъ садъ, славившійся барскими затѣями и прихотями, на удовлетвореніе которыхъ богатый хозяинъ не щадилъ денегъ. Одна изъ уцѣлѣвшихъ прихотей и до сихъ поръ украшаетъ запустѣвшій садъ: въ глубинѣ его находится храмъ Сивиллы съ колоссальною статуею древне-языческой предвѣстницы будущаго. Статуя, вѣсомъ въ 200 пудъ, по словамъ тогдашней газеты [7]), отлита изъ мѣди, въ Октябрѣ 1788 года, при Императорской Академіи Художествъ, а модель для нея была сдѣлана извѣстнымъ тогдашнимъ академикомъ Рашетомъ во вкусѣ древнихъ Греческихъ статуй [8]). На дачѣ и въ саду до 1783 г. находились и другіе остатки прежней роскоши, какъ напримѣръ громадный бюстъ Безбородки, вылитый изъ мѣди. Теперь отъ него остался одинъ гранитный пьедесталъ, похитить который едва ли возможно. Безъ сомнѣнія, въ честь же Безбородки и проспектъ, идущій «отъ Муринской до Палюстровской дороги», названъ «Безбородкинскимъ» [9]).

Очень естественно, что Безбородко не одинаково держалъ себя при дворѣ, у себя дома на оффиціальныхъ пріемахъ и у себя же дома въ интимномъ кругу людей близкихъ и короткихъ знакомыхъ. «Являясь къ Императрицѣ во Французскомъ кафтанѣ, при всемъ щегольскомъ нарядѣ придворнаго» (разсказываетъ о Безбородкѣ Терещенко), «онъ иногда не замѣчалъ осунувшихся чулковъ и оборвавшихся пряжекъ на своихъ башмакахъ, былъ простъ, нѣсколько неловокъ и тяжелъ; въ разговорахъ то веселъ, то задумчивъ» [10]). Мы хорошо знаемъ, что Безбородко не родился придворнымъ и воспитаніе получилъ не такое, которое пріучаетъ постоянно и во всѣхъ мелочахъ наблюдать за своею внѣшностію; но съ другой стороны совершенное пониманіе своего положенія и Малороссійская хитрость, при видимой просто-

---

но для художниковъ и публики, допускаемыхъ безъ стѣсненій въ формѣ одежды». (Дѣло архива Императорской Академіи Художествъ, 1862 г., № 91). Каталогъ картинной галлереи графа Кушелева-Безбородко напечатанъ въ СПБ., 1866 г., и заключаетъ въ себѣ 471 картину и 30 статуй и бюстовъ.

[6]) На планѣ С.-Петербурга, за 1799 г., изданномъ Цыловымъ въ 1853 г., изъ частныхъ загородныхъ построекъ показана одна эта дача.

[7]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», за 1788 годъ, № 82, 13-го Октября, стр. 1203.

[8]) На статуѣ находится слѣдующая надпись: «Rachette fecit 1789. Отливалъ и отдѣлывалъ Императорской Академіи Художествъ мастеръ Василій Мажаловъ». Въ архивѣ Императорской Академіи Художествъ есть дѣло объ уплатѣ денегъ за напечатаніе въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ «извѣстія объ отлитіи статуи Сибеллы» (1788 г. № 24).

[9]) Алфавитный указатель проспектовъ, улицъ, линій и переулковъ, находящихся въ С.-Петербургѣ, приложенный къ «Описанію С.-Петербурга Ив. Пушкарева». 1839 г. т. I, стр. I. Права гражданства этотъ проспектъ получилъ въ 1803 году, 22-го Іюня, когда состоялся именный указъ, объявленный С.-Петербургскому военному губернатору министромъ внутреннихъ дѣлъ о поставленіи по улицамъ, площадямъ, мостамъ и домамъ надписей (Полн. Собр. Зак. Росс. Имперіи, № 20810, в, общее приложеніе къ XL тому).

[10]) Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. II, 190.

ватости, заставляли его соображать свое личное настроеніе съ предметомъ разговора, а свои слова, имѣвшія огромное значеніе словъ сановника, довѣреннаго Императрицы, съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое они должны были производить на собесѣдниковъ. Такъ именно и понималъ Безбородку тогдашній посолъ въ С.-Петербургѣ дюкъ-де-Серра Капріола, который отозвался о немъ, какъ «о министрѣ, соединяющемъ въ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ». Такимъ же Безбородко былъ и въ своихъ открытыхъ оффиціальныхъ пріемахъ: на балахъ, праздникахъ и торжественныхъ обѣдахъ, которые онъ устраивалъ въ своемъ домѣ по разнымъ обстоятельствамъ и на которые нерѣдко, съ Императрицею во главѣ, собирались всѣ знатнѣйшіе и образованнѣйшіе Русскіе и иноземные люди, проживавшіе въ Петербургѣ. Разница тутъ была только одна: роскошью и блескомъ Безбородко отвлекалъ вниманіе гостей отъ своей неловкости и заставлялъ славить свою привѣтливость и свой вкусъ. А какъ роскошно жилъ вельможа-холостякъ, можно судить по тому, что онъ на обыкновенные расходы тратилъ въ мѣсяцъ по 8.000 рублей, а въ важнѣйшихъ случаяхъ устраивалъ вечера, обходившіеся въ 50.000 рублей.

Совсѣмъ иначе держалъ себя Безбородко въ кругу людей близкихъ, именно родныхъ, друзей и короткихъ знакомыхъ, съ которыми онъ оставался послѣ парадныхъ обѣдовъ. Обѣды же его были парадны въ смыслѣ многолюдства. По разсказамъ нашихъ современниковъ, заимствованнымъ изъ семейныхъ преданій покойнаго графа, онъ былъ истинный хлѣбосолъ и баринъ славнаго XVIII вѣка. У него ежедневно въ Петербургскомъ домѣ накрывался столъ на сто человѣкъ, и за этотъ столъ могъ садиться всякій, имѣющій шпагу. Этимъ обстоятельствомъ пользовался одинъ бѣдный Черниговскій помѣщикъ, у котораго было отнято имѣніе управляющимъ Безбородки. На одномъ обѣдѣ Безбородко почему-то обратилъ вниманіе на этого помѣщика въ фризовомъ камзолѣ и спросилъ, чтó онъ за человѣкъ. Прислуга сообщила ему, что это пріѣзжій помѣщикъ, который, по неимѣнію средствъ, пропитывается у графскаго стола. Безбородко позвалъ его къ себѣ, и тотъ разсказалъ, что онъ проигралъ дѣло по имѣнію своему съ управляющимъ Безбородки, своимъ сосѣдомъ, и теперь обнищалъ совершенно, такъ что не имѣетъ даже средствъ для выѣзда къ семьѣ. Безбородко разсмотрѣлъ дѣло и, убѣдившись, что бѣдняка сломила сила, а не правота, велѣлъ передѣлать купчую и записать за нимъ въ число крестьянъ своего управляющаго, который хотѣлъ изъ мести лишить его послѣдняго куска хлѣба [11]).

Кстати вспомнить здѣсь разсказъ И. И. Дмитріева, который пишетъ, что Безбородко, за труды и усердіе къ его дѣламъ, управляющему его имѣніями и земляку Судіенкѣ подарилъ новопожалованную ему Екатериною деревню Журавки [12]) и въ тоже время величалъ его въ письмахъ своихъ къ графу А. Р. Воронцову «лѣнивцемъ славнымъ» [13]).

Въ интимномъ кругу родныхъ, друзей и знакомыхъ Безбородко былъ развязенъ, веселъ, увлекателенъ и откровененъ. «Зять мой Алексѣй Николаевичъ (Астафьевъ), пишетъ графъ Комаровскій, слу-

---

[11]) Разсказъ этотъ сообщенъ мнѣ бывшимъ управляющимъ графа Кушелева-Безбородки А. Г. Виноградовымъ, 27-го Марта 1870 г.

[12]) Взглядъ на мою жизнь, Записки И. И. Дмитріева. Москва, 1866 г., стр. 207.

[13]) Письмо отъ 15-го Мая 1780 года.

жилъ тогда при графѣ Безбородкѣ и имѣлъ казенную квартиру въ почтовомъ домѣ; я получилъ приглашеніе отъ графа ходить къ нему обѣдать, когда я пожелаю. Кромѣ знатныхъ гостей, обыкновенное общество состояло изъ особъ, живущихъ у графа и нѣсколькихъ человѣкъ короткихъ знакомыхъ. Ничего не было пріятнѣе слышать разговоръ графа Безбородки. Онъ одаренъ былъ памятью необыкновенною и любилъ за столомъ много разсказывать, въ особенности о фельдмаршалѣ (графѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ), при которомъ онъ находился нѣсколько лѣтъ. Бѣглость, съ которою онъ, читая, схватывалъ смыслъ всякой рѣчи, почти невѣроятна. Мнѣ случалось видѣть, что привезутъ ему отъ Императрицы преогромный пакетъ бумагъ; онъ послѣ обѣда обыкновенно садился на диванъ и всегда просилъ, чтобы для него не безпокоились и продолжали бы разговаривать, между тѣмъ онъ только что переворачивалъ листы и иногда вмѣшивался въ бесѣду гостей своихъ, не переставая въ тоже время читать бумаги. Если то, что̀ онъ читалъ, не заключало въ себѣ государственнаго секрета, онъ намъ сообщалъ содержаніе онаго. Я слышалъ отъ графа Маркова, что онъ не могъ никогда надивиться непостижимой способности графа Безбородко читать самыя важнѣйшія бумаги съ такою бѣглостію, и такъ вѣрно и скоро постигать смыслъ оныхъ» [14]).

Сохранившійся портретъ Безбородки вполнѣ оправдываетъ высказанное графомъ Комаровскимъ: улыбающееся, живое и пріятное лицо графа, съ вкрадчивыми глазами, овладѣвало обществомъ. Прибавимъ, что Безбородко, совершенно владѣвшій литературной Великорусской рѣчью на письмѣ, устно говорилъ съ сильнымъ Малороссійскимъ акцентомъ, который въ ушахъ Великоруссовъ отзывается шутливостію звуковъ, даже независимо отъ содержанія рѣчи.

Послѣ отца, умершаго 2-го Марта 1780 г., ближайшими родственниками Безбородки оставались: мать-старуха, братъ Илья Андреевичъ и три сестры: Анна Андреевна въ замужествѣ за П. П. Галецкимъ, Ульяна Андреевна—за П. В. Кочубеемъ и Татьяна Андреевна—за Я. Л. Бакуринскимъ. Каждая изъ сестеръ и братъ имѣли по нѣскольку человѣкъ дѣтей, которыя выучены и выведены въ люди, какъ и отцы ихъ, попеченіями для однихъ брата, зятя, а для другихъ дѣдушки или дядюшки.

Безбородко «чрезвычайно любилъ уроженцевъ Малой Россіи и, зная хорошо ихъ смѣтливость и способность къ дѣламъ, постоянно покровительствовалъ имъ. Пріемная его была вѣчно наполнена пріѣзжими изъ Полтавы и Чернигова, добрыми, полными своего особеннаго юмора Малороссами, являвшимися въ столицу искать мѣстъ, или опредѣлять дѣтей на службу. Съ каждымъ изъ посѣтителей вельможа говорилъ какъ нельзя дружелюбнѣе, каждому помогалъ своимъ кредитомъ, своимъ совѣтомъ, если въ томъ настояла надобность. Даже, когда одинъ изъ названныхъ посѣтителей серіозно обратился къ сановнику-хозяину съ просьбою опредѣлить его въ должность театральнаго капельмейстера, «чтобы палочкой махать да по шести тысячъ брать», снисходительный сановникъ только ласково улыбался и объяснилъ просителю, что для маханья палочкой въ оркестрѣ и полученія шести тысячъ нужно знать музыку хотя немножко. Такая доступность была причиною, что имя Безбородки было для вся-

[14]) Осмнадцатый Вѣкъ, кн. I, стр. 349 и 350.

каго Малоросса любимымъ и какъ бы родственнымъ именемъ». Работая однажды у себя въ кабинетѣ, Безбородко услышалъ въ пріемной комнатѣ топанье ногъ и протяжное зѣванье съ разными переливами голоса. Осторожно взглянувъ въ полуотворенную дверь, онъ увидалъ толстаго земляка съ добродушной физіономіей, явно соскучившагося нѣсколькими минутами необходимаго ожиданія. Вельможа улыбался, глядя изъ-за двери, какъ посѣтитель, не привыкшій ждать никого, все потягивался, зѣвалъ, смотрѣлъ картины и, наконецъ, соскучивши окончательно, принялся ловить мухъ. Одна изъ нихъ особенно заняла Малоросса, и онъ долго гонялся за ней изъ угла въ уголъ; улучивъ затѣмъ минуту, когда назойливое насѣкомое сѣло на огромной вазѣ, охотникъ поспѣшно размахнулся и хватилъ рукою. Ваза слетѣла съ пьедестала, загремѣла и разбилась въ дребезги. Гость поблѣднѣлъ и потерялся, а Безбородко, вышедъ въ пріемную и ударивъ по плечу Малоросса, ласково сказалъ: «чи поймавъ?» [15])

Какъ ни странны и ни оригинальны приведенные разсказы, но они и устно и письменно единогласно свидѣтельствуютъ, что Безбородко имѣлъ доброе сердце и никогда не отказывалъ просителямъ, а напротивъ, всегда обнадеживалъ ихъ, хотя нерѣдко и забывалъ ихъ просьбы. Онъ имѣлъ привычку повторять послѣднія слова просителей: «Не оставьте! Не забудьте!» На просьбу одного просителя о дѣлѣ, которое должно было рѣшиться на другой день, «не забыть», Безбородко отвѣчалъ: «Не забуду, не забуду».—«Да вы, графъ, забудете», слезно замѣчалъ ему проситель. «Забуду, забуду», подтверждалъ Безбородко, любезно отпуская просителя [16]). Иногда онъ успокоивалъ просителей словами: «будьте, батюшка, благонадежны», которыя обыкновенно произносились настоящимъ Малороссійскимъ выговоромъ.

Масса одолѣвавшихъ Безбородку просителей вынуждала его скрываться отъ нихъ, или не сказываться дома. Но и въ этихъ случаяхъ хитрые Малороссы изобрѣтали возможность выразить ему свои нужды и получить покровительство сильнаго вельможи. Такъ, одинъ изъ его земляковъ, нѣсколько разъ не заставъ Безбородку дома, забрался въ его карету, стоявшую у дворцоваго подъѣзда. Безбородко крайне былъ удивленъ, найдя въ каретѣ посѣтителя; но, узнавъ дорогой причину посѣщенія и самое дѣло, по которому землякъ пріѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлалъ ему угодное [17]).

За всѣ свои хлопоты и старанія о нуждающемся человѣчествѣ Безбородко желалъ одного: «чтобы люди могли быть признательнѣе, нежели мы ихъ иногда находимъ», какъ выразился онъ въ одномъ письмѣ къ отцу.

Безбородко былъ большой охотникъ слушать пѣніе и особенно пѣніе Русскихъ пѣсенъ. Въ его время въ Петербургѣ жилъ купецъ Иванъ Гавриловичъ Рожковъ [18]), славившійся прекраснымъ пѣніемъ Русскихъ пѣсенъ. О пѣвцѣ, котораго хотѣли похвалить, обыкновен-

---

[15]) «Разсказы о старинѣ», статья А. И. Ханенки, въ Р. Архивѣ 1868 г.

[16]) Разсказъ этотъ сообщенъ мнѣ извѣстнымъ нашимъ ученымъ И. П. Савваитовымъ, который слышалъ его отъ покойнаго А. С. Норова.

[17]) «Разсказы о старинѣ», статья А. И. Ханенки въ Р. Архивѣ 1868 г.

[18]) Рожковъ Иванъ Гавриловичъ, изъ Тульскихъ купцовъ, сынъ извѣстнаго въ то время торговца лошадьми и придворнаго поставщика ихъ Гаврилы Рожкова.

но тогда говорили, что онъ поетъ какъ Рожковъ [19]). Безбородко каждую недѣлю приглашалъ Ивана Гавриловича въ свой домъ и каждую недѣлю доставлялъ и себѣ и своимъ посѣтителямъ удовольствіе послушать очаровательнаго пѣвца. Сановнику, наслаждавшемуся пѣніемъ лучшихъ Итальянскихъ примадоннъ на придворной сценѣ и не жалѣвшему для нихъ десятковъ тысячъ, дѣлаетъ величайшую честь, что онъ привѣчалъ у себя въ домѣ такъ часто и родное искусство пѣнія въ лицѣ доморощеннаго артиста-торговца.

Нельзя умолчать также, что Безбородко былъ большой охотникъ до картъ. Онъ нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за зеленымъ столомъ [20]). Въ картежной игрѣ Безбородко не былъ счастливъ, что можно заключать изъ писемъ къ нему А. И. Маркова, который напримѣръ, отъ 5-го Апрѣля 1782 г., говоритъ: «Сожалѣю, что вы такъ худо ведете свои дѣла въ картахъ. Съ этой стороны я гораздо васъ спокойнѣе. Какъ въ день гульденовъ шесть выиграю, такъ вся Гага мнѣ завидуетъ. Женщины здѣсь прескверныя и по большей части мошенницы: воруютъ въ игрѣ такъ, что глазомъ мигнуть нельзя». Въ другой разъ отъ 14-го (23-го) Декабря того же 1782 г., Марковъ, поздравляя Безбородку съ новымъ годомъ, пишетъ: «позвольте мнѣ при семъ поднести вамъ маленькій календарь, весьма покойный не для чиселъ, но для веденія карточныхъ счетовъ [21]).

Относительно картъ существуетъ разсказъ, что Безбородко просилъ у Екатерины позволенія стрѣлять изъ пушекъ на своей Петербургской дачѣ. Государыня, удивленная просьбою, не отказала своему любимому секретарю. Вскорѣ лейбъ-медикъ Рожерсонъ, играя въ вистъ, по разсѣянности, началъ дѣлать ошибки (ренонсы), а хозяинъ-графъ приказалъ каждый разъ извѣщать объ этомъ пушечными выстрѣлами. Шутка эта такъ раздражила вспыльчиваго медика, что едва не кончилась дракою [22]).

Безбородко не былъ женатъ, «бывъ чуждъ всякихъ обязательствъ и самаго въ нихъ намѣренія», какъ выразился онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу; но онъ отнюдь не держался въ сторонѣ отъ прекраснаго пола; напротивъ, онъ былъ большимъ его поклонникомъ. Императрица Екатерина часто журила Безбородку за его les bonnes avantures. 3-го Іюля 1781 года она выразила недовольство, «что Безбородко на дачѣ своей празднуетъ; посылали сказать въ его канцелярію, чтобы, по пріѣздѣ, скорѣе пришелъ. Онъ почти не показывался, а до него всякій часъ дѣло» [23]). Императрица, «узнавъ, что графъ подарилъ Итальянской пѣвицѣ Давіа 40.000 руб., сочла нужнымъ выслать ее изъ столицы» [24]). Гарновскій же въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Попову разсказываетъ, что у Безбородки былъ цѣлый гаремъ, который обыкновенно и сопутствовалъ ему въ путешествіяхъ его въ Москву. Въ Іюнѣ 1787 года Гарновскій, между прочимъ, пишетъ: «Вслѣдствіе полученнаго фирмана, первая изъ сераля рейсъ-эффендія наложница, Марія Алексѣевна Грекова, соизволила

---

[19]) Записки современника (С. П. Жихарева). СПБ. 1859 г., стр. 366.

[20]) Russie anecdotique, bibliographique, biographique, historique, etc. Par le comte André Rastoptchine. Bruxelles, 1874, pag. 42.

[21]) Русская Бесѣда, 1857 г., кн. IV, стр. 72.

[22]) Русская Старина за 1872 г., № 5, стр. 771.

[23]) Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 101 и 102.

[24]) Записки Энгельгардта, стр 49, прим. 82.

отправиться на сихъ дняхъ въ Москву, въ препровожденіи кизляръ-аги (чернаго евнуха), г. Рубана, казначея, бывшаго откупщика Лукина и немалой свиты, помѣщенной въ двухъ четырехъ-мѣстныхъ и одной двухъ-мѣстной каретахъ, да на нѣсколькихъ Россійскаго изобрѣтенія повозкахъ» [25]). Есть также мнѣніе, что пѣсня:

Радость! выслушай два слова:
Гдѣ ты, свѣтикъ мой, живешь? [26]) и т. д.

была сочинена на его счетъ, по поводу его ухаживаній за извѣстной тогдашней пѣвицей Е. С. Урановой, которая и пѣла ее на сценѣ. Уранова была влюблена въ актера Сандунова и готовилась выйти за него за мужъ. Безбородко же, употребивъ всѣ возможныя хитрости къ тому, чтобы сблизиться съ нею и не достигнувъ цѣли, намѣревался похитить упрямую артистку. Уранова, узнавъ объ этомъ, въ порывѣ отчаянія, рѣшилась на смѣлый поступокъ. Играя, однажды, въ присутствіи Императрицы, на эрмитажномъ театрѣ оперу «Федулъ съ дѣтьми», Уранова превзошла себя. Екатерина была въ восхищеніи и, по окончаніи послѣдней аріи, бросила ей свой букетъ. Уранова схватила его, прижала къ сердцу и, подбѣжавъ къ аванъ-сценѣ, упала на колѣни и закричала: «Матушка-царица, спаси меня»! Можно судить, какое впечатлѣніе произвела на зрителей эта неожиданная сцена. Императрица съ участіемъ обратилась къ пѣвицѣ. Уранова тотчасъ же подала Государынѣ заранѣе приготовленную просьбу, гдѣ были подробно изложены всѣ интриги Безбородки противъ счастія влюбленныхъ [27]).

Въ это время Безбородко находился въ Москвѣ. Разгнѣванная Государыня уволила директоровъ театра Соймонова и Храповицкаго отъ должностей за содѣйствіе «къ сближенію, какъ сказано въ «Лѣтописи Русскаго театра», воспитанницы театральнаго училища Урановой съ графомъ Безбородкою» [28]). Храповицкій же чистосердечно разсказалъ объ этомъ событіи въ своемъ дневникѣ, подъ 11 Февраля 1791 года: «Въ вечеру играли въ Эрмитажѣ «Ѳедула», и Лизка подала на насъ просьбу. Въ тотъ же вечеръ послана записка къ Трощинскому, чтобы заготовить указъ объ увольненіи насъ отъ управленія театрами. Трощинскій въ полночь былъ у меня для совѣта объ указѣ» [29]).

Жалоба подана была Урановою 11 Февраля; черезъ день, 13-го, Безбородко возвратился въ Петербургъ; а на слѣдующій день, 14-го, по словамъ Храповицкаго, «вѣнчали Лизу въ маленькой придворной церкви»; при чемъ, по словамъ «Пантеона», Императрица пожаловала но-

---

[25]) Р. Старина, 1876 г., кн. 1, стр. 27.

[26]) Полный новѣйшій пѣсенникъ, въ 3 ч., собр. И. Гурьяновымъ. М. 1835 г., ч. I. стр. 25, пѣсня 13.

[27]) Воспоминаніе о Московскомъ театрѣ при Медоксѣ. Пантеонъ Русскаго театра. 1840 г., № 2, стр. 97. Разсказъ этотъ перепечатанъ въ изданіи «Собраніе разсказовъ, повѣстей и разныхъ статей». Спб. 1874 г., 637 стр.

[28]) Лѣтопись Русскаго театра, Пимена Арапова, СПБ., 1861 г., стр. 99 и 108.

[29]) Дневникъ А. В. Храповицкаго. Стр. 358. Тоже подтверждаютъ и «Записки графини Хотекъ», которая разсказываетъ, что Сандунова «заколдовала сердце старика-графа Безбородки, такъ что она, во время придворнаго спектакля, жаловалась на преслѣдованія сѣдаго волокиты». (Выдержки изъ старой записной книжки въ Р. Архивѣ 1873 г., стр. 1968).

вобрачнымъ богатые подарки». О Безбородкѣ въ Пантеонѣ замѣчено, что «Екатерина жестокимъ образомъ распекла страстнаго графа»; но затѣмъ никакого другаго болѣе чувствительнаго вліянія на положеніе Безбородки жалоба Урановой не имѣла, можетъ быть потому, что первый приливъ гнѣва Екатерины успѣлъ отойти. Въ этомъ случаѣ судьба очевидно поблагопріятствовала любимцу Императрицы, устроивъ жалобу Урановой въ его отсутствіе. Впрочемъ и условія жалобы, и характеръ отзыва о ней, сдѣланнаго Храповицкимъ въ «Дневникѣ», показываютъ, что жалоба случилась неожиданно, и что связь Безбородки съ Урановой не выходила изъ ряда установившихся къ ней отношеній. Въ Пантеонѣ разсказывается, что недѣлю спустя послѣ свадьбы, Сандунова играла въ большомъ театрѣ всѣми любимую тогда оперу «Cosa rara». Безбородко, по обыкновенію, сидѣлъ въ ближайшей къ сценѣ ложѣ. Когда нужно было пѣть лучшую арію, Сандунова ловко вынула изъ ридикюля кошелекъ съ деньгами, выступила къ оркестру, подняла кошелекъ къ верху и, устремивъ на Безбородку свои большіе лукавые глаза, съ саркастической улыбкой запѣла:

Перестаньте льститься ложно
И думать такъ безбожно,
Въ любовь къ себѣ склонить.
Тутъ нужно не богатство,
Но младость и пріятство...
Еще что-то такое.....

Весь театръ разразился единодушными аплодисментами. Умный Безбородко хохоталъ и хлопалъ больше и громче всѣхъ и первый потребовалъ повторенія. На другой день онъ послалъ Сандуновой шкатулку съ дорогими вещами. Подарокъ былъ принятъ; но Сандунова сочла болѣе благоразумнымъ оставить Петербургъ и перейти на Московскую сцену. Прощаясь съ Петербургскою публикою, мужъ ея такъ объяснялъ цѣль переѣзда въ Москву:

Гдѣ-бъ театральные и графы и бароны
Не сыпали моей Лизетѣ милліоны [30]).

Нельзя умолчать, однако, что вся эта исторія случилась въ такое именно время, когда Безбородко находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ актрисою Ольгою Дмитріевною Каратыгиною.

Съ 1789 года, на домашнихъ спектакляхъ въ Эрмитажѣ, куда допускались приближеннѣйшіе къ Государынѣ особы [31]), стала являться въ балетныхъ роляхъ и обращать на себя всеобщее вниманіе ученица театральнаго училища, О. Д. Каратыгина, дочь училищнаго эконома Дмитрія Васильевича Каратыгина [32]). Безбородко, постоян-

[30]) Москвитянинъ, 1842 г. I. стр. 177.

[31]) Графъ Сегюръ (въ Запискахъ своихъ, СПБ., 1865 г., стр. 259) объ этихъ собраніяхъ говоритъ: «Два раза въ мѣсяцъ Императрица приглашала къ спектаклю дипломатическій корпусъ и особъ, имѣющихъ входъ ко двору. Въ другіе дни число зрителей не превышало двѣнадцати. Обыкновенно тутъ бывали: великій князь съ супругою, флигель-адъютантъ Мамоновъ, графъ Строгоновъ, графъ Остерманъ, графъ Безбородко, князь Потемкинъ, графиня Скавронская, дѣвица Протасова, посланники графъ Кобенцель, Де-Линь и я».

[32]) Свѣдѣнія эти обязательно сообщены мнѣ талантливымъ нашимъ артистомъ Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ. Что же касается до оффиціаль-

но посѣщавшій эрмитажныя собранія, прельстился молодой артисткой и, впослѣдствіи, имѣлъ отъ нея дочь Наталью Александровну Верецкую [33]). Каратыгина въ 1790-хъ годахъ оставила сцену и поселилась у Безбородки. Впослѣдствіи, она вышла за мужъ за правителя его канцеляріи Николая Ефремовича Ефремова, который получилъ за нею въ приданое село Рожествено [34]), домъ и значительную сумму денегъ.

Привязанность Безбородки къ О. Д. Каратыгиной продолжалась до его смерти. Дочь ихъ, а по оффиціальнымъ бумагамъ «воспитанница князя Безбородки», прекрасно воспитанная, богатая и хорошенькая собой, Наталья Александровна вышла 21 Мая 1806 года за мужъ за полковника Савельева [35]).

Было и такое время въ жизни Безбородки, когда онъ искалъ отдыха отъ своихъ трудовъ, или развлеченія отъ ихъ надоѣдливаго однообразія, въ ночныхъ похожденіяхъ. Н. И. Гречъ передаетъ объ этихъ похожденіяхъ слѣдующія подробности: «Безбородко былъ тоже, что нынѣ Вронченко, только въ большемъ размѣрѣ. Каждую Субботу послѣ обѣда надѣвалъ онъ синій сюртукъ, круглую шляпу, бралъ трость съ золотымъ набалдашникомъ [36]) и клалъ сто рублей въ карманъ. Вооруженный такимъ образомъ, посѣщалъ онъ самые неблагопристойные дома. Зимою, по Воскресеньямъ, бывалъ онъ всегда въ маскарадѣ у Ліона [37]) и проводилъ время среди прелестницъ до пяти часовъ утра. Въ 8 часовъ его будили, окачивали холодною водою, одѣвали, причесывали, и полусонный онъ ѣхалъ во дворецъ съ докладами; но, предъ входомъ въ кабинетъ Екатерины, онъ стряхивалъ съ себя ветхаго человѣка, становился умнымъ, серьознымъ, дѣльнымъ министромъ» [38]).

Напрасно-бы мы стали заподозрѣвать справедливость подобныхъ извѣстій, или дѣлать по нимъ заключенія объ особенно-низкой нравственности замѣчательнаго государственнаго человѣка. Таково было время и нравы. Графъ Растопчинъ, отлично знавшій Безбородку, называетъ его «большимъ поклонникомъ прекрасному полу». Любовь же къ нему была «въ модѣ», и ею отличались едва ли не всѣ при-

---

ныхъ извѣстій о семействѣ Д. В. Каратыгина и сценической дѣятельности его дочери, то они истреблены, въ 1810 году, пожаромъ въ Большомъ Театрѣ, гдѣ помѣщался архивъ театральной дирекціи за старые годы.

[33]) Фамилія Верецкой дана ей была въ воспоминаніе первой деревни, пожалованной Императрицею Безбородкѣ.

[34]) Нѣкогда владѣніе царевича Алексѣя Петровича. П. Б.

[35]) Въ одномъ изъ писемъ къ князю В. П. Кочубею Наталья Александровна, между прочимъ, писала: «Въономъ же письмѣ изволите упоминать и о благодѣтелѣ моемъ, князѣ Александрѣ Андреевичѣ. О семъ священнѣйшемъ для меня имени я не могу слышать равнодушно, и по мѣрѣ моего возраста, я болѣе и болѣе чувствовала мою въ немъ потерю и сиротство, лишась въ немъ всего, что было для меня священнѣйшаго». (Изъ Диканьскаго архива князя С. В. Кочубея).

[36]) Эти слова Греча напоминаютъ отзывъ Терещенки, который пишетъ, что Безбородко любилъ ходить по городу въ старомъ темнозеленомъ и долгополомъ сюртукѣ, въ загрязненныхъ сапогахъ, съ небрежно-повязаннымъ платкомъ на шеѣ, въ смятой шляпѣ и съ тростью въ рукѣ. (Опытъ обозрѣнія, II, 189, 190).

[37]) Заведеніе Ліона помѣщалось въ домѣ нынѣшняго купеческаго собранія у Казанскаго моста.

[38]) Записки Н. И. Греча, въ Р. Архивѣ 1873, 330 и 331.

дворные, пожилые современники Безбородки. Такъ, по крайней мѣрѣ, строго-нравственный полководецъ графъ А. В. Суворовъ-Рымникскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дочери, перечисляетъ всѣхъ «придворныхъ любезниковъ», къ которымъ причисляетъ и Безбородку, и даетъ ей такое отеческое наставленіе: «Когда будешь въ придворныхъ собраніяхъ, и если случится, что тебя обступятъ старики, покажи видъ, что хочешь поцѣловать у нихъ руку, но своей не давай. Это И. И. Шуваловъ, графы Салтыковы, старики Нарышкины, старый князь Вяземскій, также графъ Безбородко, Завадовскій, гофмейстеры, старый графъ Чернышевъ и другіе» [39]).

Сардинскій посланникъ въ Петербургѣ маркизъ де-Парелло, говоря о графѣ Безбородкѣ, замѣчаетъ: «Для завершенія безпристрастной характеристики описываемаго министра, слѣдовало-бы, можетъ быть, прибавить кое-что о женщинахъ, которыхъ онъ публично содержитъ. Но такъ какъ онѣ не отвлекаютъ его отъ важныхъ дѣлъ, и власть ихъ надъ нимъ ограничивается протекціею нѣкоторыхъ личностей, не значительныхъ для хода политической машины: то зачѣмъ указывать на слабости, которыя здѣсь тѣмъ менѣе принимаются во вниманіе, что Государыня, имѣя явно фаворитовъ, которыхъ роскошно содержитъ въ императорскомъ дворцѣ, потворствуетъ собственнымъ примѣромъ распущенности нравовъ?»

XVIII.

Кончина Екатерины II-й.

5 Ноября 1796 года, въ $8^1/_2$ часовъ вечера, великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою прибылъ въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались встрѣтить его чины Синода и Сената и высшіе государственные сановники. Графъ Безбородко, какъ первый секретарь Екатерины, ожидалъ Наслѣдника въ кабинетѣ Императрицы, прочіе чины двора—въ другихъ комнатахъ. Выказавъ искреннее соболѣзнованіе о постигшемъ августѣйшую родительницу несчастіи и узнавъ отъ медиковъ, что всѣ пособія будутъ напрасны, великій князь отправился въ кабинетъ Государыни и тамъ «съ графомъ Безбородкой дѣятельно занимался сженіемъ бумагъ и документовъ, что̀ возбуждало въ придворныхъ страхъ, и всѣ говорили о томъ, что новый Государь занятъ съ графомъ Безбородкой разборомъ и уничтоженіемъ бумагъ» [1]).

Князь Зубовъ, послѣдній наперсникъ Императрицы, находился при этомъ сожженіи въ качествѣ какъ-бы случайнаго лица и на столько пораженъ былъ неожиданностію происшествія, что потерялся окончательно. По словамъ графа Растопчина, онъ былъ первый извѣщенъ о постигшемъ Екатерину ударѣ, первый и потерялъ разсудокъ и не могъ допустить дежурнаго лекаря пустить Императрицѣ кровь, хотя объ этомъ убѣдительно просили его Марья Савишна Перекусихина и камердинеръ Зотовъ. Кровь была пущена, но уже спустя часъ, именно когда пріѣхалъ докторъ Рожерсонъ, и она хорошо пошла. По другому поводу, именно разсказывая о событіяхъ слѣдующаго уже дня, Растопчинъ пишетъ, что «отчаяніе сего временщика ни съ чѣмъ сравниться не можетъ».

---

[39]) Письма и записки князя Суворова-Рымникскаго. Р. Старина, 1866, 948.
[1]) Изъ записокъ Н. А. Саблукова, въ Р. Архивѣ 1869, 1885—1889.

Само собой разумѣется, что, при такомъ положеніи обстоятельствъ, графъ Безбородко считалъ своею непремѣнною обязанностію посвятить Павла Петровича въ дѣла его матери, которыми онъ такъ долго и съ такимъ успѣхомъ завѣдывалъ. Извѣстно, что великій князь во взглядѣ на государственныя дѣла и на управленіе Россіею совершенно расходился съ своею родительницею и крайне рѣзко порицалъ ея политику и жизнь. Столько же извѣстно, что и Екатерина не была особенно расположена къ Павлу и что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ ней лицъ были посвящены въ тайну предположеннаго ею устраненія его отъ престола и предоставленія онаго любимому внуку Александру Павловичу [2]). Когда же на престолъ вступилъ Павелъ, а не Александръ, при дворѣ составилось секретное убѣжденіе, будто виновникомъ этого обстоятельства былъ графъ Безбородко. О дѣлѣ этомъ, покрытомъ непроницаемою тайной императрицына сердца и государственнаго кабитета, упоминаютъ однако разные историческіе источники. Въ запискахъ Энгельгардта (надобно сказать, не всегда вполнѣ точныхъ) читаемъ: «Говорятъ, что Императрица сдѣлала духовную, чтобы наслѣдникъ былъ отчужденъ отъ престола, а по ней бы принялъ скипетръ внукъ ея Александръ, и что она хранилась у графа Безбородки. По пріѣздѣ Государя (Павла) въ С.-Петербургъ, онъ отдалъ ему оную лично. Правда-ли то, неизвѣстно. Многіе, бывшіе тогда при дворѣ, меня въ томъ увѣряли» [3]). Тоже утверждаетъ и Державинъ въ объясненіяхъ на свои сочиненія. «Сколько извѣстно—говоритъ онъ—было завѣщаніе, сдѣланное императрицею Екатериною, чтобы послѣ нея царствовать внуку ея Александру Павловичу».

Черезъ пять лѣтъ, вспоминая про Екатерину въ одѣ своей на восшествіе Александра, Державинъ опредѣлительно выражается:

Стоитъ въ порфирѣ и вѣщала,
Сквозь дверь небесну долу зря:
„Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ въ царя.
Но вы внимать мнѣ не хотѣли;
Забывъ мою къ себѣ любовь,
Напасти безъ меня терпѣли,
Я нынѣ васъ спасаю вновь“ [4]).

Въ связи съ содержаніемъ этихъ стиховъ, Державинъ въ Запискахъ своихъ передаетъ слѣдующій знаменательный фактъ изъ времени своей службы при Екатеринѣ: «Графъ Безбородко, выпросясь въ отпускъ въ Москву и откланявшись съ Императрицею, вышедъ изъ кабинета ея, зазвалъ Державина въ темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что Императрица приказала ему отдать нѣкоторыя секретныя бумаги касательно до великаго князя, то, какъ пришлетъ онъ къ нему послѣ обѣда, чтобъ пожаловалъ и принялъ у него; но неизвѣстно для чего, никого не прислалъ, уѣхалъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слы-

[2]) Саблуковъ замѣчаетъ: «говорили съ увѣренностію, что 1 Января 1797 года будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ, которымъ назначался наслѣдникомъ престола великій князь Александръ Павловичъ». Р. Архивъ 1869, стр. 1883.

[3]) Записки Л. Н. Энгельгардта, 195.

[4]) Академикъ Я. А. Гротъ подробно разъясняетъ представленную строфу.

халъ о тѣхъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, что онѣ тѣ самыя были, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ императора Павла, осыпанъ онъ отъ него благодѣяніями и пожалованъ княземъ. Впрочемъ, съ достовѣрностію о семъ здѣсь говорить не можно; а иногда другіе, имѣющіе лучшія основанія, о томъ всю правду откроютъ свѣту» [5]).

А. М. Тургеневъ, въ собственноручныхъ замѣткахъ на поляхъ Записокъ Грибовскаго, выражаетъ одно недоразумѣніе по поводу Безбородкинскаго участія въ дѣлѣ предпринятаго Екатериною устраненія отъ престола великаго князя Павла Петровича. «Здѣсь нельзя согласить -- пишетъ онъ — того, что Екатерина, оставивъ Безбородку хотя и не въ опалѣ, однакожъ внѣ своего вниманія, поручила ему составить духовное свое завѣщаніе и ввѣрила храненіе онаго ему. По кончинѣ ея, гнусный Безбородко обнаружилъ всю подлость и коварство свойствъ, соврожденныхъ Малороссамъ: онъ не Сенату, а Павлу, наслѣднику Екатерины, предъявилъ завѣщаніе» [6]).

Сюда же относится и разговоръ, написанный въ концѣ прошлаго вѣка подъ названіемъ «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ». Неизвѣстный авторъ изображаетъ царство мертвыхъ, куда прилетаютъ Русскія почившія души, чтобы здѣсь, во исполненіе воли Зевеса, поступить подъ начальство Екатерины, сопричисленной богами къ ихъ сонму. Извѣщенная о печальномъ положеніи дѣлъ въ Россіи прибывшею, въ видѣ гусара, внучкою своею Александрою Павловною, выданною, послѣ нея уже, за Венгерскаго палатина и отравленною въ Офенѣ, Екатерина требуетъ въ свои чертоги уже обитавшаго въ царствѣ мертвыхъ графа Безбородку, напоминаетъ этому «недостойному рабу» своему, что онъ почтенъ былъ отъ нея степенью перваго въ Имперіи достоинства, осыпанъ благодѣяніями, отличаемъ уваженіемъ и богатствомъ, что ему была поручена тайна кабинета, что чрезъ него по смерти Екатерины долженъ былъ осуществиться важный планъ, которымъ опредѣлено было, при случаѣ скорой ея кончины, возвести на императорскій Россійскій престолъ ея внука Александра, что сей актъ подписанъ былъ ею и участниками тайны. «Ты измѣнилъ моей довѣренности (упрекаетъ Екатерина Безбородку) не обнародовалъ его (акта) послѣ моей смерти. Я увѣрена, сколь была любима моими родственниками и больше всего подданными: они бы его исполнили. Ты забылъ милость мою, промѣнялъ общее и собственное свое благо на пустое титло князя, сдѣлалъ Россіи рану, которую цѣлый вѣкъ лѣчить потребно. Что молчишь, несправедливый человѣкъ? Чѣмъ загладишь сей поступокъ? Россія стонетъ, угнетаемая Павломъ, и я еще имѣю столько снисхожденія говорить о семъ съ ея орудіемъ (съ орудіемъ ея злосчастія)». Упавъ на колѣна, Безбородко признаетъ себя виноватымъ въ необнародованіи повелѣнія Екатерины, но оправдывается неожиданностію ея кончины, измѣною подписавшихся подъ завѣщаніемъ особъ, неизвѣстностію завѣщанія народу и страхомъ предъ

---

[5]) Сочиненія Державина, т. II, стр. 227—235, т. VI, стр. 635.

[6]) Товарищъ оберъ-прокурора Св. Синода Ю. В. Толстой обязательно сообщилъ мнѣ печатный экземпляръ «Записокъ Грибовскаго» (Москва, 1847 г.), на поляхъ котораго, рукою А. М. Тургенева сдѣланы разныя замѣтки и, въ числѣ ихъ, приведенная о Безбородкѣ. *Авторъ*. Александра Михаиловича Тургенева не должно смѣшивать съ дальними его родственниками, извѣстными въ Русской исторіи Тургеневыми. П. Б.

неумолимою строгостью Павла. «Еще до пріѣзда въ Петербургъ изъ Гатчины наслѣдника, я—говоритъ Безбородко Екатеринѣ — собралъ совѣтъ, прочелъ актъ о возведеніи внука твоего. Тѣ, которые о семъ знали, стояли въ молчаніи; а кто въ первый разъ о семъ услышалъ, отозвались невозможностію исполненія онаго. Первый подписавшійся за тобою къ оному митрополитъ Гавріилъ подалъ голосъ въ пользу Павла, и прочіе ему послѣдовали». Разсказавъ далѣе, какъ онъ, до пріѣзда Павла въ Петербургъ, написалъ къ народу увѣреніе, что вступающій на престолъ клянется блюсти всѣ дарованныя разнымъ классамъ права и преимущества, и какъ присяга Павлу начата именно послѣ данной имъ самимъ присяги вѣрно соблюдать означенныя права, Безбородко продолжаетъ: «Вы еще не знаете, Государыня, что значитъ воля Павла выключить изъ службы, лишить достоинства и имѣнія, заключить въ крѣпость: это—малѣйшее его наказаніе за малую вину, которая въ твоемъ милосердомъ правленіи не заслуживала выговора. Вѣчная ссылка въ Камчатку, за Китай, въ Японію, въ Алеуту—вотъ удѣлъ большей части моихъ собратій! Не очень давно, извѣстные тебѣ своею справедливостію князь Сибирскій и Турчаниновъ пострадали за то только, что сукно ставленное на армію Павлу показалось посвѣтлѣе немного даннаго образца, лишились знаковъ, имѣнія, дворянства, и теперь учатъ ихъ ловить соболей за Байкаломъ. И такъ, Государыня, лишеніе чиновъ, ссылка или самая смерть моя была-ли сильна удержать стремленіе Павла къ престолу, давно имъ желаемому? Болѣе же сего я сдѣлать ничего не могъ. Правда, ежели судить строго, я конечно долженъ умереть, исполняя волю твою. Знаю и то, что дѣла мои и совѣсть мою судить будетъ великая Екатерина, которой человѣколюбивое сердце умѣетъ отличать невольное преступленіе отъ умышленнаго». Когда Безбородко всталъ, Екатерина недовѣрчиво замѣтила ему, что «она больше свѣдуща о всѣхъ дѣлахъ, нежели какъ онъ думаетъ», отослала его и приказала позвать Гавріила. Напомнивъ ему объ увѣреніяхъ, которыми онъ клялся «во всей силѣ исполнить, утверждая, что, отрекаясь мірскихъ суетъ, за ничто вмѣняетъ ссылку, заточеніе и самую смерть» и выслушавъ отъ него указанія «на время, на обстоятельства и на Павла». Екатерина и его удалила, съ тѣмъ, чтобы онъ никогда не показывался въ ея чертогахъ» [7]).

Разговоры разныхъ великихъ людей въ Елисейскихъ поляхъ были обыкновенною литературною формой XVIII вѣка, но эта форма служила средствомъ для выраженія накопившихся въ обществѣ понятій, стремленій и убѣжденій. Понимаемая въ такомъ смыслѣ, а особенно въ связи съ другими письменными извѣстіями, «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ» даетъ чувствовать, что признаніе за Безбородкою главнаго участія въ передачѣ Павлу бумагъ Екатерины, устранявшихъ его отъ престола, раздѣлялось большимъ кружкомъ общества.

Существуютъ и живыя, устныя преданія о томъ, какъ Безбородко поступилъ съ завѣщаніемъ Екатерины о престолонаслѣдіи. Одно изъ этихъ извѣстій гласитъ, что когда Павелъ и Безбородко разбирали бумаги въ кабинетѣ Екатерины, то графъ указалъ Павлу на пакетъ, перевязанный черною лентою съ надписью «вскрыть послѣ смерти моей въ Совѣтѣ». Павелъ, предчувствуя, что въ пакетѣ заключается

---

[7]) Рукописное сочиненіе «Екатерина въ поляхъ Елисейскихъ» обязательно сообщено мнѣ Леонидомъ Николаевичемъ Майковымъ.

актъ объ устраненіи его отъ престола, актъ, который былъ будто-бы писанъ рукою Безбородки и о которомъ, кромѣ его и Императрицы, никто не зналъ, вопросительно взглянулъ на Безбородку, который, въ свою очередь, молча указалъ на топившійся каминъ. Эта находчивость Безбородки, который однимъ движеніемъ руки отстранилъ отъ Павла тайну, сблизила ихъ окончательно.

Другое устное извѣстіе утверждаетъ, что Безбородко, узнавъ о безнадежномъ положеніи Екатерины, сію-же минуту поѣхалъ въ Гатчину, гдѣ и подалъ запечатанный пакетъ Павлу, котораго встрѣтилъ на площадкѣ лѣстницы.

Наконецъ, есть преданія, идущія отъ Безбородки, о томъ, что бумаги по этому предмету (манифесту о престолонаслѣдіи) были подписаны важнѣйшими государственными людьми, въ томъ числѣ Суворовымъ и Румянцевымъ-Задунайскимъ. Немилость къ первому и внезапная кончина втораго тотчасъ, какъ онъ узналъ о восшествіи на престолъ Павла, произошли будто-бы именно вслѣдствіе этого [8]).

Вотъ всѣ данныя, какія удалось намъ собрать о дѣятельности графа Безбородки въ отношеніи къ духовному завѣщанію Екатерины. Въ нихъ есть противорѣчія, но они касаются только разныхъ подробностей, а сущность факта одинакова. Такимъ образомъ, въ настоящее время, пока не откроется какихъ нибудь новыхъ документовъ, которые снимутъ съ Безбородки обвиненіе въ нарушеніи воли покойной Императрицы, приходится допустить, что онъ, уступая силѣ обстоятельствъ, доставилъ возможность Павлу получить приготовленный Екатериною актъ устраненія его отъ престола и вступить на престолъ въ слѣдъ за нежелавшей этого покойной его родительницею [9]).

На другой день по пріѣздѣ изъ Гатчины Павелъ Петровичъ приказалъ вице-канцлеру графу Остерману опечатать и представить ему бумаги графа Маркова, а Ростопчину съ графомъ Самойловымъ запечатать кабинетъ усопшей Императрицы его собственною часовою печатью, врученною Растопчину.

Придворный архивъ канцеляріи церемоніальныхъ дѣлъ хранитъ записку о кончинѣ Екатерины. Въ этой запискѣ касательно обстоятельствъ 6 Ноября читаемъ слѣдующее: «6 Ноября, основываясь на донесеніи докторовъ, что уже не было надежды, государь великій князь наслѣдникъ отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру графу Безбородку и государственному генералъ-прокурору графу Самойлову взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи ихъ высочествъ, великихъ князей Александра и Константина, всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ Императрицы, потомъ, запечатавши, сложить ихъ въ особое мѣсто» [10]).

Здѣсь нѣтъ ни указанія, ни намека на передачу Безбородкою Павлу Петровичу таинственныхъ документовъ. Поэтому, не останавливаясь болѣе на покрытомъ завѣсою непроницаемости историческомъ фактѣ, обратимся къ изложенію дальнѣйшихъ дѣлъ одареннаго

---

[8]) Р. Архивъ, 1871, стр. 2072.

[9]) Напомнимъ читателю, что тогда еще не была отмѣнена Петровская «Правда воли монаршей», и Екатерина могла назначить своимъ наслѣдникомъ кого ей было угодно. П. Б.

[10]) Осмнадцатый Вѣкъ, кн. II, стр. 638—642.

счастливою судьбою и придворной изворотливостью государственнаго человѣка.

Въ роковой день 6 Ноября «графъ Безбородко, по словамъ Растопчина, болѣе 30 часовъ не выѣзжалъ изъ дворца и былъ въ отчаяніи: неизвѣстность судьбы, страхъ, что онъ подъ гнѣвомъ новаго Государя, и живое воспоминаніе благодѣяній умирающей Императрицы наполняли глаза его слезами, а сердце горестью и ужасомъ. Раза два онъ говорилъ мнѣ умилительнымъ голосомъ, что онъ надѣется на мою дружбу [11]), что онъ старъ, болѣнъ, имѣетъ 250.000 р. дохода и единой проситъ милости—быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія». Безбородко не забылъ, однако, въ предполагаемую для него критическую минуту, и о прочихъ преданныхъ ему подчиненныхъ. Прося за себя, Безбородко настойчиво ходатайствовалъ и о томъ, чтобы Растопчинъ просилъ великаго князя, въ знакъ его заслугъ Отечеству, объ отправленіи въ Сенатъ указа, подписаннаго Государыней восемь дней тому назадъ, о пожалованіи его усердному помощнику Д. П. Трощинскому чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. «Тутъ я—продолжаетъ Растопчинъ—получилъ повелѣніе увѣрить графа Безбородку, что наслѣдникъ, не имѣя никакого особеннаго противъ него неудовольствія, проситъ его забыть все прошлое, и что считаетъ на его усердіе, зная дарованія его и способность къ дѣламъ; указъ же о пожалованіи Трощинскаго приказалъ мнѣ взять и отослать въ Сенатъ, что и было мною исполнено. Грибовскій, въ видѣ человѣка, желающаго исчезнуть, принесъ и отдалъ мнѣ указъ, сказавъ, что не онъ виноватъ, а князь Зубовъ, который приказалъ не отсылать указа въ Сенатъ. Подозвавъ за тѣмъ графа Безбородку, наслѣдникъ престола приказалъ ему заготовить указъ о восшествіи на престолъ, а въ 5 часовъ по полудни наслѣдникъ велѣлъ мнѣ спросить у графа Безбородки, нѣтъ-ли какихъ дѣлъ, времени не терпящихъ, и хотя обыкновенныя донесенія, по почтѣ приходящія, и не требовали поспѣшнаго доклада, но графъ Безбородко разсудилъ войти съ ними въ кабинетъ, гдѣ мнѣ приказалъ наслѣдникъ остаться. Онъ былъ чрезвычайно удивленъ памятью графа Безбородки, который не только по надписямъ узнавалъ, откуда пакеты, но и писавшихъ называлъ по именамъ. При входѣ графа Безбородки съ бумагами, наслѣдникъ сказалъ ему, показывая на меня: вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня ничего нѣтъ скрытнаго Когда же графъ Безбородко, окончивъ, вышелъ изъ кабинета, то наслѣдникъ былъ еще въ удивленіи и объяснялся весьма лестно на его счетъ, примолвивъ: этотъ человѣкъ для меня—даръ Божій! Спасибо тебѣ, что ты меня съ нимъ примирилъ» [12]).

Между тѣмъ, агонія, продолжавшаяся 36 часовъ безъ малѣйшаго перерыва, «въ Четвергъ 6 Ноября, въ 9 часовъ 45 минутъ вечера», прекратилась.....

---

[11]) Въ автобіографіи своей (Отечественныя Записки, 1826 г., ч. II, стр. 55) Растопчинъ пишетъ: «Графъ Безбородко, замѣтя въ молодомъ Растопчинѣ особенный умъ, познанія и легкость въ работѣ, взялъ его съ собою и употребилъ его съ пользою при собравшемся въ Яссахъ мирномъ конгрессѣ». Растопчинъ всегда чтилъ память Безбородки, и въ его кабинетѣ висѣлъ портретъ его, написанный, по его заказу, извѣстнымъ художникомъ Тончи.

[12]) Архивъ Князя Воронцова, VIII, 165 и слѣд.

Много было говорено о причинахъ смерти Екатерины. Не входя въ повтореніе говореннаго и не пускаясь въ новыя разбирательства, я считаю не лишнимъ сообщить здѣсь нигдѣ еще не напечатанный разсказъ о томъ А. М. Тургенева, написанный на поляхъ экземпляра «Записокъ Грибовскаго», принадлежащаго Ю. В. Толстому. «Платонъ Зубовъ (пишетъ Тургеневъ) рекомендовалъ Екатеринѣ Грека Ламбро-Качони, который взялся вылѣчить ноги Екатерины отъ ранъ. Онъ предложилъ ей ставить ноги въ морскую воду утромъ и вечеромъ. Лѣченію этому лейбъ-медикъ Рожерсонъ противился и говорилъ о могущихъ быть для здоровья и самой жизни бѣдственныхъ слѣдствіяхъ. Екатерина не послушалась Рожерсона. Раны на ногахъ въ Іюлѣ закрылись, а въ Ноябрѣ Екатерина умерла отъ апоплексіи. А воду морскую привозили отъ Красной Горки, за Петергофомъ».

Лишь только императорская фамилія окончила свое послѣднее прощаніе съ славной покойницей, присутствовавшія знатныя особы, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, графъ Безбородко и Самойловъ, а также и придворные служители и служительницы, принесли свои поздравленія его величеству, новому Императору, а также и ея величеству Императрицѣ [13]).

Послѣ принесенія поздравленій, графъ Безбородко еще съ большею силою предался своему горю: ни увѣренія Павла въ благосклонности, ни лестный его отзывъ о немъ, конечно, переданный ему Растопчинымъ, не могли утѣшить убитаго горемъ оберъ-гофмейстера. А. Т. Болотовъ въ своихъ Запискахъ говоритъ: «Къ числу наиболѣе о кончинѣ покойной Императрицы плакавшихъ и искренно сокрушавшихся принадлежалъ первѣйшій ея министръ, извѣстный графъ Безбородко. Сей человѣкъ и имѣлъ къ тому причины. Будучи Монархинею сею извлеченъ изъ ничтожества, удостоенъ величайшей милости и довѣренности, осыпанъ, такъ сказать, съ головы до ногъ безчисленными благодѣяніями, возведенъ на высочайшую почти степень достоинства и славы, обогащенъ до избытка и содержимъ такъ, что онъ, при всей своей многотрудной должности, могъ однако наслаждаться и всѣми пріятностями жизни, пользоваться прямо счастливою жизнію, натурально долженъ былъ чувствовать, сколь много потерялъ онъ чрезъ кончину августѣйшей своей благодѣтельницы и производительницы всего счастія его. Онъ и изъявилъ непритворныя чувствованія свои такими слезами, такимъ сокрушеніемъ и горестью и такимъ надрываніемъ даже себя печалію и рыданіями, что самъ Государь объ немъ наконецъ соболѣзновалъ и самъ нѣсколько разъ утѣшать и уговаривать его предпринималъ. Но всѣ сіи утѣшенія и уговариванія и не только сіе, но и самыя милости, оказанныя ему уже новымъ Монархомъ и оставленіе его не только при прежней должности, но и самое повышеніе его на степень высочайшую по Государѣ и въ чинъ генерала-фельдмаршала, не могли и не въ состояніи были никакъ утолить горести и печали его. Онъ только твердилъ непрестанно, что онъ лишился матери, благодѣтельницы, зиждительницы всего его счастія и блаженства и такой Монархини, которую онъ никакъ позабыть не можетъ, и что всѣ его слезы и рыданія далеко недостаточны къ тому, чтобы могли составить жертву его благодарности... На увѣренія Государя, что и онъ будетъ къ нему милостивъ, отвѣтствовалъ онъ, что о семъ не сомнѣвается онъ нимало; но са-

[13]) Осмнадцатый Вѣкъ, кн. II, стр. 640—642.

мому ему не можно уже такъ Государю служить, какъ служилъ онъ покойной Императрицѣ. Почемужъ такъ? спросилъ Государь, удивившись.—Потому, отвѣчалъ Безбородко, что всѣ мои лучшія лѣта уже миновали; и теперь я уже одряхлѣлъ, состарѣлся и не въ силахъ переносить столько тягости и трудовъ, сколько нужно будетъ при служеніи вашему величеству, и сколькобъ я хотѣлъ переносить самъ, по моему усердію къ вамъ и ревности къ службѣ. Возложенная на меня вице-канцлерская должность уже слишкомъ для меня тяжела, и бремя сіе превосходитъ всѣ мои силы и возможности, почему и прошу объ увольненіи меня отъ оной».

Въ этомъ случаѣ Безбородко говорилъ совершенную правду: ему трудно было служить при новомъ Императорѣ. Прежде служба шла легко и свободно: доклады начинались съ 10 часовъ по полудни. Теперь приходилось вставать въ 5 часовъ утра и быть готовымъ по первому зову явиться къ Монарху. Но какъ императору Павлу извѣстно было, что Безбородко исправлялъ много лѣтъ должность перваго секретаря покойной Императрицы, и «ему довѣдомы были всѣ государственныя дѣла, особенно по сношеніямъ нашего двора съ иностранными, и что, наконецъ, онъ отличался необыкновенною памятью, то Государю былъ онъ крайне нуженъ: ему не хотѣлось съ нимъ разстаться и его отпустить. Потому Государь старался его всячески удержать и шутя сказалъ ему:—Нѣтъ, нѣтъ, Александръ Андреевичъ, я тебя никакъ отъ себя не отпущу. Ты останься при мнѣ, трудись по силѣ своей и возможности и будь, по крайней мѣрѣ, моею архивою. Ты мнѣ нуженъ, а чтобъ тебя облегчить, то я избавлю тебя отъ вице-канцлерской должности» [14].

Почтенный вниманіемъ и милостями новаго Монарха, Безбородко не переставалъ оплакивать кончину Екатерины. Глубоко горестное настроеніе Безбородки отразилось и въ письмѣ къ матери, которое онъ отправилъ 10 Ноября 1796 г. «Въ минувшій Четвергъ, 6 Ноября понесъ я величайшую потерю кончиною Государыни Императрицы, которая по самые послѣдніе дни жизни своей сохранила ко мнѣ свою милость и довѣренность, и которую привыкъ я почитать своею матерью. Оплакивая сіе печальное событіе, одно въ немъ облегченіе, что новый Императоръ удостоилъ меня таковыхъ же уваженій, возлагая на меня важнѣйшія дѣла.... Я желаю—заключаетъ Безбородко письмо—чтобы силы мои были достаточны воздать его благоволенію усердною службою».

Николай Григоровичъ.

---

[14]) Изъ Записокъ А. Т. Болотова, въ Р. Архивѣ, 1864 г., 619—621.

Изъ Записокъ Ипполита Оже.

1814 — 1817.

(Съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Мы не считаемъ нужнымъ предпосылать нижеслѣдующимъ Запискамъ біографическія свѣдѣнія объ авторѣ ихъ, такъ какъ читатель можетъ легко познакомиться съ нимъ изъ его собственнаго разсказа. Мелкія подробности, сообщаемыя имъ о событіяхъ современной ему исторіи и о людяхъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, имѣютъ для насъ интересъ живаго подлиннаго свидѣтельства. П. Б.

* *
*

Отовсюду доносились отголоски пушечныхъ выстрѣловъ. Почва Франціи была усѣяна трупами: Русскіе, Пруссаки, Австрійцы—лежали въ перемежку съ нашими солдатами, послѣдними остатками арміи. Мы героически боролись, но съ каждымъ днемъ нашъ врагъ, *союзныя войска*, приближался къ сердцу Франціи. Деньги становились рѣдкостью, хлѣбъ дорожалъ, сношенія прекращались: каждый жилъ самъ по себѣ, съ своими скорбями, съ своими надеждами.

По улицамъ раздавались сочиненныя по заказу пѣсни, въ которыхъ говорилось о славѣ, чести, отечествѣ; а у домашняго очага тихонько напѣвались сатирическія строфы Беранже, въ то время только что начинавшаго входить въ славу: Король д'Ивето, Сенаторъ и др. Шла ожесточенная борьба, а во мнѣ въ это время бродили молодыя силы: я ждалъ и волновался [1]).

*

Казалось, будто люди тогдашняго времени совсѣмъ перестали заглядывать въ свою душу. Они и старались попасть на настоящую дорогу, но шли на угадъ, сами не зная куда и смутно надѣясь, что дорога куда нибудь выведетъ. Что-то такое неизвѣстное, непонятное томило насъ. Намъ хотѣлось видѣть, слышать, двигаться; мы искали простора. Остановиться нельзя было ни на чемъ, потому что, казалось, все подлежало пересмотру: вся совокупность условій умственной жизни, и не одной умственной, но и физической также.

Люди прошлаго глухо волновались. Жертвы, не безъ нѣкоторой отваги, гонители съ затаенною робостью, и тѣ и другіе были крѣпко притиснуты тяжелой пятой властелина.... Вернувшіеся эмигранты, сплотившіеся Якобинцы могли дѣйствовать довольно свободно, но были осторожны въ рѣчахъ.... Звукъ оружія раздавался въ Парижѣ. Всѣ прислушивались: казалось, до нашего слуха доносилась пушечная пальба, топотъ приближающагося войска. Но благодаря прочной организаціи, все шло, по наружности, спокойно и своимъ чередомъ.

---

[1]) Автору въ то время время было лѣтъ 18 отъ роду.

Хорошо смазанная правительственная машина продолжала двигаться по своей колеѣ. Подъ вліяніемъ боязни люди были холодны, спокойны. Пустота чувствовалась страшная.

Я былъ одинокъ посреди этого хаоса. Скоро я почувствовалъ горячее желаніе пожить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, другою жизнію, найти другой міръ, непохожій на тотъ, который, казалось мнѣ, былъ мною извѣданъ. Я понялъ, что та жизнь, которою я до сихъ поръ жилъ, была не то, чего мнѣ было нужно; я хотѣлъ не новости, не разнообразія: мнѣ этого было мало, я жаждалъ чего-то неизвѣстнаго, неизвѣданнаго.... Иногда я отправлялся бродить на удачу, всматривался въ встрѣчавшіяся физіономіи съ надеждою прочесть на нихъ отвѣтъ. Прислушиваясь къ порывамъ вѣтра, я требовалъ у него, у неба, у земли, разрѣшенія мучившей меня загадки. До сихъ поръ я былъ остороженъ въ поступкахъ, теперь же я готовъ былъ весь отдаться на волю случая. Вооруженная Европа попирала почву Франціи; избѣжать ея нашествія было невозможно, и я ожидалъ ея съ лихорадочнымъ чувствомъ нетерпѣнія, къ которому примѣшивалось чувство ужаса. Я былъ похожъ на раненаго во время сраженія, и готовъ былъ закричать: «добейте же меня, братцы!» Душа была полна новыхъ, неясныхъ впечатлѣній, которыя произвольно, безъ всякой причины, зарождались въ ней. Но не смотря на это тревожное состояніе, дни летѣли быстро. Тяжелы были эти два мѣсяца — Январь и Февраль; но начало Марта было еще ужаснѣе. Горячая кровь и холодный разсудокъ по очереди брали верхъ надо мною и влекли то къ истинѣ, то къ заблужденію; а я не въ состояніи былъ сказать, гдѣ истина, гдѣ ложь. Всѣ находили, что я развитъ не по лѣтамъ; по мнѣ казалось, что это было ошибочное мнѣніе. Я не желалъ быть старше своихъ лѣтъ; мнѣ хотѣлось начать съизнова, совсѣмъ изгладить безъ слѣда короткое прошлое, наполненное впечатлѣніями, которыя я прежде считалъ благотворными. Писать еще не значитъ жить, думалось мнѣ иногда. Наступающая эпоха должна показать мнѣ путь, по которому я пойду. Я буду дѣйствовать, чтобъ стать тѣмъ, чѣмъ я хочу и могу быть....

Будущее неизвѣстно. Я одинъ; я еще не знаю, кто мнѣ другъ; мое личное положеніе имѣетъ много общаго съ положеніемъ Франціи.

Не даромъ была такая трудная беременность и такія болѣзненные роды: нарождалась новая эра.

Наконецъ наступилъ день капитуляціи. Національная гвардія, вновь образовавшаяся съ тѣхъ поръ, какъ военный вопросъ перенесся на почву Франціи, призывала всѣхъ гражданъ къ оружію. Маршалъ Монсе командовалъ ею. Сначала его обязанностью было наблюдать за спокойствіемъ и порядкомъ въ городѣ; потомъ ему была поручена внѣшняя защита города. Я находился въ это время въ паркѣ Монсо. Цѣлый день грохотали пушки и шла ожесточенная борьба. На Шомонѣ, на Менильмонтанѣ, ученики Политехнической Школы отличались храбростью. Застава Клиши не сдавалась. Но скоро, съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, мнѣ стало видно, какъ непріятельская кавалерія взбиралась на Монмартрскія высоты и овладѣвала батареями, которыя тамъ находились. Потомъ, по дорогѣ, вдоль рва, окружавшаго садъ, проскакали двое всадниковъ съ парламентерскимъ знаменемъ. Они спѣшили отъ заставы къ заставѣ, чтобъ прекратить кровопролитіе.

На другой день непріятельскія войска вошли въ Парижъ и заняли его.

Я жилъ на улицѣ, поглощенный происходившей вокругъ меня драмой.... Я смотрѣлъ и слушалъ. Такимъ образомъ строилось зданіе моего опыта: въ основаніе его легли мои собственныя дѣйствія. Я принадлежалъ себѣ; помощи ждать было не откуда. Мое дѣло было заботиться только, чтобъ мой челнъ не разбился о подводные камни.

Часто, возвращаясь ночью домой, я проходилъ черезъ Елисейскія поля, гдѣ были расположены лагеремъ казаки. Тамъ и сямъ горѣли костры и освѣщали группы людей какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ. Я шелъ, задыхаясь отъ невольнаго чувства страха. Я чувствовалъ, какъ у меня то замирало сердце, то снова начинало биться съ удвоенной силой, когда посреди величественной тишины и мрака ночи раздавалось «ура», Русскій окликъ; и послѣдній отголосокъ его, постепенно ослабѣвая вдали, затихалъ наконецъ безъ отзыва въ моей взволнованной душѣ.

Въ Парижѣ быстро привыкаютъ ко всякому новому положенію, какъ бы противоположно оно ни было прежнему. Не прошло недѣли, какъ всѣ уже примирились съ присутствіемъ побѣдителей. Много тутъ помогало любопытство. О томъ, что̀ ожидаетъ Парижъ въ будущемъ, думали мало: Парижъ не заботится о далекомъ будущемъ; но за то личныя опасенія за сегодняшній день вмѣстѣ съ забвеніемъ всего, что̀ было вчера, давали возможность людямъ, предвидѣвшимъ паденіе Наполеона, безпрепятственно стремиться къ достиженію своихъ цѣлей. Борьба еще продолжалась: на югѣ сражались противъ Англичанъ, предводимыхъ Веллингтономъ; императорская гвардія отступившая къ Фонтенебло, окружала своего великаго полководца, перемѣнившаго скипетръ на шпагу. Въ пользу Бурбоновъ происходили заранѣе подготовленныя манифестаціи. Якобинцы оставались въ тѣни, а пришельцы заботились о себѣ и не думали о насъ.

Русскій Императоръ не захотѣлъ поселиться ни въ одномъ изъ дворцовъ. Талейранъ предложилъ ему гостепріимство въ своемъ домѣ, въ улицѣ Риволи, и Императоръ принялъ его предложеніе. Прусскій король жилъ въ улицѣ Лилль, въ домѣ Прусскаго посольства. Генералы обѣихъ армій были размѣщены по лучшимъ домамъ въ двухъ сосѣднихъ кварталахъ. Офицеры жили недалеко отъ казармъ, гдѣ стояли ихъ полки. Съ Фридрихомъ Вильгельмомъ были его два сына; къ Александру I пріѣхали его три брата. Война расчистила широкую дорогу въ наше отечество; вдоль нея стояли отряды Австрійцевъ: императоръ Францъ не желалъ встрѣтиться съ дочерью, принужденною бѣжать вмѣстѣ съ маленькимъ Римскимъ королемъ.

Отреченіе Наполеона и отъѣздъ его на островъ Эльбу облегчили заключеніе предварительныхъ условій мира. Вмѣстѣ съ надеждою вернулось и спокойствіе. Пестрота мундировъ перестала оскорблять зрѣніе Парижанъ. Пришельцы привезли много денегъ (это были наши собственныя деньги); торговые обороты оживились. Удовольствія стали всѣмъ доступны. Въ ресторанахъ Палерояля всѣ столы были постоянно заняты, и за попойками офицеры бросали изъ оконъ деньги толпившемуся народу.

Присматриваясь къ различнымъ физіономіямъ пришельцевъ, я скоро замѣтилъ рѣзкое различіе національностей, проявлявшееся въ невольной симпатіи къ однимъ и антипатіи къ другимъ. Это было одно изъ тѣхъ впечатлѣній, въ которыхъ, по неожиданности ихъ, невозможно

сразу отдать себѣ отчетъ. Не умѣя еще отличить Русскаго отъ Пруссака по мундиру, мы чувствовали, что между нами возникали токи отталкиванія и притяженія, какъ будто Славянинъ и Германецъ обладали противоположными электричествами. Въ томъ состояніи умственной нерѣшительности, въ которомъ я тогда находился, я не могъ сопротивляться этому закону влеченія и направился къ сѣверному полюсу.

Въ это время жила въ Парижѣ въ улицѣ Серютти (теперешней улицѣ Лафитъ) небогатая вдова хорошей фамиліи, умная, изящная женщина. Оставшись безъ всякихъ средствъ по кончинѣ мужа, она не могла рѣшиться круто разорвать съ прежнею жизнію и отказаться отъ привычныхъ удобствъ, какъ не могла разстаться съ брильянтовыми сережками, блестѣвшими въ ея ушахъ. Она занимала просторную, красивую квартиру въ третьемъ этажѣ. Квартира оказалась слишкомъ велика для нея; она вздумала предложить друзьямъ своего мужа, холостякамъ, приходить къ ней обѣдать. Три лишнія комнаты были прилично омеблированы; она отдала ихъ внаймы. Предложеніе было принято съ радостью. Роскоши, конечно, въ ея домѣ не было; но были всѣ удобства, возможныя въ тѣ времена. Обычные посѣтители приводили съ собою друзей. Обѣдъ бывалъ всегда хорошъ; въ гостиной стояла рояль Эрара, два дивана, покойныя кресла; въ холода топился каминъ. Разговоръ шелъ живой, непринужденный. По вечерамъ играли въ бульотъ, по семейному, для препровожденія времени, но не ради выигрыша. Я тоже бывалъ въ этихъ собраніяхъ, и меня любили за природное остроуміе, составлявшее мое отличительное качество. Я не придумывалъ остротъ: онѣ сами неудержимо срывались съ языка.

Можетъ быть, для меня было бы лучше, еслибъ мои остроты встрѣчались иногда неодобрительнымъ молчаніемъ, но присутствующіе обыкновенно смѣялись, снисходя къ моей молодости. Въ карты я никогда не игралъ; но такъ какъ всѣ знали, что я пописывалъ стишки, то меня заставляли ихъ декламировать. Конечно, никто не придавалъ этому особеннаго значенія.

Недѣли двѣ спустя послѣ занятія Парижа союзными войсками, я пришелъ опять обѣдать въ улицу Серютти. За столомъ сидѣло четверо Русскихъ гвардейскихъ офицеровъ. Ихъ привелъ одинъ изъ обычныхъ посѣтителей, старый эмигрантъ, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и сохранившій дружескія сношенія со многими Русскими семьями, которыхъ гостепріимство ему было памятно. Война ведется между государствами, или лучше сказать между правителями; подданные же, до которыхъ ссора эта нисколько не касается, продолжаютъ по прежнему дружески относиться другъ къ другу. Замолкаетъ громъ пушекъ, и мнимые враги, протягивая другъ другу руку, продолжаютъ прерванный разговоръ. Грустно было бы за человѣчество, еслибъ это было иначе! Но и помимо этого, между высшими классами въ Россіи и во Франціи много общаго: одинаковое воспитаніе порождаетъ духовное сродство, скрѣпляемое общей литературой и общимъ разговорнымъ языкомъ, такъ что политическая распря была чѣмъ-то въ родѣ семейной размолвки, происшедшей отъ недоразумѣнія и прекратившейся тотчасъ послѣ объясненія, чѣмъ-то въ родѣ вводнаго предложенія въ скобкахъ, не нарушающаго смысла всей рѣчи.

— Мы думали, что вы убиты въ сраженіи, вскричали всѣ при моемъ появленіи.

— Это легко могло случиться, пули такія шальныя. Но онѣ, къ счастію, летятъ на высотѣ человѣческаго роста, а я проскользнулъ подъ ними, отвѣчалъ я.

Сѣли за столъ. Насъ не представляли другъ другу, но мы скоро разговорились, какъ обыкновенно бываетъ между благовоспитанными людьми, довѣрчиво и искренно относящимися другъ къ другу.

У меня всегда было честолюбивое желаніе нравиться, и мнѣ это часто удавалось. У ума есть своего рода кокетство, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе опытности у человѣка; а въ разговорѣ эффектъ мѣткаго, остраго слова много зависитъ отъ тонкости внѣшней отдѣлки: при умѣньи можно и стразѣ придать блескъ алмаза. Мнѣ уже не разъ случалось сталкиваться съ иностранными офицерами на улицѣ, и мы обмѣнивались обыкновенными, вѣжливыми, ничего незначащими фразами. Но всегда бывало такъ, что меня вызывали на разговоръ Русскіе, справедливо гордившіеся своимъ знаніемъ нашего языка. На этотъ же разъ я сдѣлалъ первый шагъ къ сближенію, съ тѣмъ увлеченіемъ, которое лежало въ моей природѣ и неудержимо овладѣвало мною: разъ пружина заведена, и машина, приспособленная природой на служеніе уму, была пущена въ ходъ. Въ домѣ ко мнѣ всѣ благоволили; новые знакомые тоже скоро почувствовали ко мнѣ расположеніе. Но я, стремясь во что бы то ни стало, изъ чувства прирожденнаго тщеславія, покорить ихъ сердца, запутался самъ въ собственныхъ сѣтяхъ: они побѣдили мое сердце своимъ тонкимъ пониманіемъ и умѣньемъ вести разговоръ по нашему. Остроумнымъ можно быть только въ обществѣ остроумныхъ людей: чрезвычайно пріятно видѣть, что ваша острота понята и оцѣнена по достоинству.

Эти Русскіе были люди молодые. Самому старшему было лѣтъ двадцать пять; онъ имѣлъ чинъ капитана; четвертый былъ поручикъ. Они стояли на различныхъ ступеняхъ служебной іерархіи, но внѣ службы между ними было совершенное равенство отношеній, позволявшее каждому свободно выказывать свои личныя качества и свойства.

Послѣ обѣда они изъявили желаніе познакомиться со мной. Мы обмѣнялись обычными вѣжливыми фразами, которыя ни къ чему не обязываютъ, но иногда могутъ имѣть серьёзныя послѣдствія.

На другой день я не могъ удержаться, чтобъ не отправиться опять обѣдать въ улицу Серютти. Очарованіе было слишкомъ сильно: мнѣ оставалось только покориться ему и безпрекословно идти, куда влекла судьба.

Я былъ настоящій Парижанинъ, слѣдовательно не отличался устойчивостью мнѣній: они зарождались внезапно и произвольно. Почва была глубоко взрыта, но посѣянныя сѣмена только еще пускали ростки: всходовъ не было видно.

Меня приняли ласково. Въ этотъ вечеръ случилось такъ, что разговоръ невольно принялъ задушевный характеръ. Прапорщики, милые молодые люди, легкомысленные и веселые какъ дѣти, чувствовали непреодолимое желаніе кинуться въ открывавшуюся передъ ними жизнь. Они имѣли передо мной то преимущество, что у нихъ была семья, имя; въ будущемъ ихъ ожидало богатство и вѣрная карьера. Но за то у меня былъ сильный рычагъ—жгучее желаніе быть чѣмъ нибудь, имѣть значеніе, добиться своего, во что бы то ни стало. Они были спокойны за свою будущность и не думали о ней; для

меня будущее было мечтою, полною надеждъ и ожиданій. Что же касается до капитана, ихъ старшаго, отличавшагося живостью и энергіей, то онъ и въ жизни занималъ тоже мѣсто, какъ и въ полку. Онъ казался положительнѣе ихъ, но опытности у него было не больше. Всѣ трое, привыкшіе къ обезпеченной жизни, никогда не задумывались надъ ея серьезной стороной: они не знали ни труда, ни заботъ. Безпечность—лучшее средство для сохраненія молодости; вотъ отчего у нихъ были такія невозмутимо-спокойныя лица, такой ровный, привѣтливый характеръ. Все это за одно съ запахомъ духовъ, до которыхъ Русскіе такіе охотники, придавало имъ всѣмъ аристократическій отпечатокъ. Суровое ремесло войны сдѣлало ихъ мужественными, но не лишило природной граціи; они сильно загорѣли, но нѣжныя очертанія лицъ, гладкій лобъ безъ морщинъ, ясный взоръ—остались тѣже какъ и прежде. Молодая жизнь въ нихъ била ключомъ.

За обѣдомъ въ улицѣ Серютти заговорили о театрахъ и указали на меня, какъ на будущаго драматическаго писателя. Это сблизило насъ еще болѣе [1]). Они, конечно, пожелали узнать наши театры подъ моимъ руководствомъ. Партеръ бывалъ обыкновенно биткомъ набитъ Русскими офицерами, и вскорѣ, благодаря частымъ встрѣчамъ, я очутился въ центрѣ многочисленнаго кружка *новыхъ друзей*, которые не покидали меня ни на минуту. Я долженъ отдать имъ справедливость: въ нихъ не замѣчалось ни малѣйшаго признака Русскаго *шовинизма* (это слово было впослѣдствіи нарочно придумано для насъ); у нихъ ни разу не вырвалось ни одного хвастливаго слова, которое могло бы испортить наши отношенія. Казалось, они вошли въ Парижъ не какъ побѣдители, но просто съѣхались случайно, изъ любопытства, изъ простаго желанія пожить всѣмъ вмѣстѣ. Избранное Русское общество, въ которое я имѣлъ честь быть принятъ, доказывало этимъ свое умѣнье жить, свой тактъ. Приглашенія сыпались на меня со всѣхъ сторонъ: я принималъ участіе во всѣхъ удовольствіяхъ и даже во всѣхъ сумазбродствахъ. Я не отказывался, но всегда предупреждалъ, что не могу отплатить тѣмъ же. Конечно я не очень настаивалъ на послѣднемъ обстоятельствѣ, потому что не хотѣлъ, чтобъ они знали, въ какомъ положеніи я находился. Если намъ нравится избранное общество, и мы хотимъ бывать въ немъ, то обязаны слѣдовать его обычаямъ. Меня считали однимъ изъ своихъ, благодаря моей осанкѣ и манерамъ.

Вмѣсто того, чтобъ показываться имъ, такъ сказать, въ природной наготѣ, я напротивъ старался быть всегда одѣтымъ прилично случаю, по модѣ, изящно и съ умѣньемъ. Это была лесть, любезность свѣтскаго человѣка, кокетство, если хотите; но съ моей стороны дурныхъ намѣреній не было: я поступалъ такимъ образомъ скорѣе для другихъ, чѣмъ ради собственной выгоды. Сверхъ того, въ Парижѣ я былъ дома, на собственной сценѣ, гдѣ и люди и предметы получаютъ условное, не-истинное значеніе, благодаря яркому искусственному освѣщенію. Зачѣмъ было отнимать у моихъ *друзей-враговъ* нравившуюся имъ иллюзію, вводить ихъ за кулисы, показывать всѣ нити, пружины движенія? Я не хотѣлъ ихъ обманывать; я обманывалъ самого себя, играя вполнѣ естественно свою роль въ человѣческой, или скорѣе въ соціальной комедіи, полной случайно-

---

[1]) Господинъ Ипполитъ Оже впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ во Франціи и у насъ драматическимъ писателемъ. П. Б.

стей, происходящихъ отъ столкновенія противоположныхъ стремленій. Кто же не имѣетъ права желать участвовать въ ней, въ ожиданіи развязки? Да и къ тому же, спектакль былъ даровой: зрители мнѣ ничего не платили.

Въ этой нескончаемой драмѣ, носящей названіе «общественная жизнь» и раздѣленной на явленія называющіяся *днями*, всякій костюмируется сообразно своей ролѣ. Конечно, я знаю, что люди, оцѣнивая поступки своихъ ближнихъ, руководствуются произволомъ: одинаковаго, точнаго мѣрила не существуетъ; но мнѣ тоже извѣстно, что добросовѣстные судьи принимаютъ въ разсчетъ смягчающія обстоятельства, между которыми первое мѣсто занимаетъ та общественная среда, гдѣ человѣку приходится жить.

Во описываемую нами эпоху, публицистика, объясняющая по своему политическія событія, еще не имѣла теперешняго вліянія на молодежь: мы не такъ рано достигали зрѣлости и дольше противились порчѣ.

Въ то время, какъ я завязывалъ новыя отношенія, не обрывая прежнихъ связей, мысль о необходимости прочнаго положенія все болѣе и болѣе овладѣвала мною. Я чувствовалъ, что мнѣ нужна твердая почва подъ ногами, гдѣ бы могли развернуться на просторѣ мои способности и то жгучее честолюбіе, которое начало тогда волновать меня.

Возвращеніе Бурбоновъ, это прикрытіе новой штукатуркой прогнившихъ стѣнъ зданія, для меня не представляло никакихъ выгодъ, не открывало никакой дороги въ жизни, и я относился къ этому событію очень равнодушно. Тѣ изъ моихъ прежнихъ друзей, которые привѣтствовали его какъ исполненіе, если не надеждъ своихъ, то по крайней мѣрѣ желаній, были слишкомъ заняты собою, чтобъ думать обо мнѣ. Еслибъ не было моихъ Русскихъ, я бы очутился въ совершенномъ одиночествѣ. Но, не смотря на оживленіе, которое сообщалось мнѣ въ ихъ присутствіи, мысль о будущемъ не покидала меня: я начиналъ тревожиться тѣмъ болѣе, что настоящее понемногу изнашивалось.

Подъ впечатлѣніемъ этой заботы я однажды, вмѣсто того чтобъ идти по привычкѣ въ улицу Серютти, отправился къ капитану. Я могъ уже теперь назвать его *своимъ капитаномъ*, хотя онъ только впослѣдствіи сдѣлался моею собственностію. Я его засталъ за чаемъ, въ халатѣ и съ трубкою въ зубахъ.

— О! сказалъ онъ, не скрывая своего удивленія, что̀ случилось? Вчера, какъ мнѣ показалось, вы были чѣмъ-то озабочены.

— Дѣйствительно, и на это есть причины, отвѣчалъ я: вы насъ скоро покинете.

— Что же дѣлать? У насъ тоже есть отечество; а такъ какъ Францію мы вамъ передаемъ въ хорошемъ видѣ, безъ особенныхъ поврежденій, то и намъ пора пожить дома, повидаться со своими.

— Съ общей точки зрѣнія я на это не жалуюсь; но меня лично это огорчаетъ. Что̀ же я буду дѣлать безъ васъ?

— Тоже что̀ дѣлали бы, еслибъ обстоятельства сложились иначе. Напьемтесь-ка вмѣстѣ чаю, чтобъ разогнать такія мысли.

Онъ кликнулъ слугу, и черезъ минуту мнѣ принесли стаканъ чаю и набитую Турецкимъ табакомъ трубку съ длиннымъ чубукомъ и янтарнымъ мундштукомъ.

— Я не курю, сказалъ я.

— Напрасно. Еслибъ бы пріѣхали къ намъ, вы бы скоро привыкли.

— Пріѣхать къ вамъ?

— Прежде всего курить. Что касается до посѣщенія, то, если вамъ вздумается пріѣхать къ намъ, мы будемъ очень рады и встрѣтимъ какъ друга. Русскій человѣкъ гостепріименъ, что хорошо извѣстно многимъ изъ вашихъ соотечественниковъ. И такъ, въ качествѣ дикаря, я вамъ предлагаю трубку мира. Вы, конечно, не безъ цѣли пришли ко мнѣ такъ рано?

— У меня была цѣль васъ видѣть: развѣ этого недостаточно?

— Но у васъ при этомъ была и другая цѣль?

— И да, и нѣтъ!

— Вы хотите задать загадку?

— Вотъ вамъ отгадка: уже нѣсколько дней, какъ демонъ предусмотрительности не даетъ мнѣ покою. Онъ пугаетъ меня будущимъ, не даетъ проходу на улицѣ, заслоняетъ все собою. До сихъ поръ я шелъ по тропинкамъ, ведущимъ на большую дорогу; но куда же меня приведетъ большая дорога?

— Куда сами захотите.

— Дѣло не въ хотѣньи только: съ тѣхъ поръ какъ вы явились къ намъ, все перемѣнилось.

— Слѣдовательно вы возлагали какія нибудь надежды на павшее правительство?

— Да я надѣялся, что въ какомъ нибудь сраженіи меня убьютъ.

— И только?

— Только.

— А что же настоящее правительство?

— Оно лишило меня даже этой надежды. Драться мы, можетъ быть, и будемъ, но только между собою, что не представляетъ особенныхъ выгодъ. Какъ-же вы хотите, чтобы король Людвикъ XVIII удовлетворилъ въ одно и тоже время и старое дворянство, требующее своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ, и новое, не желающее отказываться отъ того, что ему принадлежитъ теперь.

— Къ которому изъ нихъ вы принадлежите?

— Я принадлежу къ тому, о которомъ говорится въ пожалованной намъ хартіи: «Всѣ Французы равны передъ закономъ и могутъ быть допущены къ исполненію всякихъ должностей».

— Обѣщаніе прекрасное!

— Хорошая протекція была бы мнѣ пріятнѣе.... Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нашъ Талейранъ... впрочемъ онъ столько же вашъ какъ и нашъ.... предсказывалъ, что Францію возметъ тотъ, у кого больше денегъ, а не тотъ, у кого самый старинный гербъ. У моего отца было одиннадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ семеро живы; я самый старшій. Поэтому вы можете заключить, что въ семьѣ есть еще малолѣтные, которымъ надо дать воспитаніе; а доходы съ родоваго имѣнія незначительны. Отецъ благословилъ меня и затѣмъ предоставилъ мнѣ полное право самому заботиться о своей будущности.

— Онъ вполнѣ былъ увѣренъ въ васъ.

— Конечно! Свобода — славное, благородное дѣло, и я не употребилъ ее во зло. Я старался подготовить себя къ будущей дѣятельности, хотя и до сихъ поръ не знаю, что будетъ со мной. Вотъ эта-то мысль и не даетъ мнѣ спать. Сегодня утромъ, я почти невольно, самъ не зная какъ, очутился у дверей вашей квартиры, подъ вліяніемъ ни-

стинкта, который заставляетъ человѣка идти туда, гдѣ онъ можетъ найти чтó ему именно нужно въ эту минуту, что-то хорошее, успокоительное, но чего самъ не умѣешь назвать.

Капитанъ поспѣшилъ протянуть руку и, дружески пожимая мою, сказалъ:

— Представьте, что вы уже совсѣмъ нашъ: раскурите трубку, выпейте еще стаканъ чаю, и будемте разговаривать серьёзно. Хорошо, что вы пришли утромъ: я по утрамъ бываю серьёзенъ.

Дѣйствительво я замѣтилъ, что онъ слушалъ меня со вниманіемъ, въ то же время что-то обдумывалъ.

— Вѣдь вы совершенно вольны въ своихъ поступкахъ; такъ предоставьте все случаю, продолжалъ онъ. Въ азартныхъ играхъ вѣроятности выигрыша и проигрыша бываютъ равны, а при извѣстномъ умѣньи и благоразуміи перевѣсъ часто даже на сторонѣ перваго. Жизнь—таже игра! Ваше отечество не можетъ дать вамъ ничего вѣрнаго: найдите себѣ другое отечество. Поѣзжайте въ Россію искать счастія. Я постараюсь быть вамъ полезнымъ, потому что вы мнѣ съ перваго разу внушили къ себѣ довѣріе, которое еще болѣе утвердилось, благодаря нашимъ ежедневнымъ сношеніямъ; теперь же, послѣ вашего откровеннаго признанія, ничто не въ состояніи поколебать его.

— Но развѣ это возможно?

— Если возможно дѣлать глупости, то отчего же не попробовать сдѣлать что нибудь разумное? Сидя на мѣстѣ, далеко не уѣдешь. Для успѣха въ свѣтѣ необходима дерзость: позволяйте себѣ многое, смѣло высказывайтесь и не бойтесь запутаться.

— Но чтó же я буду дѣлать въ Россіи?

— Чтó умѣете.

— Увы! я ни на что не способенъ.

— Напротивъ, я васъ считаю способнымъ на все.

— Капитанъ, это двусмысленность, которую....

— Дайте же договорить.... Я считаю васъ способнымъ на все честное, благородное. Вы не игрокъ, не кутила; на ваше слово можно положиться. Впрочемъ я понимаю ваше положеніе и догадываюсь о многомъ; дайте же мнѣ денёкъ подумать.

— Но, капитанъ, повторяю еще разъ, чтó я буду дѣлать въ Россіи?

— Ну, подумаемъ, поищемъ.... Вы хорошо знаете свой языкъ?

— Я сдѣлалъ все, чтó слѣдовало, чтобъ изучить его.

— Ну такъ вы будете обучать ему другихъ. Въ Россіи любятъ говорить пофранцузски: въ хорошемъ обществѣ у насъ иначе даже и не говорятъ. Мы вамъ найдемъ ученика, честолюбиваго юношу, княжескаго имени, съ несмѣтнымъ богатствомъ. У насъ это не рѣдкость.

— Нѣтъ, нѣтъ, капитанъ. Это честное, благородное занятіе; но я не чувствую въ себѣ способности къ самопожертвованію. Я люблю свою свободу. Обязанность таже тюрьма; и по крайней мѣрѣ нужно выбрать такую, которая бы не уморила. У меня нѣтъ педагогическихъ способностей: я себя чувствую еще такимъ школьникомъ, что, право, не гожусь въ наставники.

Онъ закрылъ глаза и сдѣлалъ легкую гримасу; потомъ быстро подошелъ и обнялъ меня.

— Вы именно такой человѣкъ, какъ я думалъ. Хотите служить въ нашей арміи?

— Поднять оружіе противъ своего отечества?...

— У насъ теперь миръ. Но во всякомъ случаѣ васъ бы никто не принуждалъ къ этому. Въ рядахъ нашего войска много Французовъ: какой-то Сентъ-Пріестъ былъ убитъ въ сраженіи при Реймсѣ, но онъ самъ того хотѣлъ. Ришелье, Ланжеронъ, Рошуаръ, Брольи и другіе состоятъ въ Русской службѣ. Не говорю о генералѣ Моро. Послѣ объявленія войны, благодаря которой мы познакомились съ вами, Государь приказалъ объявить всѣмъ Французамъ, числившимся въ нашей арміи, что они могутъ отказаться отъ участія въ ней. Мы не такіе варвары, какъ обыкновенно воображаютъ. Тѣ же, которые пошли съ нами, сражались за свои убѣжденія. Убѣжденія—таже родина. Войны между Россіей и вашей Бурбонской Франціей не предвидится. Если и придется драться, то вѣроятно на Востокѣ. Лафайеты отправлялись же сражаться въ Америку изъ любви къ искусству. Мнѣ хочется васъ убѣдить для вашей же пользы. Если вы согласитесь, я постараюсь облегчить вамъ всѣ способы. Сейчасъ я просилъ дать мнѣ подумать, а теперь я предоставляю это вамъ. Въ ожиданіи вашего отвѣта, я начну разузнавать и расчищать дорогу.

Лакей вошелъ съ платьемъ. Онъ одѣлся, и мы вышли вмѣстѣ. Онъ пошелъ въ Военную Школу, гдѣ стоялъ его полкъ; а я, въ сильномъ раздумьи, не спѣша, отправился по своимъ дѣламъ.

Вечеромъ, за обѣдомъ въ улицѣ Серютти, я увидалъ еще одного Русскаго офицера, который до того времени тамъ не бывалъ. Остальные Русскіе, обычные посѣтители, обращались съ нимъ съ такимъ вниманіемъ и предупредительностью, которыя явно свидѣтельствовали объ его превосходствѣ надъ ними. Меня волновало предчувствіе чего-то: тутъ былъ и страхъ, и надежда. Впрочемъ волненіе продолжалось не долго: я вспомнилъ все, что̀ говорилось утромъ о случайностяхъ игры и рѣшилъ не вмѣшиваться ни во что, предоставляя все дѣло случаю, если ужъ рулетка пришла въ движеніе. Русскіе, отличающіеся вообще проницательнымъ, тонкимъ умомъ, умѣютъ читать между строками и сразу все понимаютъ, тѣмъ болѣе, что и сами они любятъ показать то, что̀ въ нихъ есть, а можетъ быть и то, чего нѣту. Да кому какое до этого дѣло? *«Они мягко стелятъ»*, писалъ о нихъ Кюстинъ. Я ихъ за это не упрекаю: если люди желаютъ быть любезными, то ихъ можно только поблагодарить за это.

За обѣдомъ хозяйка, всегда ласковая со мной, съ особенною милою внимательностью старалась дать мнѣ случай сказать какую-нибудь остроту. Какъ будто она тоже чувствовала все значеніе игры, гдѣ я имѣлъ долю въ ставкѣ; она словно передавала мнѣ всѣ козырныя карты.

Послѣ обѣда въ *Русскомъ углу*, какъ мы его называли, завязался живой разговоръ.

Уходя, *новый знакомый* удостоилъ произнести обыкновенную фразу, которая имѣетъ значеніе только тогда, когда служитъ выраженіемъ истиннаго чувства: «Очень радъ, что познакомился съ вами». Мой капитанъ, уходя съ нимъ вмѣстѣ, назначилъ мнѣ свиданіе на слѣдующее утро, сказавъ, что я долженъ придти къ нему на урокъ куренія. Слова эти не были Парѳянской стрѣлой; наоборотъ, я принялъ ихъ какъ масличную вѣтвь, принесенную голубемъ послѣ потопа.

— Вы все обдумали? сказалъ онъ, только что я вошелъ къ нему на слѣдующее утро.

— Нисколько! Къ чему?

— Стало быть, вы рѣшились?

— Эхъ! Развѣ можно противиться потоку своихъ желаній? Не лучше ли, вмѣсто того, чтобъ окунаться въ горькія волны разлуки, отдаться спокойному теченію надежды? Поступить иначе было бы глупостью.

— Говорить глупости можетъ умный человѣкъ, но и онъ не долженъ ихъ дѣлать: это первое условіе. Теперь выслушайте: вы будете служить въ гвардіи, въ томъ полку, гдѣ я командую ротой; васъ зачислятъ въ наши списки. Вы не испортите нашего строя: это что-нибудь да значитъ. Въ Петербургскихъ салонахъ мы будемъ васъ показывать какъ трофей побѣды. Да! Мы понимаемъ, что значитъ истинное тщеславіе. Не даромъ насъ зовутъ сѣверными Французами. Теперь вамъ нужно прежде всего получить формальное согласіе вашего семейства. Мы иногда увозимъ модистокъ, но литераторамъ мы предоставляемъ свободный выборъ. Вы рѣшаетесь спрятать перо писателя въ патронташъ солдата и будете отвѣчать за послѣдствія этого поступка. Сегодня утромъ, другъ мой, Александръ Корсаковъ поговоритъ о васъ съ барономъ Розеномъ, начальникомъ гвардейской пѣхоты. Онъ служитъ у него адъютантомъ и постарается обставить дѣло такъ, чтобъ оно имѣло заманчивость необычайности. Если баронъ Розенъ выразитъ одобреніе, то съ своей стороны долженъ будетъ похлопотать за васъ у Великаго Князя Константина Павловича, шефа всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Великій Князь смиренъ какъ ягненокъ, нужно только умѣть блеять за одно съ нимъ. Онъ любитъ все оригинальное. Такъ какъ вы одинъ только являетесь съ подобной просьбой, то онъ обратитъ на нее вниманіе. Послѣ этого дѣло будетъ подано на высочайшее утвержденіе Его Императорскаго Величества: вотъ вамъ и все. Теперь выпейте стаканъ чаю, такъ какъ эта живительная влага вамъ нравится, вдохните немного табачнаго дыму, чтобъ привыкнуть къ нему, а потомъ начинайте дѣйствовать: пишите, готовьтесь. Походъ въ Россію скоро будетъ объявленъ.

Я написалъ къ отцу. Отецъ мой пріѣхалъ. Онъ былъ ослѣпленъ всѣмъ, что видѣлъ; онъ удивлялся мнѣ и тѣмъ скорѣе далъ мнѣ согласіе, что оно избавляло его отъ дальнѣйшихъ заботъ о моей карьерѣ.

Вплоть до окончательнаго рѣшенія этого великаго дѣла моей жизни, я былъ такъ занятъ и жилъ такъ быстро, что всѣ подробности совсѣмъ изгладились изъ моей памяти. Черезъ недѣлю меня повезли къ барону Розену, который принялъ меня очень милостиво. Онъ мнѣ назначилъ дожидаться его на другой день у Великаго Князя Константина Павловича [1]). Великій Князь не показался мнѣ страшенъ: онъ соизволилъ сказать мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и велѣлъ быть въ отелѣ Талейрана, при выходѣ Государя, гдѣ и онъ долженъ былъ тоже находиться. Я отправился туда въ сопровожденіи моихъ добрыхъ застольныхъ друзей изъ улицы Серютти. Государь вышелъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ. Поровнявшись со мною, Великій Князь остановился и сказалъ Императору нѣсколько словъ по-русски. Им-

[1]) Великій Князь Константинъ Павловичъ, проживая въ Парижѣ въ 1814 году, вошелъ въ дружескія отношенія съ нѣкоторыми Французскими семействами. См. въ Р. Архивѣ 1870 года его письма къ маркизѣ де-Кюбьеръ, коей сынъ (отъ перваго брака), г-нъ Оливъ поступилъ къ нему на службу и пользовался постоянно его довѣріемъ и милостью. П. Б.

ператоръ благосклонно взглянулъ на меня и сдѣлалъ знакъ согласія: я былъ принятъ въ императорскую гвардію.

Въ тотъ же день, друзья, чтобъ отпраздновать мое и свое торжество, дали мнѣ у Вери обѣдъ съ Шампанскимъ, безъ котораго въ Россіи никакъ не могутъ обойтись въ важныхъ случаяхъ жизни. Пили много за мое благополучіе, и я говорю съ гордостью, за союзъ между Франціей и Россіей.

Я разсказываю все это не для того, чтобы объяснить свое поведеніе, или оправдать свой выборъ: я всегда былъ убѣжденъ, да и теперь думаю также, что, повинуясь прихоти фантазіи, я, какъ молодой человѣкъ, нетерпѣливо желавшій узнать міръ, невѣдомый доселѣ, и ясно сознававшій въ себѣ потребность отыскать свой уголокъ въ жизни, въ чужой ли, въ своей ли странѣ, гдѣ бы можно пожить по своему разумѣнію. я не сдѣлалъ ничего предосудительнаго ни для себя, ни для другихъ; въ моемъ свободномъ рѣшеніи не заключалось ни для кого ни оскорбленія, ни насилія.

Полудикое растеніе, взросшее на почвѣ старой цивилизаціи, было пересажено на почву почти совсѣмъ нетронутую, гдѣ царило неограниченное самодержавіе: какой цвѣтъ, какой плодъ долженъ былъ появиться на этомъ растеніи? Вотъ что̀ мнѣ хотѣлось показать, потому что, по моему мнѣнію, это-то и составляетъ философическую, поучительную сторону моихъ Записокъ, наиболѣе достойную вниманія. Всякій человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, составляетъ одно изъ звѣньевъ общественной цѣпи; играетъ ли онъ страдательную роль или дѣятельную, онъ близокъ намъ, и поступки его какимъ бы то ни было образомъ отражаются на насъ. Всякій человѣкъ имѣетъ собственную тайную исторію, которую знать не безполезно: все приноситъ пользу тому, кто умѣетъ всѣмъ пользоваться.

Послѣ того какъ я ужъ заранѣе прочувствовалъ всю горечь разлуки, которая должна была прервать привычныя, имѣвшія для меня такую прелесть, отношенія, я сталъ нетерпѣливо дожидаться отъѣзда, который долженъ былъ скрѣпить ихъ еще болѣе. Эти послѣднія двѣ недѣли я провелъ безъ заботъ, ожидая дня отъѣзда, и испытывалъ странное чувство счастія. Наконецъ великая минута наступила: я, Французъ, ѣхалъ въ чужую страну, не съ товаромъ какъ купецъ; не какъ артистъ, чтобы извлечь пользу изъ своихъ талантовъ; не какъ ремесленникъ, чтобы приложить къ дѣлу свое умѣнье; не какъ ученый, отправляющійся въ качествѣ врача или наставника подѣлиться своими знаніями съ молодымъ народомъ, который нуждается въ нихъ и съ радостію принимаетъ.... Я ѣхалъ учиться тому суровому ремеслу, которое, преобладая въ Европѣ съ 1791 года, разрушило ея прежній строй.

Я брался за оружіе въ такую минуту, когда мирное настроеніе дѣлало его ненужною вещію, существующей только на показъ. Но если человѣкъ дѣлаетъ что̀ можетъ, стало-быть онъ дѣлаетъ должное.

Такъ гласитъ одно изъ пресловутыхъ правилъ нашего вѣка.

Въ 1814 году Русскій народъ состоялъ изъ двухъ сословій: дворянства и крѣпостныхъ. Въ качествѣ иностранца, человѣка свободнаго, я естественно былъ причисленъ къ дворянскому сословію, вслѣдствіе чего меня приняли въ гвардію юнкеромъ. Будь я честолюбивъ, то, пользуясь такимъ хорошимъ началомъ, можно бы пойти далеко; но, къ несчастію, честолюбія у меня не было ни капли. Такъ какъ Преображенскій полкъ, старшій между всѣми гвардейскими пѣхотными

полками, былъ сформированъ Петромъ I изъ дворянъ, которые служили въ немъ простыми солдатами: то всякій дворянинъ, поступавшій въ гвардію, долженъ былъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ исполнять солдатскую службу и числился таковымъ въ спискахъ арміи. Потомъ ему давался чинъ унтеръ-офицера или подпрапорщика, и онъ оставался въ этомъ чинѣ два года, если только онъ предварительно не получилъ необходимо обязательнаго военнаго образованія въ Пажескомъ корпусѣ или иномъ кадетскомъ. Въ молодости сильно чувствуется потребность передвиженія, а когда къ этому стремленію присоединяется желаніе видѣть, слышать, испытать новое, неизвѣстное доселѣ, узнать новые предметы въ мірѣ внѣшнемъ и новыя ощущенія въ мірѣ внутреннемъ, тогда любовь къ путешествіямъ переходитъ въ настоящую страсть. Такъ было и со мною: случай вознаграждалъ меня за недостатокъ богатства; онъ далъ мнѣ возможность вполнѣ удовлетворить своимъ стремленіямъ, хотя и пришлось пожертвовать за это свободой, часть которой уходила на исполненіе обязанностей службы. Но нѣтъ ни одного рода дѣятельности, который бы не налагалъ на человѣка большаго или меньшаго принужденія, и я долженъ сознаться, что для меня просидѣть каждый день отъ десяти до четырехъ часовъ въ канцеляріи какого нибудь министра было бы сущимъ наказаніемъ. Люди вообще, какъ бы ни благопріятствовало имъ счастіе, каково бы ни было ихъ общественное положеніе, всегда бываютъ склонны къ возмущенію: таково свойство человѣческой природы. Такъ какъ, благодаря стараніямъ моего отца и усердію моего капитана, положеніе мое относительно Россіи и Франціи вполнѣ опредѣлилось, то мы думали только объ отъѣздѣ. Рѣшено было, что я надѣну мундиръ только по пріѣздѣ въ Петербургъ, хотя буду идти вмѣстѣ съ полкомъ. Офицеры забавлялись мною какъ игрушкой; они наперерывъ другъ передъ другомъ старались сообщить мнѣ необходимыя свѣдѣнія, начиная съ Русскаго языка, обо всемъ, что̀ касалось службы, или могло облегчить мнѣ сношенія съ людьми въ моемъ новомъ отечествѣ.

Я долженъ сознаться, что никогда не могъ выучиться хорошо говорить порусски; можетъ быть это произошло отъ того, что со мною всегда всѣ говорили пофранцузски. Въ Парижѣ для меня отыскали азбуку, словарь, книгу діалоговъ. По моему мнѣнію, приличіе требовало, чтобъ я умѣлъ поздороваться порусски, до вступленія въ обѣтованную землю, и мнѣ хотѣлось приготовиться къ этому еще въ Парижѣ, чтобы не сочли меня за вполнѣ чужаго. Такимъ образомъ я былъ избавленъ отъ многихъ затрудненій, которыя вездѣ ожидаютъ новоприбывшаго вначалѣ.

Гвардія отправилась въ Шербургъ, гдѣ ее ожидали корабли; а я могъ ѣхать, когда хотѣлъ. Черезъ недѣлю я догналъ свой полкъ въ Канѣ.

Я выѣхалъ въ Воскресенье вечеромъ, въ день праздника Тѣла Господня, праздновавшагося въ первый разъ послѣ революціоннаго погрома. Утромъ я ходилъ смотрѣть на приготовленія къ церковнымъ процессіямъ. Парижъ былъ оживленъ; но это оживленіе, вслѣдствіе реставраціи, казалось чѣмъ-то страннымъ.

Старинные друзья пришли проводить меня. Они были растроганы; мы сказали другъ другу «*прости*», но въ сердцѣ осталась надежда, что мы когда нибудь снова увидимся.

Отъѣздъ произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что оно заслонило собою всѣ второстепенныя путевыя впечатлѣнія. Душа

была полна неясныхъ мыслей, предчувствій; это было безсознательное состояніе, которое постепенно проходило по мѣрѣ того, какъ выяснялись предметы, и будущее принимало осязательную форму.

Походъ изъ Кана въ Шербургъ былъ продолженіемъ Парижской жизни: время быстро проходило въ разсказахъ, въ веселыхъ разговорахъ, которые незамѣтно коротали намъ дорогу. Мнѣ дали лошадь, и мы шагомъ ѣхали всѣ вмѣстѣ вслѣдъ за батальонами. Это былъ прологъ къ жизни, ожидавшей меня въ столицѣ Русской имперіи. Русскіе любятъ говорить, отчасти прикрасить истину; они не прочь и прихвастнуть немного, и всегда готовы выказать свой умъ и знаніе, такъ что, во время нашихъ разговоровъ на большой дорогѣ, мнѣ приходилось лишь давать короткіе отвѣты, чтобы доказать, что я умѣю слушать. Такого рода лесть дѣйствуетъ неотразимо на болтливыхъ людей, а иногда она помогаетъ противъ нихъ.

Я еще не былъ знакомъ съ генераломъ Храповицкимъ, въ полку котораго числился послѣднимъ изъ его подчиненныхъ, и не могъ ему представиться, по неимѣнію мундира. Мы должны были ограничиваться поклонами по военному. Странно, что генералъ не зналъ ни слова пофранцузски, что и помѣшало мнѣ засвидѣтельствовать ему мое уваженіе, какъ того требовали приличія, и постараться заслужить его расположеніе. Съ одной стороны, это обстоятельство избавляло меня отъ скучной обязанности посѣщать генерала, который, можетъ быть, важничалъ своими густыми эполетами; но за то, оно лишало меня возможности прибѣгать къ его покровительству. Такое неестественное положеніе постоянно тревожило меня все время службы и имѣло вліяніе на мои послѣдующія рѣшенія.

Слѣдовало бы учиться Русскому языку; но я думалъ на своемъ родномъ языкѣ, вокругъ меня почти всегда говорили пофранцузски. Вслѣдствіе этого я облѣнился, и лѣнь моя повредила мнѣ впослѣдствіи. Я тщеславился своей жалкой дѣтской болтовней на Русскомъ языкѣ и пренебрегъ выгодами основательнаго знанія.

Генералъ Храповицкій получилъ командованіе однимъ изъ гвардейскихъ полковъ, благодаря не связямъ въ обществѣ, но единственно своей личной храбрости: это упрочивало ему его власть и значеніе. Въ кампаніи 1805 года, онъ обратилъ на себя вниманіе и, потерпѣвъ неудачу при Аустерлицѣ, былъ въ числѣ побѣдителей въ 1814 году. Сорокъ лѣтъ спустя, я увидался съ нимъ опять; онъ занималъ тогда важный постъ Петербургскаго генералъ-губернатора и говорилъ пофранцузски совершенно свободно, благодаря невѣроятной легкости, съ которою Русскіе усвоиваютъ себѣ иностранные языки. Онъ выучился ему, видя, что знаніе это ему необходимо въ его сношеніяхъ съ дворомъ. Для меня это было урокомъ, но я получилъ его въ такомъ возрастѣ, когда уже было невозможно имъ воспользоваться. Имѣй я болѣе способностей къ серьёзнымъ занятіямъ и менѣе склонности къ пустякамъ, жизнь моя сложилась бы иначе. Но тогда идти противъ природы у меня не доставало мужества, которое является только подъ давленіемъ крайней необходимости. Мнѣ же все улыбалось въ молодости, все дѣлало жизнь легкой и пріятной. Несчастій я никогда не зналъ и не боялся ихъ; я жилъ безпечно, нисколько не гордясь своей удачей, что было бы смѣшно; когда же во мнѣ развилась предусмотрительность, то было слишкомъ поздно.

Въ Шербургѣ, для перевозки гвардейской пѣхоты были приготовлены большіе Русскіе и Англійскіе корабли. Въ первый разъ въ жизни

я увидалъ море, и оно произвело на меня невыразимое впечатлѣніе. Огромный, семидесяти - пушечный, парусный корабль плылъ, слегка покачиваясь; волны ударялись о бортъ его, вокругъ насъ было небо и море. Тутъ я постигъ, какъ велико могущество человѣка; душа моя была потрясена: я чувствовалъ въ одно и тоже время и страхъ и гордость.

Флотилія наша представляла красивое зрѣлище: корабли плыли въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго; надъ нами было ясное небо, и солнце обдавало яркимъ блескомъ волнующееся море. Этотъ видъ придаетъ величіе мысли и пробуждаетъ въ человѣкѣ сознаніе его духовности. Мы чувствуемъ присутствіе Бога; въ силѣ нашей сказывается Его могущество. Забываешься, и въ этомъ забытьѣ душа отдыхаетъ, чтобы потомъ, почерпнувъ новыя силы въ созерцаніи безконечнаго, употребить ихъ на преслѣдованіе жизненныхъ цѣлей. Безъ всякихъ усилій съ нашей стороны, движешься впередъ, предоставляя стихіямъ везти насъ къ нашему назначенію.

Русскій Императорскій корабль, на которомъ я ѣхалъ изъ Франціи, назывался «Не тронь меня». Въ 1854 году, сорокъ лѣтъ спустя, когда Франція отплатила въ Крыму за 1814 годъ, корабль этотъ былъ въ числѣ другихъ потопленъ при входѣ въ Севастопольскій портъ.

Переплывъ Ла-Маншъ и Па-де-Кале, эскадра наша остановилась на рейдѣ въ Дилѣ, у береговъ Англіи, чтобъ запастись провизіей. Тогда еще не было пароходовъ, и потому во время затишья, плыли медленно, вслѣдствіе неизбѣжныхъ обходовъ въ узкихъ мѣстахъ, гдѣ лавировать часто бывало невозможно. Офицеры высадились на берегъ; нѣкоторые поѣхали въ Лондонъ, гдѣ тогда находился Императоръ Александръ; другіе же удовольствовались посѣщеніемъ магазиновъ Диля. Англія была первая чужая земля, которую я увидалъ.... Англія показалась мнѣ холодной, непривѣтной, и потому я смотрѣлъ на нее равнодушно, тѣмъ болѣе что надежда влекла меня дальше, и я стремился поскорѣе достигнуть цѣли. Увы! жизнь показала мнѣ, что чѣмъ ближе мы подвигаемся къ цѣли, тѣмъ болѣе она отъ насъ удаляется.

Мы снова отплыли, но вскорѣ затишье принудило насъ остановиться въ Бельтѣ. Отъ нетерпѣнія я былъ въ сильной тревогѣ. Жаръ и неподвижное стояніе на мѣстѣ дѣйствовали на насъ очень утомительно. Тогда, отъ нечего дѣлать, мы стали ѣздить въ гости съ корабля на корабль; лодки засновали во всѣхъ направленіяхъ: видъ былъ оживленный и живописный. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ я въ первый разъ увидѣлъ генерала Храповицкаго. Жена его, которая была съ нимъ въ продолженіе всей кампаніи, послужила намъ переводчицей. Свиданіе было самое обыкновенное, но за то Главный Штабъ принялъ меня очень любезно. Это случилось вечеромъ, или лучше сказать въ свѣтлую ночь. Полковая музыка играла мотивы изъ *Весталки* и народныя Русскія пѣсни, которыя привели меня въ восхищеніе: я покинулъ Францію, но я еще былъ не въ Россіи; гармоническіе звуки служили соединительнымъ звѣномъ между нами: они возбуждали въ сердцѣ надежду, и оно сочувственно откликалось на нихъ. Я былъ безмятежно счастливъ: на горизонтѣ не было ни одной черной точки.

По обѣимъ сторонамъ корабля спустили въ море большой парусъ, поддерживаемый реями, и въ этой ваннѣ мы могли безопасно плавать, что доставляло намъ здоровое и во всѣхъ отношеніяхъ полезное

упражненіе. Такъ прошло нѣсколько дней; но подулъ легкій вѣтеръ, потомъ все сильнѣе, паруса надулись, и мы снова двинулись въ путь.

Въ Балтійскомъ морѣ я въ первый разъ узналъ что́ такое полярныя ночи, волшебнымъ дѣйствіемъ которыхъ объясняется мечтательность сѣверныхъ поэтовъ. Онѣ поразительно прекрасны, и подъ ихъ магнетическимъ вліяніемъ душа смягчается, впадая въ какое-то безсиліе. Духъ Оссіана и его бардовъ носится невидимо въ воздухѣ: все такъ неясно, полно таинственности.

Одно воспоминаніе до сихъ еще поръ волнуетъ мою кровь, точно я снова его переживаю: это внезапное, грубое пробужденіе, пушечная пальба, гдѣ-то очень близко.... Въ маленькихъ моряхъ, густые туманы часто мѣшаютъ плаванію: осторожность заставляла насъ подвигаться очень медленно. Было скучно; никто не могъ мнѣ навѣрное сказать, гдѣ мы находимся; я заснулъ съ этой скукой.... и вдругъ пушка извѣщаетъ о нашемъ прибытіи.. «Вставайте! Койки внизъ!» Все пришло въ движеніе, мы привѣтствуемъ Кронштадтъ, а Кронштадтъ привѣтствуетъ насъ. Я выхожу на палубу. Золотой куполъ церкви бросается мнѣ въ глаза.... Первый предметъ, произведшій на меня впечатлѣніе своимъ особеннымъ характеромъ, было зданіе воздвигнутое во славу Господа, Отца *всѣхъ* человѣковъ.

Привѣтствую тебя заочно, гостепріимная земля, гдѣ я провелъ лучшее время моей жизни! Лѣта и обстоятельства измѣнили меня; но не измѣнились мои чувства, и теперь, когда завершается кругъ моей жизни, воспоминаніе о надеждахъ молодости сливается съ чувствомъ благодарности въ душѣ моей.

Со всѣхъ кораблей, большая часть офицеровъ поспѣшили высадиться на берегъ. Послѣ утомительной кампаніи имъ естественно хотѣлось поскорѣе, если можно такъ выразиться, обнять свое Отечество, разсказать съ благородною гордостію своимъ объ одержанныхъ ими побѣдахъ. Поспѣшность ихъ была мнѣ понятна, тѣмъ болѣе, что я самъ испытывалъ сильное нетерпѣніе, хотя совсѣмъ по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что за что бы ни принялся человѣкъ, онъ всегда желаетъ поскорѣе добиться цѣли. Для меня окончаніе путешествія было началомъ новой жизни; я уже зналъ слишкомъ много, чтобъ не желать узнать еще больше. Жребій былъ брошенъ: исходъ игры зависѣлъ отъ случая. Кромѣ того, ожиданіе какого нибудь предвидѣннаго событія всегда производитъ перемежающуюся лихорадку, въ которой страхъ смѣняется надеждою.

Мои новые друзья увлекли меня съ собою, завтракать въ трактиръ къ Кронштадскому Вери. Заказаны были Русскія кушанья, которыми они съ наслажденіемъ лакомились послѣ долгаго лишенія; для меня же они были отвратительны. Странность всего окружающаго мѣшала составить вѣрную оцѣнку: благодаря ей, всѣ предметы казались иными, отчасти прикрашенными.

Черезъ день всѣ войска были высажены на берегъ и размѣщены по окрестностямъ, въ ожиданіи дня торжественнаго вступленія въ Петербургъ. Измайловскому полку назначили для временнаго мѣстопребыванія Ораніенбаумъ, на другомъ берегу Финскаго залива. Такъ какъ капитанъ мой, еще до отъѣзда изъ Франціи, взялъ меня на свое попеченіе, то мнѣ и не приходилось безпокоиться. Прислуга его заботилась объ устройствѣ жизни и о доставленіи матеріальныхъ удобствъ: постель моя была всегда готова, приборъ стоялъ на столѣ, платье вычищено, и все это дѣлалось безъ моего вѣдома: я пользовался вполнѣ гостепріимствомъ хозяина.

Въ странахъ низкихъ и болотистыхъ дорожатъ всякимъ холмикомъ. Берегъ, гдѣ находится Ораніенбаумъ, возвышается на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря. Тамъ знаменитый Меншиковъ, любимецъ Петра Великаго, построилъ одноэтажный деревянный домикъ, а повелитель его самъ создалъ себѣ подобіе Версаля, на томъ же берегу, въ такой же мѣстности, но ближе къ столицѣ. На песчаной, мягкой почвѣ выросли, какъ могли, кое-какіе сады: лиственницы, березы, блѣдные, зачахлые цвѣты придаютъ имъ грустный характеръ, не лишенный своего рода граціи. Послѣ лѣтнихъ резиденцій въ окрестностяхъ Парижа, въ Ораніенбаумѣ мнѣ все показалось очень беднымъ; однакоже на немъ лежитъ особый отпечатокъ: чувствуется попытка могучей воли, которая, начавъ съ подражанія, создаетъ будущее величіе. С.-Петербургъ—это результатъ идеи, попавшей на неблагодарную почву. Меншиковъ сдѣлался княземъ, домъ его сталъ называться дворцомъ, а потомъ, перешедши въ собственность казны, сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ герцога Голштейнъ-Готторпскаго, избраннаго въ наслѣдники престола.

На берегахъ Невы еще свѣжи воспоминанія недавняго прошлаго; если же изустныя преданія и принимаютъ отчасти легендарный характеръ, то это дѣлается, чтобъ смягчить истину фактовъ. Пословица говоритъ: «Не всякъ попъ кто въ ризѣ», но тамъ приходится измѣнить пословицу и довѣриться внѣшности. Въ самомъ городѣ и во дворцѣ все еще пахнетъ Нѣмцами, которыхъ выводилъ на ученье Петръ III, фанатическій подражатель Фридриха Великаго; въ воздухѣ чудятся отголоски команды, подъ которую двигались размѣренными шагами Голштинцы....

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего поселенія въ Ораніенбаумѣ наступило 29-е Іюня, Петровъ день, который по преданію всегда празднуется въ Петергофѣ; и тутъ я имѣлъ случай увидать вблизи Петербургское населеніе и, судя только по внѣшности, могъ составить себѣ хоть какое нибудь понятіе о незнакомой для меня странѣ и ея жителяхъ.

Мы отправились туда моремъ. Петергофскій праздникъ, самый блестящій, живописный и многолюдный изо всѣхъ лѣтнихъ гуляній, заслуживаетъ описанія и по цѣли, и еще болѣе по своему оригинальному характеру. Для Петербурга Петергофъ тоже что для Парижа Версаль, т. е. средоточіе роскоши и великолѣпія, куда городскіе жители отправляются удивляться и вспоминать о событіяхъ, сохраняющихся въ памяти многихъ и передаваемыхъ, въ изустныхъ разсказахъ, тѣми, которые знали, видѣли и слышали участниковъ Петергофскихъ драмъ.

Петръ I началъ строить Петергофъ, послѣ того какъ увидалъ Версаль, но императорская резиденція имѣетъ многія преимущества, которыхъ лишенъ Версаль: изъ оконъ дворца царь могъ любоваться флотомъ, между тѣмъ какъ Французскому королю никогда не пришло въ голову помѣстить что нибудь кромѣ маленькой лодочки на большомъ Швейцарскомъ пруду.

Петергофскій дворецъ строилъ Французскій архитекторъ Леблондъ. Начиная отъ самаго зданія, по всей отлогости тянутся и спускаются къ морю сады. На одномъ концѣ возвышается златоглавая церковь, а на другомъ павильонъ. Внутри дворецъ великолѣпно отдѣланъ; тяжелыя рѣзныя украшенія, съ густой позолотой, имѣютъ старинный характеръ. Петергофскій дворецъ не обширенъ, такъ что августѣйшая семья не

можетъ въ немъ помѣститься. Причина этой относительной тѣсноты заключается въ извѣстной простотѣ нравовъ Преобразователя, который не любилъ обширныхъ зданій, такъ что пришлось придѣлать многочисленныя пристройки. Съ одной стороны на берегу моря, въ самой уединенной части парка, стоитъ *Монплезиръ*; на другой сторонѣ выстроенъ, тоже на берегу, каменный, двухъ-этажный замокъ Марли, окруженный со всѣхъ сторонъ водою, который императрица Елисавета предпочитала большому зданію, казавшемуся ей слишкомъ тѣснымъ для дворца. Дальше, на берегу же моря, стоитъ одна изъ тѣхъ деревянныхъ хижинъ, въ которыхъ любилъ жить основатель Петергофа.

Петергофскій фонтанъ напоминаетъ нѣсколько фонтанъ въ Сенъ-Клу, хотя онъ меньше его и не такъ изященъ; но въ немъ замѣчательна бронзовая група Самсона, разрывающаго пасть льву. Колоссальная струя воды вырывается изъ пасти и падаетъ съ необычайной высоты. Група имѣетъ аллегорическое значеніе: она напоминаетъ Полтавскую побѣду, одержанную въ тотъ день, когда празднуется память св. Самсона. Какъ извѣстно, на гербѣ Карла XII былъ изображенъ левъ.

Еще наканунѣ, заливъ, начиная отъ пристани по Невѣ и вплоть до императорской дачи, представлялъ дорогу, сплошь покрытую всевозможными лодками. Такъ какъ въ это время года ночи не бываетъ, а только сумерки, то всѣ предпочитаютъ ѣхать до солнечнаго восхода, во избѣжаніе сильнаго жара. Великолѣпное зрѣлище представляетъ спокойный, свѣтлый заливъ, по волнамъ котораго извивается безконечная черная лента, связывающая между собою городъ и дворъ Петра Великаго. (Петергофъ значитъ дворъ Петра). Въ неясномъ сумракѣ ночи все сливается вмѣстѣ: и предметы, и море, и небо; лодка тихо покачивается, и черезъ нѣсколько часовъ вы достигаете цѣли, не успѣвъ даже подумать объ опасности.

Въ самый день праздника, толпа въ садахъ увеличивается съ часу на часъ; вплоть до ночи она свободно вездѣ разгуливаетъ, даже подъ окнами дворца. Днемъ бываетъ разводъ, вечеромъ въ залахъ дворца маскарадъ, куда допускаются всѣ безъ различія сословій; при звукахъ огромнаго оркестра, Императоръ и всѣ члены царской фамиліи проходятъ въ этой сплошной толпѣ; прогулка эта называется полонезомъ. Названіе же маскарада нельзя принимать въ обыкновенномъ смыслѣ слова: въ немъ допускается на минуту сліяніе всѣхъ сословій, но всѣ присутствующіе безъ масокъ; только военные и мущины, принадлежащіе къ высшимъ классамъ общества, обязаны надѣвать сверхъ мундира небольшой черный шелковый плащъ въ родѣ Венеціанскаго. Балъ продолжается недолго, потому что самое любопытное зрѣлище въ саду.

Разноязычная пестрая толпа людей всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, движется почти беззвучно во всѣхъ направленіяхъ. Это отличительная черта Русскаго народа, что онъ двигается безъ шума и въ молчаніи. Особенно поражаетъ разнообразіе физіономій и народностей: мѣдножелтые Татары, Славяне, красотою типа напоминающіе Грековъ, бѣловолосые Финны, щеголи, одѣтые по послѣдней Парижской модѣ, бородатые купцы-милліонеры отличающіеся простотою въ одеждѣ; съ ними ихъ жены и дочери въ старинныхъ народныхъ одѣяніяхъ, золотыхъ и парчевыхъ кофтахъ, и на головѣ повязка, усыпанная жемчугомъ и брилліантами.

На газонахъ между аллеями разносятъ чай, кофей, медъ; продаютъ плоды, соленья, Шампанское и Русскую водку. Всѣ проводятъ этотъ день въ саду, кто какъ хочетъ и какъ можетъ. Гуляютъ по берегу моря, вдоль озера, которое, находясь на возвышеніи позади дворца, снабжаетъ водою каскады и фонтаны; осматриваютъ оранжереи, любуются цвѣтами, стоящими большихъ трудовъ и денегъ; удивляются огромной купальнѣ, которая такъ обширна, что могла бы при случаѣ служить ареной для примѣрнаго морскаго сраженія; останавливаются передъ рѣшетками, окружающими Монплезиръ и Марли. Корабли и яхты, разукрашенные флагами, раскинулись полукругомъ, точно лагерныя палатки. Ихъ видно отовсюду. Направо виднѣется Кронштадтъ, налѣво главы Петербургскихъ церквей. Наступаетъ лучшая минута праздника.

По деревьямъ кое-гдѣ скользятъ почти незамѣтно бѣглые огоньки. Они разгораются, поднимаются, опускаются. Вдругъ, по мановенію волшебной палочки, бассейны охвачены огненнымъ кольцомъ, фонтаны брыжжутъ блестящей струей; деревья покрыты миріадами звѣздъ; на сводахъ аллей нависли яркіе фестоны, горящія гирлянды. Тысячи фантастическихъ рисунковъ, фигуръ, граціозныхъ арабесковъ свѣтятся по всему саду, дворецъ и терраса сплошь залиты огнемъ, безчисленныя радуги сверкаютъ вокругъ группы Самсона. Въ концѣ канала, идущаго отъ террасы къ морю, высоко въ небѣ горитъ вензель Императора посреди громаднаго солнца изъ брилліантовъ, изумрудовъ и рубиновъ, а въ глубинѣ залива корабли иллюминованы по всѣмъ снастямъ, и длинная вереница огней теряется въ туманной дали.

Волшебный міръ Арабскихъ сказокъ встаетъ передъ вами, и вы вспоминаете тѣ чудныя картины изъ тысячи и одной ночи, которыя такъ восхищали васъ въ дѣтствѣ. Только въ Россіи возможна такая мгновенная, магическая иллюминація. Всеобщій восторгъ овладѣваетъ зрителями, и нельзя не сочувствовать ему и не раздѣлять народнаго энтузіазма, при появленіи Государя, миротворца Франціи и Европы, окруженнаго сіяніемъ славы. Великая тѣнь Петра парила надъ всѣми чудесами волшебнаго міра.

Такимъ образомъ, еще прежде вступленія въ столицу Россіи, я уже испыталъ такія сильныя впечатлѣнія, которыя забыть невозможно. И когда, вернувшись въ нашъ уединенный Ораніенбаумъ, я хотѣлъ выразить ихъ моимъ друзьямъ, приковавшимъ меня, такъ сказать, къ своей побѣдной колесницѣ, въ первый разъ въ жизни, обычное многорѣчіе покинуло меня: я почувствовалъ на глазахъ слезы. Этотъ способъ выраженія чувства былъ лучше всего, что я могъ бы сказать.

Офицерамъ было позволено, еще до торжественнаго вступленія войскъ, съѣздить въ Петербургъ, но только въ статскомъ платьѣ. Мой капитанъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ, такъ какъ одному мнѣ было бы невозможно ѣхать. Послѣ Петергофскаго великолѣпія, городъ Петра I разочаровалъ меня съ перваго взгляда; только центръ его немного соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ. Начиная отъ заставы, гдѣ была на время воздвигнута тріумфальная арка въ видѣ декораціи, и до самой Фонтанки, гдѣ находились казармы Измайловскаго полка, я ничего не видалъ, кромѣ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ на огромномъ пространствѣ, и проектированныхъ, грязныхъ улицъ, гдѣ нужно было пробираться по деревяннымъ мостикамъ. Домъ Гарновскаго, въ которомъ помѣ-

щались офицеры, находился на набережной; тамъ же долженъ былъ жить и я, благодаря гостепріимству человѣка, который какъ будто усыновилъ меня. Поѣздку эту онъ предпринялъ отчасти съ цѣлію увидать заранѣе что̀ нужно для меблировки нашего жилища, чтобъ можно было тотчасъ по пріѣздѣ приняться за дѣло. Человѣкъ этотъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ; но доброе сердце и привлекательный умъ придавали истинное благородство его личности: его внутренніе достоинства замѣняли титулы, которыхъ у него не было.

Рано утромъ, еще до разсвѣта, мы отправились въ маленькомъ экипажѣ, называемомъ дрожками и пріѣхали въ Петербургъ къ завтраку. Тогда существовалъ только одинъ ресторанъ, устроенный по образцу Парижскихъ. Онъ помѣщался въ небольшомъ зданіи на Адмиралтейскомъ бульварѣ. Мы заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ.

На бульварѣ сидѣлъ на скамейкѣ какой-то человѣкъ. При нашемъ приближеніи, онъ всталъ и поздоровался съ моимъ капитаномъ.

— Какъ я радъ видѣть васъ! сказалъ онъ. До сихъ поръ мнѣ еще не удалось взглянуть ни на одного изъ нашихъ славныхъ героевъ! Поздравляю и васъ и себя съ счастливымъ возвращеніемъ. Вы, кажется, здѣсь инкогнито?

— Да, я долженъ былъ удовлетворить любопытству этого господина: онъ желалъ видѣть Петербургъ, отвѣчалъ капитанъ. Позвольте, Филипъ Филипычъ, познакомить васъ съ молодымъ Французомъ, который препорученъ моимъ попеченіямъ: онъ поступилъ къ намъ на службу.

Исторія моя была передана въ короткихъ словахъ, но очень мило и съ умѣньемъ. Слушая его, я понялъ, какова должна быть тема моихъ разсказовъ въ послѣдствіи, и какъ ее можно видоизмѣнять при случаѣ, для различныхъ особъ, которымъ нужно внушить о себѣ выгодное мнѣніе. Мой покровитель сѣялъ на хорошо подготовленную почву, и сѣмя тотчасъ же пускало ростки: я замѣтилъ, какъ сильно подѣйствовала на слушателя оригинальность моего положенія.

— Но это прелестно! сказалъ онъ. Это истинно-Французская лесть: мы должны васъ благодарить и гордиться, какъ трофеемъ побѣды. Мы обязаны васъ хорошо принять; мы, Русскіе, умѣемъ любить тѣхъ, кто насъ любитъ. Очень радъ съ вами познакомиться. Вы теперь нашъ, по волѣ Государя, и другой рекомендаціи не нужно. Я болѣе не сомнѣваюсь въ искренности примиренія между Россіей и Франціей.

Слова эти были проговорены такъ вѣжливо, искренно и сопровождались такимъ глубокимъ, выразительнымъ взглядомъ, что я едва не смутился. Я понялъ, что передо мною человѣкъ, въ совершенствѣ изучившій искусство сразу овладѣвать людьми, чтобы потомъ дѣлать изъ нихъ что̀ ему угодно. Но если онъ былъ хитеръ, то и я былъ не изъ робкихъ.

Мой капитанъ, казалось, былъ очень доволенъ этой встрѣчей. Увѣренный въ моей смѣтливости и зная, что я съумѣю быть именно такимъ, какъ слѣдуетъ быть и казаться, онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ, который могъ способствовать моимъ успѣхамъ. Хотя мое присутствіе нисколько не могло стѣснить моего вожатаго, благодаря моему незнанію Русскаго языка; однако онъ, подъ предлогомъ визитовъ къ почтеннымъ родственникамъ и другихъ дѣлъ, попросилъ Филипа Филипыча взять меня на свое попеченіе и быть

моимъ путеводителемъ по незнакомымъ улицамъ и площадямъ Петербурга.

— Во имя Русскаго гостепріимства, сказалъ онъ ему: замѣните мѣсто опекуна.

— Я буду вашимъ адъютантомъ по гражданской части, благосклонно отвѣчалъ тотъ.

— Ну въ этомъ случаѣ вы можете помѣряться силами, господа. Но я увѣренъ, что вы будете драться тупымъ оружіемъ, какъ всегда дѣлается въ началѣ. Хотя вы оба охотники острословить, но вамъ нѣтъ выгоды колоть другъ друга. Филипъ Филипычъ, рекомендую вамъ писателя, который нимало не думаетъ отказываться отъ своего званія. Будьте Меценатомъ этому Горацію, и онъ будетъ васъ воспѣвать въ своихъ одахъ.

Въ глазахъ моего новаго знакомца блеснуло добродушное лукавство. Я понялъ, что насъ думали сблизить посредствомъ притягательной силы литературы. Мы условились съ капитаномъ, гдѣ и когда намъ опять сойтись, и я остался подъ покровительствомъ одного изъ самыхъ остроумныхъ людей, какого я когда либо встрѣчалъ и который служилъ мнѣ путеводителемъ во все время моего пребыванія въ Россіи. Какъ же послѣ того не поклониться неизвѣстному божеству, называемому случаемъ?

Ф. Ф. Вигелю было тогда лѣтъ тридцать. Съ перваго взгляда онъ не поражалъ благородствомъ осанки и тою изящною образованностью, которою отличались Русскіе дворяне и которая была выдающеюся чертою общества, стремящагося къ цивилизаціи и желающаго казаться уже цивилизованнымъ (хотя въ дѣйствительности все это было только на поверхности). Слова Наполеона: «*Поскребите Русскаго, и окажется Татаринъ*, были вполнѣ справедливы въ то время. Но я думаю, что мой новый знакомецъ оказался бы не Татариномъ, а скорѣе Византійскимъ Грекомъ, конечно не такимъ педантомъ, какъ они, но можетъ быть похитрѣе и во всякомъ случаѣ остроумнѣе ихъ. Круглое лицо съ выдающимися скулами заканчивалось острымъ пріятнымъ подбородкомъ; ротъ маленькій съ ярко-красными губами, которыя имѣли привычку стягиваться въ улыбку и тогда становились похожи на круглую вишенку. Это случалось при всякомъ выраженіи удовольствія: онъ какъ будто хотѣлъ скрыть улыбку, словно скупой, который бережетъ свои золотыя слова и довольствуется только ихъ звукомъ. Рѣчь его отличалась особеннымъ характеромъ: она обильно пересыпалась удачными выраженіями, легкими стишками, анекдотами, и все это вмѣстѣ съ утонченностью выраженія и щеголеватостью языка придавало невыразимую прелесть его разговору. Его слова были точно мелкая, отчетливо-отчеканенная монета; она принималась охотно во всѣхъ конторахъ. Но иногда его заостренныя словечки больно кололись: очень остроумнымъ нельзя быть безъ нѣкоторой дозы злости. Его взоръ блестѣлъ лукаво, но въ тоже время и привлекалъ къ себѣ. Какъ всегда въ природѣ, электрическая искра служила предвозвѣстницей громоваго удара.

Не желая изучать Вигеля, я съ перваго раза высказался передъ нимъ весь, безъ утайки, для того чтобъ оправдать лестное мнѣніе, которое ему было внушено обо мнѣ. Кокетство умомъ становилось обязательнымъ, хотя я тоже понималъ, что онъ не долженъ видѣть моихъ уловокъ. Я старался держать себя просто, безъ претензій; и, кажется, судя по разговору, который тянулся не прерываясь, ров-

ною нитью, я успѣлъ ему понравиться. Мы направлялись къ Невѣ, чтобы, какъ сказалъ мой проводникъ, прежде поклониться работнику, а потомъ уже осматривать его произведеніе.

Мы остановились передъ статуей Петра Великаго. Какъ очень умный человѣкъ, Вигель не обратился ко мнѣ съ излишними вопросами, непремѣнно требующими изъявленій восторга; онъ ограничился простымъ объясненіемъ, какъ будто хотѣлъ этимъ сказать: «истинное гостепріимство заключается въ томъ, чтобъ никого ничѣмъ не стѣснять; вы вольны въ своихъ сужденіяхъ».

— Этотъ памятникъ, сказалъ онъ, воздвигнутый Петру Первому Екатериной II, какъ вы можете видѣть изъ Латинской надписи, есть произведеніе вашего соотечественника Фальконета. Гранитный утесъ, служащій ему подножіемъ, былъ первоначально вдвое выше; но вы видите, что́ теперь изъ него сдѣлали, вѣроятно, для того, чтобы опровергнуть слова Сегюра, вашего литературнаго собрата, который увѣряетъ въ своемъ стихотвореніи (написанномъ, впрочемъ съ похвальною цѣлію), что съ высоты царю кажется его имперія гораздо обширнѣе, чѣмъ какъ она создалась въ его воображеніи.

— Господинъ Сегюръ не виноватъ, отвѣчалъ я, если вы постоянно расширяете предѣлы вашихъ владѣній. Конечно, онъ не могъ предвидѣть, что одинъ изъ его собратовъ по стихотворству (я только повторяю ваши слова) будетъ привезенъ изъ Парижа, и суждено будетъ ему жить подъ сѣнію вашихъ знаменъ, среди вашихъ побѣдоносныхъ легіоновъ. Благодаря вамъ, я теперь вижу такое безграничное пространство вокругъ себя, что глаза мои должны сначала привыкнуть различать предметы, прежде чѣмъ я могу составить себѣ приблизительно-вѣрное понятіе объ ихъ отношеніяхъ. Въ настоящую минуту я плохой судья; позвольте сначала осмотрѣться.

Губы сложились въ вишенку, въ глазахъ блеснула улыбка. Онъ отвѣчалъ съ чисто-Русскою живостію:

— Вы очень осторожны. Чтобъ судить о предметахъ, нужно ихъ прежде видѣть. Въ эту минуту, наша прогулка имѣетъ лишь топографическую цѣль. Положимъ, что Петръ I и не созерцаетъ свою имперію, но рука его простирается надъ Невой. Еще нѣсколько шаговъ, и вы увидите нашу рѣку въ ея гранитномъ ящикѣ.

Видъ Невы произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Мостъ, соединявшій въ этомъ мѣстѣ обѣ части города, былъ разведенъ, и множество барокъ двигалось вдоль величественной рѣки. Обстоятельство это удивило моего чичероне. Онъ обратился съ распросами къ другимъ, и мы узнали, что въ этотъ день съ Адмиралтейской верфи готовились спускать большой, только что отстроенный, корабль, и что Императоръ и весь дворъ должны были присутствовать при этой церемоніи.

— Видите ли, какое великолѣпное зрѣлище назначено въ честь вашего пріѣзда! А я этого и не зналъ. Надѣюсь, что вы насъ поблагодарите за сюрпризъ. Я вообще не люблю толпы; но вамъ, вѣроятно, будетъ любопытно видѣть все, и вы не побоитесь тѣсноты. Вашъ капитанъ можетъ вамъ оказать покровительство, хоть онъ и безъ эполетъ сегодня. Теперь я васъ оставлю, но надѣюсь, что увижу васъ опять. Вотъ что я вамъ предлагаю: вамъ необходимо имѣть друзей вашихъ лѣтъ; я вамъ ихъ доставлю, и всѣмъ отъ этого будетъ хорошо. По крайней мѣрѣ это будетъ моей заслугой, за неимѣніемъ другихъ. Послѣ церемоніи, я васъ увижу и не разстанусь съ вами до самаго отъѣзда.

Предложеніе было принято съ радостью. Капитанъ мой поздравилъ меня съ побѣдой.

Хотя всѣ побаивались въ Вигелѣ его саркастическаго ума, а можетъ быть и вслѣдствіе этого, онъ былъ вездѣ принятъ; у него были обширныя связи именно въ томъ мірѣ, гдѣ я могъ надѣяться на успѣхъ, въ мірѣ литературномъ, во главѣ котораго стоялъ Карамзинъ, знаменитый историкъ, благодаря которому литераторы начинали имѣть значеніе въ обществѣ.

Скоро Адмиралтейская площадь покрылась экипажами и пѣшеходами. Тѣ, у которыхъ были билеты, входили въ зданіе верфи; толпа стояла у воротъ. Пріѣхало нѣсколько придворныхъ каретъ, и наконецъ Государь вмѣстѣ съ императрицей Маріей Ѳеодоровной, окруженные многочисленной, блестящей свитой. Всѣ присутствующіе сняли шапки и наклонили головы въ почтительномъ безмолвіи. Тутъ я понялъ, что «ура»—не выраженіе радости, но скорѣе военный крикъ: у Русскихъ энтузіазмъ выражается молчаливою радостью и внутреннею увѣренностью, что повелитель не сомнѣвается въ ихъ вѣрности и любви къ нему. Когда вы стоите въ толпѣ, то если у васъ нѣтъ особыхъ поглощающихъ интересовъ, вы непремѣнно подчиняетесь всеобщему настроенію, и волею или неволею тоже начинаете волноваться вмѣстѣ съ другими.

Блескъ и пышность, окружавшія неограниченнаго властителя, приковали мое вниманіе, и я не могу забыть впечатлѣнія, произведеннаго всей этой сценой. Особенно поразили меня своею странностью двое молодыхъ людей, слѣдовавшихъ верхомъ за императорской каретой. Нужно замѣтить, что лошади ихъ становились на дыбы. Они были высокаго роста, въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, съ напудренными головами и въ треугольныхъ шляпахъ, привязанныхъ ремнемъ подъ подбородкомъ. Вѣроятно, этотъ рѣзкій контрастъ между костюмомъ и свѣжими, молодыми лицами особенно привлекъ мой взглядъ; я смотрѣлъ на нихъ такъ внимательно, что ихъ лица, замѣчательныя по правильности линій, навсегда остались въ моей памяти и чрезвычайно отчетливо. Въ Петергофѣ, гдѣ все было такъ пышно и торжественно, я не удивлялся, видя высшихъ сановниковъ съ напудренными головами; но здѣсь, въ этой маленькой свитѣ, эти молодые люди казались мнѣ такъ странны, что я выразилъ свое удивленіе. Мнѣ отвѣчали, что эти всадники—придворные пажи.

Императрица Марія Ѳеодоровна строго держалась придворнаго этикета, установленнаго въ предъидущія царствованія, и покуда она была жива, въ этомъ отношеніи не было сдѣлано ни малѣйшаго измѣненія. По этому поводу разсказываютъ слѣдующій анекдотъ о князѣ Куракинѣ. Стѣснительный, мелочной этикетъ находилъ себѣ ревностныхъ защитниковъ и послѣдователей въ кругу приближенныхъ ко двору особъ. Князь Александръ Куракинъ, бывшій посланникомъ въ Парижѣ передъ войной съ Наполеономъ, принадлежалъ къ этому кружку. Каждое утро, когда онъ просыпался, камердинеръ подавалъ ему книгу, въ родѣ альбома, гдѣ находились образчики матерій, изъ которыхъ были сшиты его великолѣпные костюмы и образцы шитья. При каждомъ костюмѣ были особенная шпага, пряжки, перстень, табатерка и т. д. Какъ говоритъ маркизъ Маскариль у Мольера: «все было въ особенности и въ исправности». Однажды, играя въ карты у Императрицы, князь внезапно почувствовалъ дурноту: открывая табатерку, онъ увидалъ, что перстень, бывшій у него на пальцѣ,

совсѣмъ не подходитъ къ табатеркѣ, а табатерка не соотвѣтствуетъ остальному костюму. Волненіе его было такъ сильно, что онъ съ крупными картами проигралъ игру; но, къ счастію, никто кромѣ него не замѣтилъ ужасной небрежности камердинера.

Когда Императоръ со свитою взошелъ на верфь, вся толпа хлынула къ Невѣ, чтобъ видѣть, какъ будутъ спускать корабль: набережная съ обѣихъ сторонъ вплоть до залива была усѣяна любопытными, и когда громадный колоссъ величественно поплылъ по волнамъ, его привѣтствовало громогласное ура. Отъ сильнаго сотрясенія рѣка взволновалась, но вскорѣ успокоилась и понесла новый корабль къ цѣли его назначенія.

Наступилъ часъ, назначенный Вигелемъ для нашего свиданія. Условившись насчетъ отъѣзда въ Ораніенбаумъ, капитанъ опять поручилъ меня тому, кто долженъ былъ открыть мнѣ двери гостиныхъ и тѣмъ закрыть пути къ серьёзной дѣятельности, которая могла бы и меня, какъ и другихъ, привести къ богатству и почестямъ. Если вы не очень устали, сказалъ мнѣ Вигель, пойдемте пѣшкомъ; по крайней мѣрѣ вы познакомитесь съ нашими ужасными мостовыми. Да кромѣ того, на ходу лучше говорится, такъ что я буду въ барышахъ; а въ нашихъ экипажахъ стукъ колесъ заглушаетъ слова. Прежде всего, я долженъ вамъ сказать, куда я васъ веду. Есть у меня родственникъ, нѣкто г-нъ Тухачевскій. Онъ губернаторомъ въ Пензѣ и управляетъ своимъ краемъ, и кромѣ того своими собственными дѣлами, дѣлами племянника, имѣющаго пятнадцать тысячъ душъ крестьянъ (онъ состоитъ его опекуномъ), а также изъ усердія и моими дѣлами, за что я ему весьма благодаренъ. Жена его принуждена жить въ Петербургѣ, такъ какъ этого требуетъ будущая польза ихъ дѣтей. Къ ней-то я васъ и веду. Домъ ея не роскошенъ и не обширенъ, но вы тамъ найдете ласковый пріемъ, а это лучше всего. Кажется, для начала вамъ нужно именно такое общество; а потомъ въ знакомыхъ у васъ не будетъ недостатка: вы Французъ, а къ Французамъ мы все таки чувствуемъ большое расположеніе; вы молоды, а мы любимъ молодость и весну; у васъ, кажется, очень живой умъ, вы оживите насъ. Такъ какъ я первый васъ нашелъ, то для меня тутъ есть выгода; стало быть, благодарить вамъ меня не за что. Впослѣдствіи когда вы нѣсколько обрусѣете (Французъ всегда остается Французомъ, Русскимъ и вы не будете), то я васъ познакомлю съ людьми, которые составляютъ нашу гордость: вы безъ сомнѣнія съумѣете оцѣнить ихъ достоинства. У г-жи Тухачевской вы встрѣтите одну изъ вашихъ соотечественницъ. Нѣтъ ни одной семьи, гдѣ бы ихъ не было въ качествѣ чего нибудь. Мы—сѣверные Французы, не забывайте этого. Постарайтесь ей понравиться; на всякій случай даю вамъ благоразумный совѣтъ.

Въ эту минуту Филипъ Филипычъ показался мнѣ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Это былъ уже не свѣтскій Русскій, желающій подчинить всѣхъ своему вліянію и для этой цѣли пускающій въ ходъ всю силу ума и сарказма; это былъ простой Русскій, такой, какого мнѣ было надо. Я внезапно почувствовалъ приливъ любви и признательности, и эти чувства навсегда остались во мнѣ, не смотря на то, что его характеръ, капризный, требовательный, измѣнчивый, подчасъ даже сумасбродный, имѣлъ вліяніе на наши отношенія. Вигель былъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно опредѣлить съ перваго раза: чтобъ изучить его хорошія и дурныя свойства, нужны

были благопріятныя обстоятельства, много наблюдательности и способность къ анализу.

Такъ какъ въ Петербургскомъ обществѣ отдѣлъ въ газетахъ подъ названіемъ *«Разныя Извѣстія, «Смѣсь»*, не отличался разнообразіемъ, то я почти увѣренъ, что Вигель уже разболталъ обо мнѣ. Отчасти онъ это сдѣлалъ, чтобъ заинтересовать своихъ друзей, а отчасти чтобъ имѣть удовольстіе быть живымъ предисловіемъ къ странной исторіи, которую я изображалъ собою. Но я не думаю, чтобъ онъ успѣлъ предупредить свою родственницу. Въ то время гостепріимство было отличительной чертой Русскихъ нравовъ. Можно было пріѣхать въ домъ къ обѣду и сѣсть за него безъ приглашенія. Хозяева предоставляли полную свободу гостямъ и въ свою очередь тоже не стѣснялись, распоряжаясь временемъ и не обращая вниманія на посѣтителей: одно неизбѣжно вытекало изъ другаго.—Разсказывали, что въ нѣкоторыхъ домахъ, между прочимъ у графа Строгонова, являться въ гостинную не было обязательно. Какой-то человѣкъ, котораго никто не зналъ ни по имени, ни какой онъ былъ націи, тридцать лѣтъ сряду аккуратно являлся всякій день къ обѣду. Неизбѣжный гость приходилъ всегда въ томъ же самомъ чисто-вычищенномъ фракѣ, садился на тоже самое мѣсто, и наконецъ сдѣлался какъ будто домашнею вещью. Одинъ разъ мѣсто его оказалось незанято, и тогда лишь графъ замѣтилъ, что прежде тутъ кто-то сидѣлъ. «О! сказалъ графъ, должно быть, бѣдняга померъ». Дѣйствительно онъ умеръ дорогой, идя по обыкновенію обѣдать къ графу.

(*Продолженіе будетъ*).

ЗАПИСКИ ВИНСКАГО.

Счастливый случай доставилъ намъ современную перебѣленную рукопись этихъ Записокъ, о существованіи которыхъ мы знали до сихъ поръ лишь по нижеслѣдующимъ строкамъ А. И. Тургенева (Хроника Русскаго, въ Москвитянинѣ 1845, кн. 3-я). Винскій, подобно Радищеву, изображаетъ пороки великой Государыни и темныя стороны ея достославнаго царствованія; но историкъ долженъ дорожить и этими отрицательными свидѣтельствами, которыя, впрочемъ, у того и у другаго вызваны житейскими неудачами и желчнымъ міровоззрѣніемъ, образовавшимся отчасти вслѣдствіе заблужденій и страстей молодости.

П. Б.

Предисловіе А. И. Тургенева.

.....Я прочелъ въ одни сутки записки Винскаго: «*Мое время*». Эта рукопись уже $^1/_4$ вѣка у меня, и я въ первый разъ вполнѣ прочелъ ее. Я не могъ оторваться отъ книги. Винскій, уроженецъ Малороссійскаго городка Почепа (р. въ 1752 г.), учился въ Малороссіи, но оставилъ ее въ первой молодости и переселился въ Петербургъ въ первые годы царствованія Екатерины II (на 18 году). Онъ бѣгло описываетъ Петербургъ, но прежде оригинально описалъ Малороссійскую жизнь свою, воспитаніе, семейство и отбытіе на чужую сторону. Не смотря на отсутствіе важныхъ происшествій, повѣсть его привлекательна какою-то искренностію и подробностями семейной и провинціальной жизни. «*Мертвыя души*» снова ожили бы въ сей существенности. Для Гоголя эта рукопись была бы кладомъ. Кіевъ, Академія, шляхетство, Глуховъ, общественная жизнь въ Малороссіи, нравы и справедливый взглядъ на вліяніе Французовъ въ Россіи, рѣдкій и въ наше время, вліяніе Екатерины II на смягченіе нравовъ, «*апелляція къ потомству*», ученіе вмѣсто воспитанія: вотъ содержаніе первыхъ главъ этой біографіи. Но я не досказалъ вамъ дальнѣйшихъ похожденій аутобіографа. Въ Петербургѣ онъ записался въ военную службу, какъ недоросль, и въ школу; выключенъ изъ оной за негодностью прямо въ полкъ, хотя ученикъ зналъ болѣе учителей. Картина нравовъ тогдашнихъ въ полкахъ и въ обществѣ, ненависть взаимная Русскихъ и Малороссіянъ, и причина оной. Винскій дѣлаетъ дурныя знакомства, мотаетъ, закладываетъ деревнишку въ банкъ, чрезъ заклады дѣлается орудіемъ секретной полиціи. Доносъ на Винскаго, крѣпость и казематы (но прежде поѣздка въ Москву, къ торжеству побѣды надъ Турками и тамошнія приключенія: Потемкинъ, Орловъ, кн. Голицынъ, Шепелевъ и проч.). Допросы въ крѣпости: Терскій, губернаторъ Петербургскій Петръ Васильевичъ Лопухинъ, къ коему привезли его передъ крѣпостію; содержаніе въ крѣпости. Толстой—ангелъ-утѣшитель! Допросы, судъ. Взаимная злоба между Вяземскимъ и Потемкинымъ спасаетъ многихъ, изъ полковъ забранныхъ. Портреты, *легкій абрисъ Европы*, право мастерски написанный, особливо если подумаешь, что писатель былъ до ссылки своей въ Оренбургъ *едвали и читатель!* Политика Екатерины, учрежденіе намѣстничествъ, Совѣстныхъ Судовъ, и пр. «Нравы умягчаются,

сердца распущаются, роскошь во младенчествѣ»,—все это живо и вѣрно изображено. Слогъ самоучки, выучившагося писать до Карамзина, но по Французскимъ образцамъ, изъ коихъ превозноситъ Вольтера, Руссо, Бюфона и особенно Мерсье! Есть какая-то оригинальность, хотя и не всегда правильная. *Буйная жизнь* его въ Малороссіи и въ Петербургѣ носитъ яркую печать вѣка. Мы должны дорожить этою вѣрною картиною стараго быта Русскаго: кто иной передастъ намъ его, особливо въ низшемъ или среднемъ слоѣ общества, въ коемъ жилъ, гнилъ и погибалъ Винскій? Описывая законодательство Екатерины и именно Коммиссію для проэкта новаго уложенія, подъ заглавіемъ: *Русскіе Фоксы и Шериданы,* Винскій сообщаетъ важный историческій фактъ: «Изъ всего происходившаго въ сей коммиссіи достопамятнѣйшимъ можетъ почесться публичное прѣніе князя Щербатова съ депутатомъ Коробьинымъ, которое прекращено было безъ дальнихъ пустословій объявленною чрезъ Вяземскаго волею Государыни. Рукопись Императрицы, положенная въ драгоцѣнный ковчегъ, отдана для сохраненія въ Сенатъ, сочиненіе же законовъ подъ разными начальниками продолжается и по сей день». (Винскій писалъ во время Розенкампфа). Сосланный, по лишеніи дворянства, въ Оренбургскую губернію, Винскій провелъ тамъ большую часть жизни своей и кончилъ ее тамъ же. Тутъ началось его нравственное возрожденіе съ молодой, милой женою, послѣдовавшей за нимъ, вопреки всему, въ ссылку. Винскій началъ заниматься языками, науками, учиться, чтобы быть учителемъ. Описаніе эпохи своего *секретарства* при винномъ распутномъ откупщикѣ, учительства у губернаторовъ, помѣщичьей жизни въ городкахъ и въ деревняхъ; обхожденіе дворянъ съ крестьянами и съ дворовыми; охота псовая и ружейная, и различное вліяніе каждой на нравственность охотниковъ. Портреты помѣщиковъ, женъ и дѣтей ихъ: «жизнь Русская домашняя». Чтеніе и книги, вліяніе на дворянъ. Благодарность его нѣкоторымъ помѣщикамъ: Мюллеру, Андреевскому. Знакомство съ Рычковымъ. Біографъ, кажется, довелъ свою рукопись до XIX-го столѣтія, но главная жизнь въ XVIII-мъ. Она отражается и въ Петербургѣ, посѣщаемомъ Дидеротами и въ Бугульмѣ, гдѣ читаютъ Мерсье и Вольтера.

Мое время.

Введеніе.

Все перечитавши, и нѣсколько разъ, что̀ только нашлося своего или занятаго, все передумавши и неоднократно, что̀ только задержалось въ моей старой головѣ, всѣмъ наскучивши, что̀ только могла доставлять благодатная мечта, наконецъ съ мѣсяцъ нахожусь я въ совершенномъ бездѣліи, слѣдовательно въ несносной скукѣ. Работать въ огородѣ, или бродить по окрестностямъ моего самопроизвольнаго заточенія? Препятствуетъ ежедневный жаръ. Выѣзжать на охоту? Стрѣлять въ сіе время нечего, къ тому оводы одолѣваютъ коней. Чѣмъ же наполнять день, особенно чѣмъ сокращать предолгіе предобѣденные часы? Писать.... Правда, въ среднихъ моихъ лѣтахъ я много писалъ, прелагая изъ иноземныхъ на отечественный языкъ истины тогда у насъ неизвѣстныя. Но сіе упражненіе давно мною оставлено: затѣвать его вновь, по нынѣшнимъ временамъ, и не изъ чего и не для чего. Я бы, кажется, забылъ давно писать, ежели-бъ не

поддерживалось сіе неважною перепискою, которая не можетъ дать дѣльнаго вещесловія. Но что дѣльное? Пиши, какъ и всѣ почти пишутъ, что̀ попадать станетъ подъ кончикъ твоего пера. Такъ..... но ничтожность не занимательна, слѣдовательно не можетъ быть продолжительна. Инъ пиши, сыскавъ себѣ предметъ и что̀ ты лучше знаешь. Дѣльно!... Я знаю самого себя лучше всего; такъ вотъ мой предметъ: МОЕ ВРЕМЯ. Заглавіе, однако, принадлежитъ вѣнценосному сочинителю [1])—тебя съ перваго шага оговорятъ. Порфирородный жилъ, имѣлъ свое время; я живу, имѣю мое; и такъ каждому свое. Я хочу писать мою жизнь и какія мнѣ памятны важнѣйшія, случившіяся въ теченіи оной происшествія. Да не подумаетъ кто либо, что симъ маловажнымъ занятіемъ я хочу втѣсниться въ ликъ творцовъ сочиненій? Нѣтъ, нѣтъ! Я знаю, какія потребны дарованія, свѣдѣнія, знанія, ученіе, витійство писателямъ посвятившимъ себя или пожалованнымъ препровождать до позднѣйшаго потомства громкіе подвиги витязей, славу владыкъ, бѣдствія народовъ. Я намѣреваюсь писать о себѣ, для себя, для своихъ; слѣдовательно я буду писать, какъ умѣю, не поставляя себѣ образцами ни Ксенофонтовъ, ни Титовъ-Ливіевъ, ниже К..... Слогъ мой, подобно дѣяніямъ, будетъ простъ, но правдивъ, въ чемъ призываю на помощь мою богиню, истину.

I.

ШЕСТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ

ИЛИ ДѢТСТВО И ЮНОШЕСТВО.

Мое рожденіе.

Родился я въ Малороссійскомъ городкѣ Почепѣ, отъ родителей, ежели не знаменитѣйшихъ и богатѣйшихъ, то отъ самыхъ здоровыхъ и молодыхъ. Важное преимущество! говоритъ надувшись графъ.— Гораздо важнѣе, ваше сіятельство, нежели вы изволите понимать. Отецъ Степанъ Акимовичъ Винскій, юноша 21 года, женился по взаимной сердечной склонности на матери моей, 16-ти лѣтней отроковицѣ, Марѳѣ Артемьевнѣ Пискаревской, и ихъ счастливой союзъ Богъ на десятомъ мѣсяцѣ благословилъ мною. Что же тутъ особаго? возражаетъ сенаторъ.—Особое, графъ, извольте выслушать. Родиться первенцемъ отъ неискусобрачныхъ (за что буду крѣпко стоять, по меньшей мѣрѣ съ одной стороны), молодыхъ здоровыхъ родителей; быть воздоену матернею грудью, значитъ: получить съ жизнію прочное членоустроеніе, чистую кровь, здоровые соки, что̀ все вмѣстѣ доставляетъ человѣку крѣпкое тѣло и мужественную душу, такія преимущества, которыя одни дѣлаютъ людей истинно-благородными и счастливыми. Сіе наблюдается, какъ и вы изволите знать, по всѣмъ хорошимъ конскимъ и другимъ заводамъ; но графскіе, княжескіе и

---

[1]) Т. е. Фридриху Великому (Histoire de mon temps). П. Б.

всѣ отличающіе себя домы сего не уважаютъ, и отъ того сколько же въ ихъ семьяхъ всякихъ игрушекъ природы!

О любезный Шанди! Какъ бы я порадовался, встрѣтившись съ истиннымъ послѣдователемъ твоей глубокомысленной о зачатіи и рожденіи системы! Какимъ бы я могъ быть доказательствомъ твоего умствованія! Ни десятилѣтняя въ молодости самая распутная Петербургская жизнь, ни шестинедѣльное въ подземномъ сыромъ погребѣ заключеніе, ни заточеніе въ суровой Башкирской край и 30-ти лѣтнее въономъ пребываніе, ни всѣ удары несчастія не могли совершенно разрушить или ослабить мое крѣпкое сложеніе. Теперь, имѣя 61 годъ отъ рожденія, я многихъ еще заставляю себѣ завидовать по наружности; а внутренно? О! я еще живу.

Шандеизмъ.

Остроумный Шанди, отъ одного неосторожно и не въ пору сдѣланнаго вопроса: «заведены-ли часы» выводитъ самое глубокомысленное умствованіе о зачатіи, рожденіи и слѣдствіяхъ отъ того на всю жизнь человѣка. Дѣло съ перваго взгляда кажется неважнымъ, шуточнымъ; но, разсматривая оное терпѣливо, освѣщая со всѣхъ сторонъ свѣтомъ здраваго разсудка, отстраняя при семъ розысканія и высокопарныя философскія промблемы и Богомъ вдохновенныя богословскія темы, а паче всего уклоняясь большинства голосовъ, шандеизмъ на сіе вещесловіе столько разливаетъ ясности, что всѣ почти затрудненія касательно уродовъ, выродковъ, извергов̂ъ, какъ естественныхъ, такъ и нравственныхъ, весьма много облегчаются. Вспомни, любезный Прокоповичъ, какъ мы въ 1806 году въ Санктъ-Петербургѣ, за дружескою трапезою у Плавковскаго, рѣшали по сей системѣ задачу: «какъ могли родиться отъ благороднаго, умнаго, храбраго боярина три сына негодяя?» По ней же, почти показывая пальцемъ, можно говорить: «сей зачатъ украдкою.... а сего воспріяла сердитая отъ пьянаго, какъ и сей добытъ огнистою сладострастницею по найму». Взгляните же на сего благообразнаго, преисполненнаго любезности юношу: не являютъ-ли всѣ черты его лица и всѣ движенія его тѣла, что онъ есть произведеніе тихихъ, сладостныхъ минутъ вечера, когда добрыя, чувствительныя два существа, проведши день полезно, послѣ вечерней пріятной прогулки, въ уединенной мирной храминѣ, предаются восторгамъ цѣломудренной любви? Или, сей младый сынъ истиннаго кормильца всѣхъ другихъ существъ, не доказываетъ ли яркимъ румянцемъ своихъ щекъ, упругостію своихъ мышцъ, широкою грудью, звонкимъ голосомъ, своею всегдашнею веселостію, что онъ чадо совѣтнаго союза, засѣянное дюжимъ, трудолюбивымъ земледѣльцемъ въ ложесна дородныя, здоровыя подруги, вынесшей въ поле сытный обѣдъ; или, послѣ общихъ лѣтнихъ работъ, въ тѣни-ли вѣтвистыхъ рощъ, или въ холодкѣ душистаго стога? Такъ, шандеизмъ можетъ, при тщательномъ розысканіи, развязывать запутаннѣйшіе узлы, и по нему же, «дѣти порочной любви рѣдко бываютъ добрыми существами; сынъ же распутныя не можетъ быть иное какъ извергъ».

Переселеніе изъ отческаго дома.

Мать моя, приживши еще сына Осипа, на 20-мъ году своея жизни овдовѣла, и, обижаема будучи по имѣнію нашими родными тетками, а можетъ быть и по инымъ видамъ, вторично поступила въ замужство за Михаила Васильевича Губчица, въ семью довольно знатную и достаточную; начала жить въ имѣніи своего втораго мужа, куда и насъ переселила.

Первыя впечатлѣнія.

Первые годы моего дѣтства мнѣ почти совсѣмъ непамятны. Отдаляясь однако напоминовеніями сколько можно къ тѣмъ временамъ, вижу, какъ будто въ туманѣ нашъ домъ въ деревнѣ Котляковкѣ; памятны сливныя деревья по дорогамъ въ огородѣ; помню еще дальній огородъ, куда шедши единожды съ матерью, захвачены мы были грозою; памятно мнѣ также, что тутъ въ прудѣ дядя мой Тихонъ утопилъ было меня. Но, кажется, все сіе я знаю болѣе по разсказываніямъ домашнихъ. Переѣздъ отсюда на житье въ мѣстечко Бакланъ, куда вотчимъ мой опредѣленъ былъ сотникомъ, гораздо явственнѣе помню. Какъ теперь вижу приготовленія къ сему путешествію; вывезенные изъ шопы: берлинъ, коляски, таратайки, нѣсколько возовъ и полуботовъ, въ которые я играючи лазилъ; кормленіе у стайни строкатыхъ и буланыхъ коней и самый въ ночь подъемъ живо себѣ представляю. Посаженъ я былъ въ берлинъ между вотчимомъ и матерью; кажется, въ просоньѣ помню, сдѣлался между людьми шумъ, по причинѣ перебѣжавшаго чрезъ дорогу волка, и что вотчимъ говорилъ: «се добрый знакъ; а колибъ заяцъ, то не добре». Первые однако мои годы въ семъ мѣстечкѣ мнѣ непамятны: домъ, садъ, рѣка Судость, гребля, городище и проч., ежели и теперь еще представляются мнѣ весьма явственно, сему виною долговремянное тутъ даже до осьмаго года пребываніе.

Впечатлѣнія первыхъ лѣтъ.

Съ сего времяни до 30 лѣтъ моей жизни, всѣ мѣста, гдѣ только я ни жилъ, даже переѣзжалъ, до самыхъ малѣйшихъ подробностей весьма помню; съ 30 же года по сей день, ежели и памятны мнѣ вообще предметы, но подробности почти совершенно изгладились въ моей памяти. Такъ напр., на пятомъ или шестомъ году моего вѣка, ѣдучи осенью изъ Почепа въ Бакланъ, при захожденіи солнца, спускалася наша повозка съ небольшаго бугорка къ рѣкѣ Судости. Отъ солнечныхъ лучей, скользящихъ, что теперь знаю, по гладкой поверхности воды, казалась она огненною; чрезъ нее летѣло нѣсколько сорокъ въ лѣсъ ночевать. Глядя на все сіе, я не знаю отъ чего, стало мнѣ очень грустно. Сія картина и теперь еще такъ жива въ моей памяти, что я, кажется, могъ бы ее нарисовать. Съ того времяни, воззрѣніе на заходящее осеннее солнце всегда въ душѣ моей произ-

водитъ уныніе. Кіевъ со всѣми своими монастырями, церквами и примѣчательнѣйшими мѣстами, гораздо явственнѣе начертанъ въ моей памяти, нежели городъ Уфа, хотя въ первомъ я жилъ не болѣе четырехъ лѣтъ, и оставилъ его назадъ тому 46 лѣтъ, въ послѣднемъ же я жилъ 12 лѣтъ, а былъ въ немъ предъ симъ за пять. На 18-мъ году пріѣхавши въ Санктпетербургъ, видѣнные тогда предметы, какъ: недостроенныя двѣ стороны зимняго дворца, неочищенная предъ нимъ площадь, зимовавшій противъ Кунсткамеры, спущенный на Неву военный корабль, каменный сарай, гдѣ отливался Петра Великаго памятникъ, кристальный у Семеновскаго моста заводъ; даже первые гренадеры Измайловскаго полку, въ ихъ древнихъ шапкахъ и унтеръофицерскія перевязи, такъ свѣжи въ моей головѣ, будто я на нихъ теперь гляжу. Въ Генварѣ же 1806 года, ѣхавши чрезъ Ярославль въ Санктпетербургъ, города: Кострому, Мологу, Тифинъ, Новую Ладогу весьма темно вспоминаю; а картинныя мѣста, по деревнямъ вечернія игры, въ богатыхъ селахъ, каковы Дуванной, Васильевское и другихъ, катающіяся нарядныя бѣлотѣлыя молодицы, все таковое мною тогда видѣнное теперь какъ во снѣ представляется. Проживши шесть мѣсяцовъ въ сей великолѣпной столицѣ, бродивши ежедневно по привлекательнѣйшимъ мѣстамъ, еще довольно картинно я могу себѣ ее представлять; по подробности: вахтпарады, гулянья на свѣтлой недѣлѣ и перво-Майское, прогулки на прекрасныхъ булеварахъ и набережныхъ, неизъяснимо привлекательный для меня видъ, въ лѣтнемъ дворцовомъ саду, играющихъ по утрамъ малютокъ съ ихъ прекрасными, нарядными кормилицами и нянками. весьма темно въ мысляхъ изображаются.

Начало ученія грамотѣ.

Въ Баклани, кажется, начали меня учить грамотѣ. Мечтается мнѣ, что домъ нашъ былъ насупротивъ церкви Св. Николая; что школа, принадлежащая ей, находилась чрезъ дорогу; что въ сей школѣ жилъ дьякъ, къ которому меня водили, который, однако, чему и какъ училъ меня, не помню; но что онъ часто и больно сѣкалъ меня, особливо по суботамъ, сіе помню. Сіе глупо-варварское обыкновеніе было въ употребленіи почти во всѣхъ приходскихъ школахъ, по причинѣ дьяку нѣкотораго доходишка.

Малороссійская суботка.

Послѣ суботней вечерни, всѣ ученики собирались въ школу и, не садясь по мѣстамъ, а стоя, ожидали дьяка. При вступленіи въ школу, онъ былъ привѣтствованъ ото всѣхъ въ одинъ голосъ: «Миръ ти, благій учителю нашъ»! На что онъ отвѣчалъ: «Треба сѣкты васъ» и тотчасъ начинаетъ екзекуцію: «учись, не пустуй, помни суботку» были его увѣщанія при сѣченіи. Тѣ, которыхъ матери присылали дьяку почаще млинцивъ, боланцивъ, паленыцъ и того-другаго, получали удары по платью; а бѣдняки, или у кого матери были скупы,

расплачивались голыми задницами. Проклятая поповщина! Гдѣ ты не злочинствовала?

Начало ученія латинскаго языка.

Перваго же моего инспектора, т. е. домашняго учителя, Поляка пана Мушинскаго, гораздо болѣе помню, не по его ученію, а потому, что онъ былъ охотникъ стрѣлять, удить рыбу, ловить птичекъ и меня нерѣдко съ собою важивалъ, и что онъ былъ крайне золъ и насъ сѣкалъ безъ милости. Послѣ сего принятъ былъ панъ Дворецкій, родомъ изъ Сосницы. При семъ учителѣ я прошелъ Латинскій алваръ; пороссійски же читалъ уже по вечерамъ для матери Четь-минею, а въ церкви Апостоловъ и Пареміи; писалъ изрядно и по сказыванію [1]). Сей инспекторъ нрава былъ тихаго, и я его душевно любилъ; бывали и отъ него наказанія, но и рѣдко и ненапрасно и нежестоко, такъ что ежели за шалости и непрестанныя мои проказы въ иной день мать, полѣнившись сама меня сѣчь, отсылала къ нему, я считалъ сіе помилованіемъ. При семъ инспекторѣ кончилось мое домашнее ученіе, и я посланъ былъ продолжать оное въ Черниговъ.

Важность перваго десятилѣтія.

Дитя, къ десяти годамъ своего существованія, являетъ уже начатки страстей, имѣющихъ нѣкогда образовать его свойство. Сіе время есть важнѣйшее въ жизни, потому что тутъ должно чрезъ воспитаніе, добрыя склонности въ юношѣ посѣять, возрастить, усилить, какъ дурныя возникающія выполоть, искоренить, по меньшей мѣрѣ ослабить. Но, увы, сіе важнѣйшіе дни моей весны протекли безъ малѣйшаго обработанія! Говорили вообще мнѣ быть добрымъ, тихимъ, искательнымъ, услужливымъ; но сдѣлаться таковымъ предоставляли случаю. Можно сіе уподобить брошеннымъ на ниву нѣсколькимъ горстямъ зеренъ хлѣбныхъ, коихъ всходы, ростъ и созрѣлость оставлены судьбѣ. Какъ бы я ни желалъ начертать первые признаки моего разсудка, первѣйшія ощущенія моего сердца, начальные порывы моихъ страстей, но все мое о семъ стараніе тщетно: едва могу припомнить, что по многокровному моему сложенію, преданный веселостямъ, разсѣянію, забавамъ, я точно не былъ ни золъ, ни скупъ, ни завидливъ. Въ дѣтскихъ играхъ душевно равнялся съ низшими; но господствовать ни самъ не любилъ, ни надъ собою не терпѣлъ. Сіе, какъ бы врожденное, осталось во мнѣ на всю жизнь мою. Да не помыслитъ читатель, чтобы я былъ противникъ властямъ и не повинующійся начальству. Нѣтъ, я смѣло могу божиться, что власть законная всегда для меня была священна; начальникамъ же я бывалъ неизмѣнно покоренъ, и самыя несправедливости правительства, коими преобремененъ я былъ, переносилъ терпѣливо. Скажу тор-

[1]) Т. е. подъ диктовку.

жественно, что я былъ бы лучшій гражданинъ во всякомъ обществѣ, гдѣ бы законы хотя драконовскіе, но тяготѣли равно на всѣхъ.

Домъ вотчима.

Вскормленный въ домѣ вотчима, я испыталъ прежде несправедливости и обиды, нежели ласки и милости, но я ихъ тогда несильно чувствовалъ и по ребячеству скоро забывалъ. Вотчимъ мой, будучи отъ природы человѣкъ угрюмый и сердитый, къ намъ весьма былъ неласковъ; но самъ, сколько помнится, меня никогда не бивалъ, а исправлялъ сіе чрезъ нашу несчастную мать, которая, какъ теперь помню, при наказаніяхъ иногда сама горько плакивала. Правда, рѣзвости мои, шалости и непрестанныя проказы и не въ вотчимовскомъ домѣ долженствовали бы быть унимаемы; а тутъ, какъ примѣчали ихъ старательнѣе, взыскивали за нихъ тщательнѣе, то наказанія случались ежедневно, нерѣдко съ повтореніемъ и не обходя праздниковъ.

Нѣчто о братѣ.

Братъ мой, ушибенный грудью еще въ дѣтствѣ, почитался хворымъ; потому его не принуждали учиться, никогда почти его не наказывали, больше ласкали; за то, а больше, что онъ великій плакса былъ, я худо съ нимъ ладилъ и никогда не принималъ въ свои игры. Какъ по ученію далеко отъ меня отсталъ, то я посланъ былъ въ училище одинъ, съ нимъ уже никогда вмѣстѣ не живалъ и очень рѣдко видался. Въ сіе же время, помнится, мать часто мнѣ говаривала о богатствѣ нашего отца расхищенномъ и что мы бѣдняки противъ сестры нашей, рожденной ею отъ Губчица. Сіе однако весьма мало дѣйствовало на меня; ибо я съ юнѣйшихъ лѣтъ не уважалъ богатства и не дорожилъ деньгами до того, что даванныя мнѣ иногда нѣсколько копѣекъ отдавалъ первому, кто захотѣлъ бы ихъ взять.

Отбытіе на чужую сторону.

Наконецъ наступило время моего странствованія. Два Почепскіе панычи Самоцвѣты, учившіеся уже въ Черниговской Коллегіи подъ надзоромъ инспектора Цвѣта, со вновь завербованнымъ панычемъ Рославцемъ, заѣхали къ намъ въ Октябрѣ 1762 года и, присоединивъ меня къ себѣ, повезли въ Черниговъ. Разставанье мое съ матерью и домомъ было самое плачевное; во всю дорогу я непрестанно плакалъ, ничего не примѣчалъ и ничѣмъ не занимался. Принятіе меня въ третью школу, т. е. грамматику, да и все мое пребываніе въ Черниговѣ, чуть-чуть помню. Знаю, что учитель мой былъ панъ Дембицкій; памятно, что Самоцвѣты, бывши меня гораздо старѣе, часто меня обижали, и что панъ инспекторъ нерѣдко меня сѣкъ понапрасну. Посему конечно я взятъ былъ на ваканціи гораздо ранѣе обыкновеннаго, т. е. до Троицына дня и оставался безъ инспектора до

осени. Кажется, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ мать моя съ своею, а моею бабкою, для какихъ-то надобностей ѣздили въ городъ Нѣжинъ. Я былъ съ ними; очень помню видѣнныхъ тутъ Грековъ; въ ихъ лавкахъ особое привлекали мое вниманіе каракатицы и колбасы; базаръ и улицы завалены были каунами, дулями, сливами, виноградомъ и пр. Оттуда поѣхали мы въ Кіевъ, гдѣ мать моя, исправивши съ великою торопливостію свое богомолье, оставила меня тутъ на попеченіе какой-то женщинѣ, именемъ Варварѣ. Съ сею женщиною, какъ кажется, ставшею моею нянею, я жилъ недѣли двѣ въ совершенной праздности; шатался съ нею по монастырямъ и, по крайнему изобилію всѣхъ родовъ плодовъ, пресыщался ими. Потомъ я былъ переселенъ на квартиру къ панычамъ, у которыхъ былъ инспекторомъ панъ Разнатовскій. Недолго, однако, оставался я при семъ надзирателѣ: нѣкто панъ Щербацкій, старый богословъ, то есть, ученикъ богословія, выпросилъ меня у отца-префекта подъ его инспекцію.

Пребываніе въ Кіевѣ.

Описывать всѣ подробности моего пятилѣтняго пребыванія, хотя и весьма мнѣ памятныя, не считаю нужнымъ; поелику во все сіе время ничего со мною не случилося особенно любопытнаго. Жилъ я на наемныхъ квартирахъ, подъ начальствованіемъ разныхъ перемѣнявшихся инспекторовъ, всегда съ моею Варькою. Учился довольно прилежно, не только не отставалъ отъ другихъ, но всегда числился между отличными. Учителямъ, какъ публичнымъ академическимъ, такъ и приватнымъ инспекторамъ былъ всегда послушенъ и добрыхъ, особенно умныхъ, душевно любилъ. Несправедливые однако ихъ въ разсужденіи меня поступки я умѣлъ уже чувствовать и имъ того не прощать; такъ паны: Щербацкій и Самойловичъ, не взирая на всю ученость послѣдняго, остались въ моей памяти навсегда самыми низкими людьми; напротивъ, тогдашній отецъ ректоръ Самуилъ и учитель Риторики отецъ Никодимъ никогда не воспоминаются мною иначе, какъ съ сердечнымъ почитаніемъ и благоговѣніемъ.

Академія.

Кіевская академія, по назначенію своему для духовенства, пеклась наиболѣе образовать людей въ сіе званіе. Посему науки, преподаваемыя въ ней, были: Грамматика, Піитика, Риторика, Философія, Богословія и языки: Латинскій — какъ основаніе, Польской — какъ истолковательный; по нихъ Греческій и Еврейскій—какъ нужные для разумѣнія церковныхъ писателей; Нѣмецкому и Французскому хотя также обучали, но весьма недостаточно; прочія же науки тамъ были совершенно неизвѣстны. Изъ сего можно видѣть, что я, учившись весьма похвально, бывши въ одной Риторикѣ три года, говоривши и писавши Латинскимъ и Польскимъ языками, какъ моимъ природнымъ, имѣвши набитую голову тропами и фигурами, умѣвши состроить хрію правильную и превращенную, выѣхалъ изъ Кіева настоящимъ,

касательно необходимѣйшихъ знаній, дурнемъ до того, что ежелибы добрый человѣкъ, квартировавшій тогда въ Кіевѣ, канонерскаго полка штыкъ-юнкеръ Паченко, не показалъ мнѣ первыхъ правилъ Ариѳметики, я бы принужденъ былъ считать по пальцамъ.

Пансіонъ.

Въ половинѣ 1768 года я оставилъ Кіевъ и, прибывши домой, тою же осенью помѣщенъ былъ для Французскаго языка въ новозаведенный въ Стародубѣ г. Карповичемъ пансіонъ.

Перейти изъ публичнаго училища въ частное значитъ быть понижену въ своихъ собственныхъ очахъ; но я, по пристрастію къ Французскому языку, симъ не затруднился. Лѣта мои, знаніе Латинскаго языка и правилъ грамматическихъ, произвели въ учителѣ нѣкоторой родъ уваженія ко мнѣ, такъ что онъ, снисходя на мою просьбу, прошелъ для меня синтаксисъ Пепліеровъ. Сіе одно мнѣ было нужно, и я чрезъ девять мѣсяцевъ оставилъ пансіонъ. Симъ на 16-мъ году моея жизни школьное мое ученіе совершенно кончилося.

Преселеніе въ Глуховъ.

Осенью 1769-го я отвезенъ былъ въ Глуховъ, гдѣ препорученный генеральному судьѣ г. Журману, я долженствовалъ прожить зиму и потомъ съ его заступленіемъ ѣхать въ заграничную армію. Кратковремянное мое въ семъ городѣ пребываніе было какъ бы образчикомъ имѣющей быть жизни. Я находился подъ покровительствомъ вельможи, у коего времянно являлся и иногда обѣдывалъ; жилъ же на наемной квартирѣ, располагая моимъ временемъ, дѣлами и поступками самопроизвольно. Городъ Глуховъ въ сіе время, по причинѣ пребыванія въ немъ вышнихъ властей Малороссійскихъ, былъ какъ бы небольшая столица. Шляхетство, начиная тутъ свое служеніе по значительному количеству и видной жизни, стеченіе всѣхъ состояній по дѣламъ казали сей городъ и многолюднымъ, и оживленнымъ. Роскошь, хотя и не повсемѣстно, но уже водворялась; трактиры, и Нѣмецкій, и Греческій не бывали пусты; шинки также не напрасно заводились, особенно, гдѣ были пригожія хозяйки или наймички. Молодые шляхтичи, приписанные въ разныя присутственныя мѣста, вели жизнь по большой части праздную; уже ничего студентскаго въ нихъ не было видно, а многіе и профессорами распусты [1]) могли быть названы. Я былъ причисленъ къ генеральному суду, но присутствовать въ немъ болѣе трехъ разъ не удосужился. Первые дни опредѣлены бывши на приготовленіе необходимаго для пристойнаго появленія въ большомъ городѣ, я провелъ ихъ почти заключеннымъ въ квартирѣ, занимаясь непрестанно пересмотромъ вещей, данныхъ мнѣ изъ дому. Не имѣвши никогда толикаго количества и толикой разновидности, я любовался ими несказанно; самыя бездѣлушки

[1]) Авторъ употребляетъ это слово вмѣсто «распутство». П. Б.

я почиталъ драгоцѣнностями и, пьючи свой чай, при услугѣ моего Матюшки, я почиталъ себя счастливѣе всякаго князя. Знакомиться я весьма былъ тупъ; но дѣлать знакомства поверхностныя почти никогда не умѣлъ и прилѣпленіемъ моимъ откровенностію всегда другихъ опережалъ. Знакомиться началъ съ однолѣтками, но скоро введенъ былъ въ кругъ гораздо старѣйшихъ и тогда пустился, что̀ называется, во вся тяжкая. Скоро Нѣмецкіе, Греческіе и всякіе другіе благодатные домы мнѣ стали знакомы. Благодаря однако моей застѣнчивости, или лучше безденежію, я только былъ повсюду зрителемъ, но дѣйствователемъ нигдѣ; да правду надобно сказать: Глуховскіе моты и ихъ шалости къ Петербургскимъ такъ были, какъ 5 ко 100; посему мнѣ не удалося тутъ научиться ни пить, ни въ карты играть, ниже...

Разсматривая безпристрастно время моей юности, открывается, что оно протекло для меня весьма невыгодно. Отъ всего моего многолѣтняго ученія пріобрѣлъ я знаніе Латинскаго языка и небольшое умѣніе писать; существенныя же и необходимѣйшія для моего благоденствія знанія, какъ святая нравственность и составъ людскихъ обществъ, или яснѣе: «чѣмъ каждый человѣкъ обязанъ обществу, и на оборотъ, общество человѣку»,—до того мнѣ были неизвѣстны, что я ихъ и въ числѣ наукъ, до 40 лѣтъ моей жизни, не считалъ. «Всѣ науки, пишетъ Мерсье, даже и божественная Астрономія, суть только роскошь ума человѣческаго, однѣ — мораль и политика ему необходимы». Сею важную истину я узналъ поздно. Низринутый въ бездну злополучій, свидѣлся и познакомился я со нравственностію, полюбилъ ее отъ всего моего сердца, прилѣпился къ ней всею душею; но какъ можно было то исправлять, что̀ въ продолженіи сорока лѣтъ портилося? Скажу чистосердечно, что всѣ мои старанія быть добрымъ, справедливымъ, весьма неважные имѣли успѣхи; и я разстанусь съ жизнію конечно не злодѣемъ, но весьма мало и добрымъ. Изъ многихъ собственныхъ опытовъ знаю, какъ трудно, ежели не совершенно невозможно, быть истинно добрымъ, когда въ юныхъ лѣтахъ не обсѣменено сердце добромъ. Желѣзо, покрытое и во многихъ мѣстахъ проникнутое ржавчиною, самое тщательнѣйшее очищеніе не можетъ освободить совершенно отъ поврежденія; хорошо хотя бы не допускать усиливаться ржавчинѣ.

Точное начало просвѣщенія въ Россіи.

Несправедливо было бы требовать отъ тогдашнихъ школъ и учителей полезнѣйшаго наученія юношества: они сами точно не имѣли ни малѣйшей по сей части свѣдѣній. Заря наукъ для нашего Отечества начала пробиваться сквозь мракъ невѣжества въ концѣ осьмаго десятка протекшаго столѣтія. Сколько бы излиха ни вопіяли: «Распинайте Французовъ!», но они одни гораздо болѣе способствовали нашему наученію, нежели совокупно вся Европа. Россія, по волѣ Петра Великаго, находившись болѣе полувѣка подъ ферулою Нѣмецкою, даже и признаковъ не являла просвѣщенія. Царствованію Ека-

терины принадлежитъ вся честь водворенія въ нашемъ Отечествѣ полезныхъ наукъ, которыя разительнѣйшимъ образомъ начали имѣть вліяніе на нравственность. Повторю паки: сколько бы старообрядцы, новообрядцы и всѣ ихъ отголоски ни вопіяли: «Распинайте Французовъ!» но Волтеры—не Мараты; Ж. Ж. Руссо—не Кутоны, Бюффоны—не Робеспіеры. Ежели когда нибудь настанутъ времена правды, тогда великіе умы XVIII-го столѣтія, истинные благодѣтели рода человѣческаго, получатъ всю имъ принадлежащую честь и признательность.

Такъ, искренно судя, что первая существованія моего четверть, долженствовавшая быть основаніемъ моего благоденствія, была почти для меня потеряна, я не ропщу ни на мать свою, ни на моихъ наставниковъ. Всему виною тогдашнія времена. Но ежели бы оставили меня, по крайней мѣрѣ, идти по той дорогѣ, на которую я былъ Академіею выведенъ, я бы могъ быть изряднымъ духовнымъ, искуснымъ врачемъ, а можетъ быть и порядочнымъ писателемъ; слѣдовательно полезнымъ членомъ общества и способнымъ устроивать свое счастіе. Но, увы, меня, какъ будто съ умысла, возрастили у монаховъ, а заставили служить въ гвардіи! Переведенный изъ мирной, скромной, подчиненной жизни въ мятежную, наглую, своевольную, чѣмъ могъ я сдѣлаться какъ не самымъ несчастнѣйшимъ твореніемъ?

Такъ бывало, есть и нынѣ, что большая часть юношей заставляется занимать мѣста въ обществѣ, совсѣмъ несообразныя ни съ ихъ склонностями, ни съ ихъ способностями. Наученіе въ публичныхъ и частныхъ училищахъ есть для всѣхъ одно и тоже. Мерсье пишетъ: «Надлежало бы завести особый родъ наставниковъ, которые бы, по своему знанію и опытности, умѣли узнавать въ дѣтяхъ склонности и способности, по коимъ бы назначили имъ ученіе». Такъ, распорядивъ дѣтей къ ученію, скоро бы могли имѣть въ каждой части наукъ, художествъ, даже ремеслъ, людей отличныхъ; и сей, родившись быть зодчимъ или ваятелемъ, не потѣлъ бы по напрасну надъ сборнымъ уложеніемъ; а природный витія и піитъ не ломалъ бы головы Алгеброю.

Въ Россіи наученіе почти повсемѣстно принимается за воспитаніе. Я самъ, скажу со стыдомъ, проживъ болѣе половины моего вѣка и бывши по несчастію уже домашнимъ учителемъ, различія въ семъ даже и не подозрѣвалъ. Не забуду никогда почтеннаго г. Реми за многія его мнѣ одолженія, какъ и за поясненіе сего различія.

Иноземецъ не можетъ воспитывать.

О, отцы, матери, и всѣ вы, отъ коихъ зависятъ дѣти! Войдите въ подробнѣйшее розысканіе разности между воспитаніемъ и наученіемъ; пекитеся вашихъ чадъ прежде воспитывать, потомъ научать. Знайте, что болтаніе чужеземными языками, балансированье, прыганье, бряцанье на фортепіано и на гитарѣ не есть воспитаніе, но одно наученіе. Вѣдайте, что наемные иноземцы, изъ какого бы они народа не были, хотя бы нравственность ихъ была безъ малѣйшаго нарекавія, не могутъ дать вашимъ дѣтямъ воспитанія, по тому одному, что они не знаютъ ни законовъ нашихъ, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни пре-

имуществъ и правъ, принадлежащихъ у насъ каждому состоянію гражданъ, по которымъ необходимо должно прилаживать нравственность. Будемъ искренны: Россійскій дворянинъ, по своему званію, обязанностямъ и правамъ, ни малѣйше не сходствуетъ ни съ однимъ Европейскимъ дворяниномъ, какъ купецъ, мѣщанинъ и крестьянинъ ничѣмъ неравны заморскимъ. Сколько ни всеобща чистая нравственность, но составъ обществъ, нравы, обычай во всякой землѣ свои, и по нимъ однимъ народы удерживаютъ свое отличие.

Россіянина долженъ воспитывать непремѣнно Россіянинъ; наученіе же можно попустить и иностранцу, только бы воспитаніе оному предшествовало и никогда изъ вида не потерялось.

Воспитаніе принадлежитъ родителямъ.

Воспитаніе одно есть отличительная принадлежность человѣка; наученіе же несовсѣмъ чуждо и другимъ тварямъ. Сія важная должность отъ самыя природы назначена родителямъ. Дать просто жизнь, по строгой справедливости, не составляетъ великаго благодѣянія; одно воспитаніе можетъ доставлять отцамъ неоспоримое право на дѣтскую благодарность, повиновеніе и пособія. Признаться однако должно, что по нынѣшнимъ временамъ ревностнѣйшій отецъ, или искуснѣйшій наставникъ, едвали успѣетъ обсѣменить юное сердце чистыми правилами нравственности.

Общественное воспитаніе, непремѣннымъ закономъ утвержденное и самимъ правительствомъ назираемое, могло бы идти наивѣрнѣйше къ сей цѣли; ибо добрые нравы не иначе могутъ завестись и утвердиться, какъ когда правительство, согласуя съ нравственностію, займется искренно попеченіемъ о благоденствіи народа и присвоитъ воспитанію всю важность ему должную. Покуда о воспитаніи не будутъ радѣть, нельзя ожидать, чтобы люди сдѣлалися лучшими и счастливѣйшими. Правительство непремѣнно обязано поддерживать нравственность; безъ того она безполезна и не можетъ имѣть никакой власти надъ сердцами. Законы должны быть пополненіемъ и доказательствомъ нравственности, внушенной воспитаніемъ.

Вопросятъ: можно ли цѣлый народъ воспитать, то есть внушить ему правила нравственности?... Ясныя и простыя правила естественныя нравственности гораздо легче для понятія, нежели догматы и заповѣди духовныя, которыхъ не только поучающіеся, но и сами поучающіе, по совѣсти, не понимаютъ.

Способъ къ облегченію воспитанія цѣлаго народа.

Правительство, которое возъимѣло бы искреннее намѣреніе завести въ своемъ народѣ добрые нравы, могло бы, учредивши для дѣтей общественные воспитательные домы, для народа весьма выгодно употребить священниковъ, давъ имъ въ руки катехизисъ чистыя нравственности, по которому бъ они своихъ прихожанъ въ проповѣдяхъ наставляли и на духу повѣряли. Къ сему присоединя знаки отли-

чія для добродѣтельнѣйшихъ, не корыстные, но почетные, какъ строгое и неупустительное взысканіе и наказаніе для порочныхъ и злыхъ, сопровождаемое общимъ отверженіемъ, произвели бы непремѣнно желаемые успѣхи.

Ликургъ, хотя противъ правилъ здравыя нравственности написалъ свои законы, но нельзя не согласиться, чтобы онъ не чувствовалъ могущества общественнаго воспитанія. Въ Спартѣ оно было подъ непосредственнымъ назираніемъ правительства, единообразное для всѣхъ и утвержденное закономъ. Ежели сей свирѣпый законодатель могъ чрезъ воспитаніе образовать изступленныхъ воиновъ, презиравшихъ болѣзни и смерть: почему законодатели, болѣе человѣколюбивые и болѣе благоразумные, не могли бы также образовать людей добродѣтельныхъ и разсудительныхъ? Бюніаны въ Индіи, Квакеры въ Америкѣ и Сарептцы у насъ въ Россіи не могутъ ли также быть сему доказательствомъ?

Лѣта невинности.

Первый выѣздъ мой изъ благословенныя Малороссіи поставивши предѣломъ моего юношества, я не могу о семъ времени вспомнить безъ сердечнаго умиленія, какъ о лѣтахъ моея жизни, проведенныхъ въ истинной невинности. Я оставилъ Глуховъ, не могучи себя, по строгой справедливости, ничѣмъ укорять порочнымъ или вреднымъ. Шалости мои и проступки точно были ребяческіе, могущіе быть достаточно изглаженными однимъ признаніемъ. Какъ сладостно воспоминать и теперь, что я тогда не былъ еще виновенъ ни предъ людьми, ни предъ собою!

При разставаньи съ милою родиною и дабы быть чисту ото всего, я долженъ учинить исповѣдь, для всякаго чувствительнаго сердца самую трудную. Къ четырнадцатому году нельзя было не ощутить въ сердцѣ чувствованія, нудящаго всѣхъ—искать любезныхъ, глядѣть на нихъ, любоваться ими и желать отъ нихъ чего-то неисповѣдимаго. Первый позывъ на сіе позналъ я въ Кіевѣ, но безъ малѣйшаго удовлетворенія. Правда, приглашенъ бывши въ одно лѣто прожить нѣсколько недѣль въ домъ одного сельскаго священника и познакомившись тамъ съ его дочерью, дѣвушкою лѣтъ 20-ти, полною, румяною, веселою, рѣзвою, простодушною, я тутъ научился цѣловаться, прикосновеніе также отвѣдалъ, но пройти далѣе не умѣли: я по причинѣ моего младолѣтства, она же, какъ кажется, по причинѣ неопытности. Сія первая моя склонность весьма долго была мнѣ памятна. Въ Стародубѣ, находясь въ пансіонѣ, какъ учитель жилъ прежде въ Москвѣ, то имѣлъ почти всю прислугу изъ Русскихъ, въ томъ числѣ двухъ дѣвокъ, настоящихъ Московскихъ, посему цѣломудріе мое неминуемо должно бы уничтожиться: наслажденіе скотское, которымъ я тогда же мерзилъ. Паночка С. в. ч. в. особое возбуждала во мнѣ къ себѣ благоволеніе; но тутъ я лакомился одними глазами. Въ Глуховѣ по сей части я дѣйствовалъ уже гораздо вольнѣе; славныя тутъ часовщица и трембачиха имѣли и меня прицѣпленнымъ къ своимъ

таратайкамъ; съ ними я игрывалъ, лобызался; но по причинѣ великаго стеченія, и паче, что тутъ требовалися доказательства любви наличныя, коихъ у меня немного водилося, я принужденъ былъ довольствоваться платонизмомъ. Вотъ все, что лежало на душѣ и чего, кажется, за одинъ порядочный грѣхъ почесть нельзя. Къ стати помѣстить здѣсь происшествіе, слѣдствія коего я почти во все продолженіе жизни чувствовалъ. На четвертомъ моемъ году посѣтила меня лютая рода человѣческаго враговка, воспа. Не помню самыя болѣзни, но признаки ея бытности оставила она мнѣ вѣчные, которые въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ приносили мнѣ много досадъ: кромѣ того, что меня дразнили дзюбанымъ, со всѣми употребляемыми приговорками, я слышалъ весьма часто, что меня не будутъ дѣвки любить, какъ мерзенаго. Сіе такъ мнѣ бывало чувствительно, что я съ горя самъ въ себѣ говаривалъ: «и я ихъ не хочу любить». Къ природной застѣнчивости чрезъ сіе сдѣлался я осторожнымъ и равнодушнымъ, и какое бъ ни чувствовалъ влеченіе къ красавицѣ, но на исканіе въ ней никогда не рѣшался. По сему легкія пріобрѣтенія были для меня сходнѣе, хотя самымъ пользованіемъ я душевно мерзилъ.

Окончу, повторивъ: ежели, какъ сказалъ прежде, не имѣлъ я самыхъ худыхъ свойствъ, то по совѣсти же не могу похвалиться, чтобы обладалъ отличительно добрыми. Состраданіе, благотвореніе и всѣ сладостныя ощущенія челокѣколюбиваго сердца, кажется, въ семъ времятеченіи моей жизни едвали были мнѣ извѣстны. Я совершенно несклоненъ былъ обижать, себѣ чужое присвоивать, еще меньше хищничать; но вступиться за обижаемаго, плакать о несчастіи другаго, пособить нуждающемуся, я точно не умѣлъ. Вотъ и сіе можетъ быть доказательствомъ, что человѣкъ ничего не имѣетъ врожденнаго, и что все онъ пріобрѣтаетъ, перенимая отъ тѣхъ, съ кѣмъ живетъ въ тѣснѣйшемъ сообщеніи. Нравственность нашего дома была средняя между самою хорошею и между самою худою, по коей и мое сердце обсѣменялось. Я не навыкъ мучить несчастныхъ слугъ, глядѣть покойно на брызги ихъ крови, слушать хладнокровно ихъ вопли, не трогаться ихъ стонами, видѣть ихъ голодныхъ, холодныхъ и всегда готовыхъ забавлять своихъ мучителей: не навыкъ потому, что въ нашемъ домѣ сіе не видѣлось. Такъ и все занятое мною во время моего дѣтства, какъ доброе, такъ и худое, было средней руки.

Общіе моей отчизны нравы.

Въ сіе время Малороссіяне жили только между собою; кромѣ Грековъ и Поляковъ иностранцы имъ вовсе не были извѣстны; даже съ Великороссіянами почти не имѣли сообщенія, почему нравы ихъ были также ни худшіе, ни лучшіе. Злодѣянія, каковы: убійство, разбои, грабежъ и пр., весьма были рѣдки. Пороки: пьянство можно бы почесть всеобщимъ, поелику не только мужчины, даже женщины въ лучшихъ домахъ пили водку, наливку и пр., но напиваться до забвенія почиталося зазорнымъ, и истинные пьяницы всѣми были презираемы. Скупость, родная сестрица расчетливости, родственница бережливости,

свойственница хозяйства, довольно была у соотчичей моихъ примѣтна; но скряжничествомъ и лихоимствомъ, кажется, они душевно гнушались. Тяжбы и ябедничество были весьма употребительны и преимущественно между шляхетствомъ. Ссоры и драки у простолюдиновъ случались, но не продолжительныя и неувѣчныя, ибо наиболѣе раздѣлывались чубами; забіячества же были рѣдки. Явная распуста была строго наказываема; волокитство, ежели симъ именемъ назвать жениханье, было терпимо въ простомъ народѣ, но никогда почти не простиралося до порочнаго и по большой части имѣло въ виду супружество.

Сказавши худое, справедливость требуетъ молвить сколько нибудь о добрѣ. Добронравіе Малороссіянъ обнаруживалося разительно тѣмъ, что они въ сіе время имѣли уже общее мнѣніе, т. е. не только злодѣй, порочный, даже своевольникъ, были у всѣхъ и каждаго въ омерзѣніи; начинающаго сочлена безпутствовать каждый отецъ семейства считалъ своимъ долгомъ уговаривать, оговаривать, стыдить, унимать и, въ случаѣ не успѣха въ томъ, по крайней мѣрѣ искренно отвергать [1]). Дѣти у родителей были въ полномъ повиновеніи, простиравшемся такъ далеко, что ни лѣта, ни званіе не освобождали отъ онаго; сіе, за смертію родившихъ, относилося къ старшимъ родственникамъ. Молодые люди обязаны были почтеніемъ всѣмъ вообще старикамъ. Вотъ черты, коихъ я, по выѣздѣ моемъ изъ отчизны, нигдѣ не примѣтилъ, и противодѣйствія коимъ съ первыхъ дней для меня были крайне удивительны, даже несносны. Страннопріимство и гостепріимство во всей Малороссіи были исполняемы съ истиннымъ усердіемъ и удовольствіемъ. Супружеское состояніе было безпорочно, надежно и тѣмъ похвальнѣе, что жены полновластны во внутреннемъ хозяйствѣ и въ своемъ поведеніи. Откровенность и дружелюбіе были общи всему народу. Праздничать, веселиться, пѣть, плясать—всѣ любили; музыку умѣли чувствовать. Наряжались охотно; чистота и опрятность жилищъ были повсемѣстны. Женщины, какъ и повсюду, убранствомъ старались усилить свои прелести; но поддѣльныхъ нигдѣ не терпѣли, и набѣленная, нарумяненная обѣгаема была, какъ явная к...

Къ вѣрѣ Малороссіяне всѣ имѣли душевное прилѣпленіе, и по причинѣ, что тамошнее священство было довольно просвѣщено, нужнѣйшіе члены закона и церковное служеніе каждый зналъ основательно. Сіе, я думаю, воспрепятствовало завестись у нихъ разнотолковщинѣ или безтолковымъ расколамъ. Въ храмы ходили охотно, привлекаемые наряднымъ служеніемъ и согласнымъ пѣніемъ. Но, суевѣріе?... Увы! сіе адское дѣтище и въ благословенной Малороссіи было почти повсемѣстно.

---

[1]) Дающихъ пристанище ворамъ и завѣдомо принимающихъ краденое законы наказываютъ равно съ преступникомъ, въ справедливомъ смыслѣ: «ежелибъ некуда было сбывать краденаго, на что воровать»? Обратите сіе правило на злочинцовъ, кишащихъ теперь въ обществахъ; авось и они подумавъ: «къ чему злочинствовать?» уймутся хоть трохи.

II.

ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ ИЛИ МОЛОДОСТЬ.

Отъѣздъ въ С.-Петербургъ.

2-го Марта 1770 года повезли меня изъ Глухова въ С.-Петербургъ. Утопая въ слезахъ, простился я съ любезною Малороссіею, какъ бы предчувствуя вѣчное мое изъ оной удаленіе. До Орла я ничего не видалъ, ни чувствовалъ. Тутъ, для облегченія моего крайне утѣснительнаго на камергерскихъ повозкахъ помѣщенія. посовѣтовали мнѣ завестись собственною кибитчонкою, которая, въ сотовариществѣ корнета Чигиринскаго, доставила меня къ берегамъ Невы. Переѣздъ мой до сѣверной столицы не заслужилъ никакого моего примѣчанія. Всѣ города и самая Москва не произвели во мнѣ ни малѣйшаго вниманія; я полагаю сему виною, что, живши въ Кіевѣ и видѣвши тамъ строенія довольно огромныя и величественныя, я по ихъ размѣру смотрѣлъ и судилъ о попадавшихся моимъ взорамъ; посему славимый Русскими Иванъ Великій предъ Кіевскою лавринскою колокольнею былъ въ моихъ глазахъ столбикъ, какъ и Успенскій соборъ гораздо у меня меньше значилъ Кіевобратской церкви. Отъ сего и С.-Петербургскія тогдашнія строенія ни малаго не возбуждали во мнѣ удивленія; поелику, зная Кіевскія, я объ нихъ воображалъ несравненно выше.

12-го Апрѣля того жъ года флигель-адъютантъ графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, Петрищевъ, посадя меня съ собою въ карету, отвезъ въ полкъ и представилъ какъ принятаго его сіятельствомъ въ службу къ г. премеръ-маіору Александру Ильичу Бибикову. Сей, заглянувъ въ бумагу, тогда же ему врученную, что вѣрно была моя челобитная, спросилъ меня, гдѣ я учился и, отдавая бумагу стоявшему подлѣ него офицеру, сказалъ: въ школу. Отходя только отъ него, я увидѣлъ, что всѣ его комнаты набиты были офицерами и унтеръ-офицерами, томящимися въ двухъ переднихъ, которыя проходя, какъ полумертвый, я слышалъ со всѣхъ сторонъ слово—недоросль.

Въ сіе время умнымъ и благотворительнымъ Бибиковымъ заведено было въ Измайловскомъ полку училище подъ названіемъ инженерной школы для записывающихся въ сей полкъ дворянъ, изъ которыхъ большая часть едва знали грамотѣ. Заведеніе, безъ прекословія, весьма полезное, ибо тутъ учили: языки, фортификацію, артиллерію и еще нѣкоторыя науки. Для языковъ и высшихъ частей математики были нанятые учители; для нисшей же математики и ариѳметики употреблялись солдатскіе дѣти.

Опредѣленіе въ школу.

Снабженный аспидною доскою и грифелемъ, я былъ введенъ и помѣщенъ между учащимися сложенію. Представьте себѣ Малороссія-

нина между Москалями, Кіевскаго студента между школьниками, сидящаго вмѣсто важнаго профессора, въ оборванномъ солдатскаго сукна сюртукѣ, съ исковерканною рожею Артамонова, который его вопрошаетъ: умѣешь ли ты писать?... цыфры?... Вообразите, что онъ, остолбенѣвши отъ удивленія, едва ли что отвѣчалъ, и потому г. учитель, сказавши двумъ школьникамъ: «поучите его, братцы», самъ удалился. Первый, взявшійся меня учить, коль скоро услышалъ мою рѣчь, тотчасъ меня попотчивалъ: хохолъ! Другіе, вслушавшись, немедленно начали меня величать—безмозглый! и пр.

Встрѣченный такъ неблагопріятно учителемъ и столько злостно товарищами, я вдругъ, какъ и каждый бы на моемъ мѣстѣ землякъ, претворился въ скотину. Потупивши глаза въ доску, молчалъ и страдалъ. Послѣ обѣда, рѣшившись сѣсть особенно, я будто нарочно выставилъ себя для всеобщихъ нападковъ, отъ которыхъ и добрый нашъ фельдфебель Сумароковъ, едва могъ меня защитить. Чрезъ нѣсколько дней привыкши, какъ къ карканью воронъ, къ ругательствамъ Русскаго благородства, я приложилъ все мое стараніе открыть, на чемъ вообще основали свое мнимое преимущество гг. Москали надъ Малороссами. Смотря на бѣдняковъ и мизирныхъ, составляющихъ двѣ трети благороднаго сословія, весьма ясно видѣлъ изо всѣхъ ихъ пріемовъ, поступковъ и рѣчей, что они были сущіе мужики; приближаясь иногда къ достаточнѣйшимъ, хотя и царапаемый, я примѣчалъ, что большая часть и отъ нихъ, даже воспитанные иностранцами, весьма ограничены въ знаніяхъ, особенно касательно словесности. Откуда же и отъ чего подобное предубѣжденіе? По строжайшему розысканію, виною сему старинная, какъ бы прирожденная всѣмъ Русскимъ ненависть ко всему иностранному и невѣжественное презрѣніе всего неотечественнаго. Сей недостатокъ въ Москаляхъ едва ли когда нибудь истребится. Я, живши болѣе 40 лѣтъ между ими, знаю ихъ во всѣхъ состояніяхъ; по совѣсти скажу, что глупое сіе самохвальство есть еще и теперь вельми общее всему народу. Любопытный можетъ ежечасно въ томъ увѣряться: заговори только о чемъ бы то ни было иностранномъ, и тотчасъ услышатся самые нелѣпые отзывы, и не отъ однихъ брадоносцевъ; нѣтъ, по сей части, дворянинъ, приказный, военный, даже ученый, всѣ являютъ себя сущими мужиками.

Дурной носъ Артомонова и нападки сотоварищей произвели во мнѣ негодованіе до упрямства. Напрасно величаемый безмозглымъ, я пустился изъ доброй моей воли въ дураки, притворяясь непонятнымъ до того, что учитель и начальники, уставши рапортовать меня еженедѣльно лѣнивцемъ, выключили наконецъ въ роту.

Служба фронтовая мнѣ также не понравилась; но я и тѣмъ былъ уже доволенъ, что, не находясь подъ подлою ферулою, опредѣленъ былъ вертѣть ружье, поворачиваться, топать ногами, какъ бы дѣлать что-нибудь путное. Признаться однако со стыдомъ долженъ, что я, во все продолженіе моей четырехлѣтней службы, былъ неизмѣннымъ самымъ худымъ служивымъ, точно имѣя природное отъ нея отвращеніе, что деспотическое по оной управленіе еще болѣе во

мнѣ усиливало. Въ сей ротѣ служилъ землякъ Соханскій капраломъ: и по чину своему, и по землячеству, онъ былъ для меня великою находкою, и ежели бы не такъ скоро выбылъ онъ въ армію, я думаю, изъ многаго худаго гораздо было бы у меня меньше.

Хотя воинское званіе по наружности имѣетъ видъ строгаго присмотра, но въ самомъ существѣ едва ли какое другое изъ общественныхъ состояній доставляетъ болѣе своеволія. Умѣлъ бы только опрятно одѣваться, проворно вертѣться, раболѣпнѣйше повиноваться: вотъ и желаемыя качества въ военномъ! Нравственность же ежели въ которомъ полку, по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, не уничтожается всесовершенно, то не наблюдается ни въ одномъ; наказываютъ не за то, что крадутъ, отнимаютъ, грабятъ и пр., но за то, что не умѣютъ концовъ хоронить. А о другомъ и говорить не для чего.

Съ первыхъ дней моей службы, увидѣвши себя совершенно въ моей военной жизни независимымъ, я началъ тотчасъ во зло употреблять сію свободу. Правда, девять мѣсяцевъ, пока я не жилъ въ полковыхъ казармахъ, нельзя, по строгой справедливости, назвать порочными; но, проживши ихъ въ совершенной праздности, удаленъ бывши сообщества порядочныхъ людей, я всматривался и навыкалъ быть негодяемъ. Болѣзненно мнѣ сказать, что первыя лекціи распутства и мотовства началъ я въ сообществѣ земляковъ.

Благо и зло отъ земляковъ.

Въ сіе время были въ Санктпетербургѣ два прокурора, гг. Андреянопольскій и Острожскій, оба по своей части весьма свѣдущіе, славные писцы и довольно, по тогдашнему, знакомые со словесностію. По дѣламъ въ Сенатѣ имѣли покровителями много вельможей, по своимъ качествамъ знакомы были съ лучшими дѣловыми и учеными людьми, особенно со служившими тогда въ Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія. Значительные свои доходы проживали благородно, имѣя хорошій столъ и ежедневно гостей. Лучшее занятіе тутъ бывало: веселая бесѣда, шутки, нерѣдко карточная игра; къ вечеру непремѣнно Діонисіяки; но пуншъ и... никогда не употреблялися. Введенный въ сіе общество, я приласканъ былъ за мои знанія, скоро пріобрѣлъ любовь за мою живость и сдѣлался для сего общества интереснымъ. Не скажу, чтобы они были ординарные профессоры сихъ наукъ; но нельзя же потаить, чтобы не въ семъ сообществѣ научился я роскошествовать, узналъ вкусъ въ винахъ; а важнѣйшее—держать расходы, не справляясь съ собственнымъ карманомъ. Корысть была, есть и вѣчно будетъ побужденіемъ ко многимъ злодѣяніямъ. Обожаемый мною Острожскій, полюбивши моего мальчика Матюшку, хотѣлъ всевозможно его себѣ присвоить; для сего не посовѣстился заводить меня въ долгъ и окончилъ, принудивши, можно сказать, нѣкоторымъ образомъ дать первый вексель. Чрезъ сей пріятельскій поступокъ шагнувши разъ по мотовской дорогѣ, я не умѣлъ уже никогда съ оной удаляться. Ничего я такъ глупо-

охотно не дѣлывалъ, какъ составленіе вѣчныхъ долговъ, безъ размышленія оные уплачивать. Отъ векселей до закладныхъ, и потомъ до банковыхъ обязательствъ, дошелъ я скорыми шагами. Описывать всѣ происшествія тогдашняго моего времени считаю не нужнымъ; ибо онѣ ничуть незанимательны, еще меньше поучительны. Дни провождать въ трактирахъ, ночи......., быть отчуждену отъ порядочныхъ обществъ, не радѣть о своей должности, угрызенія совѣсти за учиненный поступокъ заглушать поспѣшнѣе другимъ, и такъ отъ напасти стремиться къ другой—дѣло было общее всѣмъ намъ мотамъ. Худшее самое въ семъ родѣ жизни то, что мотовство не иначе останавлялося, какъ совершенно погубивши несчастнаго юношу. Бѣдность, непремѣнная сопутница мотовства, скоро стала быть мнѣ знакома, и, о Боже, до какихъ униженій она меня не доводила! Благодарю Провидѣніе, что и плохое воспитаніе предохранило отъ злодѣяній. Такъ бѣдственно два года проживши, осквернившись всѣми мерзостями распутства, окончилъ я сіе поприще, заключивши себя въ магистратскую тюрьму, что̀ при тогдашнемъ благодѣтельномъ правительствѣ было обыкновеннымъ безразсуднаго юношества удѣломъ.

Не въ оправданіе мотовства, ниже во извиненіе мое и подобной мнѣ братіи, я хочу показать здѣсь нѣкоторыя постороннія причины, способствовавшія въ сіе время распространенію бѣдственныя распусты и гибельнаго мотовства. Я подъ симъ разумѣю благонамѣренныхъ людей, снабжавшихъ деньгами нуждающихся подъ ручные заклады, на векселя, подъ закладъ имѣній, съ самыми умѣренными по десяти на мѣсяцъ процентами.

Банкиры для ручныхъ закладовъ находились изъ всѣхъ состояній, отъ дворянскаго даже до полковыхъ фурлейтовъ; были самые многочисленнѣйшіе и повсемѣстные, такъ что ихъ во всѣ часы дня можно было найти вездѣ, даже въ харчевняхъ и богадѣльняхъ. Нѣкоторые же человѣколюбивѣйшіе ежедневно жаловали въ трактиры, гдѣ проигравшему послѣднія деньги тотчасъ жаловали за часы, табакерку, шубу или фракъ—продолжать окончательно раззореніе. Такъ я часто самъ видалъ, какъ нашея первыя роты цырюльникъ Максимка, сгибая свой хребетъ подъ ношею разновидной одежды и обременяя свою десницу узломъ вещицъ, шествовалъ медленно въ казармы, тогда какъ наша братья, весьма облегченная отъ излишняго, бѣжала туда будто въ запуски. А сколько еще невидимо скрылись облегченные до камзоловъ и рубахъ!

Банкиры вексельные были гораздо рѣже и, находясь всѣ въ купеческомъ сословіи, имѣли нѣкоторый родъ конторъ и прикащиковъ, исправляющихъ ремесло лазутчиковъ. Сіи выискивали по городу и гвардейскимъ полкамъ нуждающихся, освѣдомляясь объ ихъ состояніи и возможностяхъ; составляли предварительныя условія, т. е. сколько ихъ хозяинъ можетъ дать въ счетъ извѣстной суммы наличными деньгами, сколько товарами, вещами, мебелями, за какіе проценты и пр. Сихъ лазутчиковъ нехудо можно уподобить ищейнымъ собакамъ, пронюхивающимъ для охотника дичь; съ тою только отмѣною, что въ охотѣ стрѣлокъ идетъ за собакою къ птицѣ, дабы ее застрѣлить, а тутъ ищейка ведетъ мота къ ростовщику, чтобы быть ограблену.

Заимодавцы подъ закладъ имѣній были какъ бы гофъ-банкиры, немногіе и непремѣнно дворяне, старающіеся свои небольшія денжонки превратить въ значущія деревеньки. Для поясненія операцій сихъ человѣколюбцевъ, я представлю просто мое съ однимъ изъ нихъ дѣло.

Въ нашемъ полку многія офицерскія связи занимались благородными семействами; въ томъ числѣ и г. Стромилова, состоящая изъ жены, дочери и своячины, обитала въ 4-й ротѣ. Я, промотавшись уже до того, что остался въ одномъ мундирѣ съ необходимою аммуниціею, принужденнымъ нашелся нанять квартиру въ сей же ротѣ, въ солдатскомъ домикѣ, по 6 рублей на мѣсяцъ съ пищею. Не могучи появиться безъ денегъ ни въ трактирахъ, ни...., я провождалъ скучные осени вечера волокитствомъ по полку, или спаньемъ дома. Въ одинъ вечеръ является ко мнѣ неожиданно нашего баталіона подлѣкарь, слегка мнѣ знакомый. Послѣ первыхъ словъ онъ мнѣ говоритъ, что идетъ отъ г-жи Стромиловой, которая спрашиваетъ меня: почему я съ нею не познакомлюсь, что она обо мнѣ съ нимъ говорила, что она изъ нашея стороны, знаетъ мою мать и родственниковъ и пр. Будучи вельми не мастеръ съ барынями знакомиться, я ему пробормоталъ нѣсколько словъ, на что онъ прибавилъ: она говорила, что она готова пособить мнѣ, въ чемъ нуждаюсь. Сіе, какъ запахъ похмѣльному вина́, тотчасъ возбудило мое вниманіе; и онъ, выспрося у меня, что̀ ему было надобно, обѣщалъ завтра же придти ко мнѣ съ отвѣтомъ. Отвѣтъ былъ самый благосклонный и тягостный: денегъ давали сколько угодно, но требовали на нихъ въ закладъ крестьянъ; закладную, однако, обѣщали всевозможно совершеніемъ облегчить, при пособіи супруга г-жи, который былъ самъ членъ Юстицъ-Конторы.

Увидѣться, уладиться довольно было двухъ дней, и я имѣлъ 500 р.; а г-жа Стромилова̀ на 800 р. закладную на полгода. Не прошелъ мѣсяцъ, еще двѣ закладныя на 600 р. и вексель ея сестрицѣ на 400 р. А всего осчастливленъ я въ семъ благодатномъ домѣ 1500 р. Обязательствъ же съ меня взяли на 4000 р., которые и получили всѣ сполна, какъ помянуто будетъ въ своемъ мѣстѣ. Прочитавши о сихъ операціяхъ, способствовавшихъ мотовству столь дѣятельно, не увидитъ ли безпристрастный читатель, что безъ нихъ число мотовъ было бы гораздо умѣреннѣе? Не будь сихъ грабителей, и кредитъ нашей братьи мотовъ заключался бы весь у булочниковъ и въ лавочкахъ. Иной благочестивый скажетъ: «не сильно было, вольно»; все равно хоть бы винить палимаго горячкою за то, что онъ обопьется холоднаго и умретъ. Не поспорю, что законы есть противъ лихоимцевъ; но не спорьте же и вы, ежели скажу, что они почти всѣ выше сихъ законовъ, и что на одного изъ нихъ наказаннаго вѣрно тысячи погибли ихъ жертвъ.

Говорятъ: «человѣкъ изо всѣхъ животныхъ есть самое привычнѣйшее». Сіе я нѣсколько разъ въ моей жизни испыталъ. Сѣтованіе, видя себя въ заключеніи; воззрѣніе на оборванныхъ солдатъ, обнаженными палашами охранявшихъ выходъ; зависимость отъ ихъ начальника, который самъ не болѣе былъ, какъ гарнизоный унтеръ;

сотоварищество, составленное изъ дворянъ, купцовъ, иностранцевъ, всѣхъ нѣкоторымъ образомъ поровненныхъ; зрѣлище, что тутъ иные ѣли, тѣ пили, другіе въ карты играли, нѣкоторые спали, многіе лежали, и каждый помѣщался беззазорно гдѣ хотѣлъ, производило въ душѣ моей тѣсноту не болѣе недѣли. Ко всему сему привыкъ и два года провелъ въ числѣ тюремниковъ безъ дальняго роптанія. Правда, заключеніе сіе не такъ было строго; корыстолюбіе изъ всего умѣетъ извлекать свои пользы: неоплатные должники давали унтеру годоваго дохода около 5 тысячъ рублей. Тутъ у мѣста сказать нѣчто о несообразности нашихъ узаконеній, силою которыхъ по вексельному праву всякъ, изъ какого бы состоянія ни былъ, несомнительный заимобратель подвергался суду Магистрата, т. е. купеческому сословію. Симъ мечтали ускорить удовлетвореніемъ векселей, но на самомъ дѣлѣ открыли лишь средства къ проволочкамъ, къ злоупотребленіямъ.

Мать моя, узнавши о моихъ мотовствахъ и моемъ уничиженіи, употребила все отъ нея зависящее, дабы вырвать меня изъ моея бездны; но средство ею употребленное не имѣло желаемаго успѣха. Она прислала нарочнаго, честнаго Малороссійскаго маленькаго чиновника, дабы заплатить мои долги и, меня освободивъ, къ ней привезть. Неопытность сего повѣреннаго, достаточное развращеніе моего сердца, особенно корыстныя наставленія моихъ тюремныхъ пріятелей, все сіе оборотили верхъ дномъ. Выплачены закладныя и нѣсколько векселей; но на всѣ у присланнаго денегъ не достало, и потому я остался неподвижнымъ въ Магистратѣ, воспользовавшись на мою часть, за ложно данный вексель, нѣсколькими сотнями рублей. Не могу безъ ужаса вообразить о моей жизни отъ сего времяни, какъ я готовъ былъ на всякое злодѣяніе, и что одинъ недостатокъ только въ случаяхъ не выставилъ меня злодѣемъ.

Въ концѣ 1774 года дворъ отбылъ въ Москву для празднованія торжествъ о заключенномъ съ Турками мирѣ. Мать моя, пріѣхавши туда же съ новопріобрѣтеннымъ своимъ зятемъ Аѳанасіемъ Кириловичемъ Любысевичемъ, бывшимъ генералъ-адъютантомъ у графа Разумовскаго, исходатайствовала мнѣ не только освобожденіе изъ заключенія, но пожалованіе чиномъ и отпускъ въ Москву; для выполненія сего, сама, не пожалѣвши себя, прибыла на почтовыхъ въ Санктпетербургъ. Такъ, вырвавшись изъ бѣды, по неизреченной нѣжности материнской, при покровительствѣ довольно сильнаго моего новаго родственника, я бы конечно могъ все еще исправить, войти въ порядокъ, продолжать службу выгодно и улаживать потихоньку о себѣ дальнѣйшее; но злая моя судьба опредѣлила о семъ иначе.

Зять мой, 45-ти лѣтъ, изъ весьма бѣднаго состоянія, по уму своему и ученію дослуживши полковничья чина, во время служенія за свои достоинства и качества пріобрѣтши дружбу благороднаго вельможи гр. Разумовскаго, его начальника, живши всегда въ большомъ свѣтѣ, зная оный со всѣми его коловратностями достаточно, бывши честенъ и добръ, многихъ молодыхъ людей по покровительству своему выведшій на путь счастія, для меня, однако, ничего не сдѣлалъ, ежели не поставить въ счетъ милостей вывозъ меня изъ Санктпетербурга

съ повышеніемъ унтерства. Буйные мои поступки и ежедневныя съ сестрою распри, можетъ быть, отвратили отъ меня его сердце. На что же доброта души и благотвореніе ближнему? Ежели бы я въ то время могъ нынѣшними, хотя и слѣпнущими уже, очами смотрѣть на свѣтъ и его обороты,—конечно моему милому зятю немного бы труда стоило устроить мое благоденствіе. Миръ праху твоему, любезный Аѳанасій Кириловичъ! Ты самъ, утѣсненный ехидною твоею супружницею, омочивши иногда твоими слезами моихъ несчастныхъ дѣтей, примирилъ меня всесовершенно съ тобою.

Попущеніе своевольствовать.

Проживши въ Малороссіи три мѣсяца, съ окончаніемъ отпуска отъѣзжая въ полкъ, я предоставленъ былъ снова моему собственному о себѣ распоряженію. Вредныя наклонности, неистребленныя, ожили во мнѣ съ новыми силами. Я снова предался необузданному исканію веселостей, наслажденій и скоро снова пустился странствовать по смердящимъ болотамъ распусты. Хотя погруженный въ распусту и преданный всѣмъ порокамъ своеволія, я долженствовалъ бы на ряду съ прочими быть не инымъ чѣмъ, какъ негодяемъ; но Малороссійское и плохое воспитаніе удержало меня отъ всесовершенной погибели: я подъ симъ разумѣю поселенную Кіевскою Академіею во мнѣ любовь наукъ. Принятый въ общество Андреянопольскаго и Острожскаго, о которыхъ уже я говорилъ, кромѣ ихъ ласковостей и часто умныхъ бесѣдъ, значительная библіотека лучшихъ Россійскихъ книгъ, у нихъ имѣвшаяся, немало меня привлекала ихъ посѣщать. Тутъ, не досыпая иногда ночей, познакомился я съ Ролленями, Лесажами, Волтерами и получилъ такое пристрастіе къ чтенію, что никогда никакое занятіе не брало по сей день у меня поверхности надъ онымъ. Такъ, въ караулѣ, въ трактирахъ, въ... я всегда имѣлъ товарищемъ книгу, какъ и въ заключеніи моемъ занимался переводами. По страсти къ чтенію, не трудно повѣрить, что я имѣлъ любопытство и то узнать, чего въ книгахъ не печатали.

Тогдашняя гвардейская служба доставляла любопытнымъ много способовъ научаться. Сословіе офицеровъ составлялося по большой части изъ сыновей знатнѣйшихъ вельможескихъ домовъ. Сіи молодые люди, воспитанные отлично, по связямъ своихъ семействъ и по близкому допущенію ко двору, получая познанія почти изъ источниковъ, предавали оныя нѣсколькимъ низшимъ подчиненнымъ, которыхъ, какъ свою братью дворянъ, особенно хорошо воспитанныхъ, они принимали въ свое сообщество. Богатѣйшіе съ воспитаніемъ же унтеръ-офицеры, выбираясь къ полковымъ начальникамъ безсмѣнными ординарцами, состояли у нихъ какъ бы домочадцы; сопровождая ихъ при всѣхъ выѣздахъ и, принимаясь съ ними, какъ благородные, во всѣ общества и домы, имѣли довольно случаевъ многое видѣть и слышать.

Ученые и знающіе иностранные языки унтеръ-офицеры находились при Иностранной Коллегіи для курьерскихъ посылокъ. Сіи, часто бывая въ чужихъ земляхъ, проживая тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ при

министрахъ и возвратясь въ Отечество, доставляли своей братіи свѣдѣнія, иногда самыя интересныя. Баталіонъ гвардіи, сопровождавшій графа Орлова въ Архипелагъ и довольно времени проживішій въ Италіи, сколько привезъ съ собою прекрасныхъ новостей! Посему, и еще что прилагалъ особое стараніе знакомиться и сыскивать довѣренность иностранцевъ и болѣе Французовъ, читателю моему не покажется затруднительнымъ, что я осмѣливаюсь говорить о политикѣ

Европа, послѣ Кайнарджицкаго мира, находилась на сей разъ въ покоѣ. Португалія, защищенная Англіею отъ нападковъ Гишпаніи, наслаждалась спокойствіемъ и, въ тишинѣ обработывая свои богатыя земли, произведенія ихъ отдавала своимъ покровителямъ, такъ что ее можно было почитать помѣстьемъ Великобританіи. Гишпанія, сблизившись тѣснѣе съ Франціею, продолжала суевѣрствовать и изувѣрствовать, отъ чего какъ внутреннее ея хозяйство, такъ и торговля были въ худомъ состояніи; ибо богатыя ея колоній произведенія и самые металлы выработывала она для Французовъ и Англичанъ.

Франція, къ концу царствованія Людовика XV-го истощенная непрестанными войнами, роскошью двора, хищеніями королевскихъ любовницъ и крайне запутанная въ своихъ доходахъ, не оставляла свое тяготѣніе надъ цѣлою Европою; держалась на проложенной Ришельемъ и Мазариномъ дорогѣ, съ перемѣною только своихъ политическихъ связей, чрезъ тѣснѣйшее соединеніе съ Австріею. Основаніемъ сему положенъ бракъ дофина со дщерію Маріи Терезіи, Маріею Антуанетою; но онъ, не одобряемый тогда же почти всѣми благомыслящими Французами, особенно впавшимъ въ немилость министромъ Шоазелемъ, при неблагоразумныхъ поступкахъ младыя дофины, начиналъ производить всеобщій ропотъ. Наученіе, особенно словесность, по легкости и чистотѣ Французскаго языка, протекши до послѣднѣйшихъ состояній народа, открыли большей части глаза, дабы смотрѣть и видѣть должностныхъ особъ, ихъ дѣянія, ихъ домогательства, въ настоящемъ видѣ, слѣд. совсѣмъ не въ томъ, въ которомъ казало ихъ правительство. Злоупотребленія богатаго Французскаго духовенства, наглое высокомѣріе вышняго дворянства, скоро открылись, какъ одинакій духъ, и расположеніе сихъ сословій отъ нихъ, по естественному наклоненію, неминуемо должно было коснуться престола. Сіе время во Франціи можно было почесть броженіемъ умовъ.

Англія, торжествующая на моряхъ, владычица богатыхъ странъ восточной Индіи, производящая весьма выгодную торговлю со всѣмъ свѣтомъ, старающаяся всѣми позволенными и непозволенными средствами оттѣснять отъ оныя другіе народы, въ сіе время занималась подчиненіемъ своей волѣ свободныхъ Американцевъ, которые, почувствовавъ свои силы, требовали, чтобы ихъ братія Англичане поступали съ ними какъ съ равными, а Великобританія хотѣла ихъ имѣть своими подданными.

Голландія, растучнѣвши отъ своихъ непомѣрныхъ богатствъ, лежала въ безчувственной спячкѣ. Почитаемая между первыми твердой земли и второю морскою державою, на самомъ дѣлѣ была не

иное что, какъ огромный преукрашенный ботъ, прикрѣпленный къ Англійскому военному кораблю.

Италія порабощенная существовала своими развалинами, древними истуканами, картинами, пѣвцами, музыкантами, но сама собою ничего не значила. Папа, отученный отъ притязаній, держался на своемъ сѣдалищѣ однимъ ревнованіемъ государей, нимало его не уважавшихъ.

Германія, въ своемъ древнемъ чудовищномъ составѣ, являла стараго, дряхлаго великана, котораго и свои и чужіе щипали безбоязненно.

Пруссія, вознесенная умомъ, умѣньемъ и отвагою Фридриха II-го на степень вторыхъ Европейскихъ державъ, была въ сіе время, по причинѣ мира, можетъ быть самымъ счастливѣйшимъ государствомъ.

Данія, при благоразумныхъ своихъ правителяхъ, была хозяйственна и покойна.

Швеція, обуреваемая внутри и ослабляемая, ожидала отъ преемника престола перемѣнъ къ лучшему.

Польша, совершенно разлаженная и потерявши значительную часть своихъ земель, которыя присвоили себѣ ея добрые сосѣды, шумѣла, донкишотствовала подъ ферулою Россійскихъ посланниковъ, уготовлявшихъ ей окончательное разрушеніе.

Турція, побитая и униженная Россіею, бросилась отдыхать на диванъ; покорна же будучи предопредѣленію, она не видѣла и не хотѣла видѣть готовимыхъ ей снова сосѣдкою занятій. Несчастные Греки, въ сію войну поднятые и оставленные Россіею, несли одни все мщеніе своихъ жестокосердыхъ мучителей.

Россія, послѣ Петра І-го мало имѣвшая участія въ дѣлахъ Европы, въ царствованіе Екатерины II-я приняла на политическомъ театрѣ дѣйствительную ролю. Она показала себя во уважительной осанкѣ; дружескія же Англіи и Пруссіи расположенія обнадежили ея первую выступь. Внутреннее ея состояніе, хотя необработанное, было неповрежденно и довольно мочно. Изобиліе и дешевизна первыхъ потребностей жизни содѣлывали народъ здоровымъ, веселымъ и на все годнымъ. Торговля, хотя въ рукахъ иностранцевъ, приносила, по причинѣ великаго плодородія земли, важные прибытки. Словомъ, мы столько были внутренно благополучны, что для Семилѣтней оконченной со славою войны не болѣе 30 коп. прибавлено подушныхъ; что цѣны, во все продолженіе войны, ни одною копѣйкою ни на какія вещи не возвысились; что курсъ нашъ держался всегда около 30 штиверовъ; и наконецъ, что деньги, золотыя, серебряныя, мѣдныя и ассигнаціи, ходили для всѣхъ въ своей истинной цѣнѣ.

Екатерина, разстроеніемъ Польши, побѣдами надъ Турками и отторженіемъ отъ нихъ Крыма, сыгравши первое дѣйствіе своея политическія фамы довольно удачно, вздумала народъ свой занять, ослѣпить и Европѣ бросить нѣсколько въ глаза пыли блистательными торжествами и премудрыми, новыми, ежели не законами, то учрежденіями. Для сихъ важныхъ дѣлъ назначена была древняя столица и цѣлый 1775 г.

Мелодрамма открылась наряднѣйшимъ Императрицы въѣздомъ въ Москву, предшествуемой и сопутствуемой блистательнымъ дворомъ, видными полками тѣлохранителей и безчисленнымъ народомъ. Торже-

ственные врата, взгроможденные, на скорую руку, хотя изъ лубковъ и рогожъ, но раскрашенные, раззолоченные и въ приличныхъ мѣстахъ убранные соотвѣтственными предмету картинами, восхищали всѣхъ до безумія; къ чему присоединя военную музыку, колокольный звонъ и пушечную пальбу, каждый можетъ себѣ вообразить, что сіе очаровательное явленіе, не взирая на лютую зиму, было безподобно.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ Государыня, при торжественномъ засѣданіи въ Сенатѣ, пожаловала народу 47-мь милостей. Сіи милости, для овѣковѣченья ихъ внесенныя въ государственную хронологію, тогда же, по сужденію нѣкоторыхъ крутыхъ головъ, не стоили ни одной дѣльной. Затѣмъ скоро появилося новое учрежденіе, или совершенное преобразованіе правительственной махины. Все переновлено, даже до наимянованій: губерніи названы намѣстничествами, губернаторы правителями, воеводы городничими и пр. и пр.

Судебныя мѣста умножены съ умноженіемъ въ нихъ чиновниковъ, такъ что иная губернія, управляемая прежде 50-ю чиновниками, раздѣлившись по сему учрежденію на четыре намѣстничества, въ каждомъ имѣла до 80 судей. Умноженіе судейскихъ мѣстъ, конечно, открыло многимъ бѣднымъ семействамъ средства къ существованію, ибо жалованье по тогдашнему времяни назначено было довольно достаточное; но грубой хлѣбопашецъ скоро почувствовалъ отъ сея перемѣны невыгоду: поелику, вмѣсто трехъ барановъ въ годъ, должны возить ихъ до 15-ти въ городъ.

Учрежденіе Совѣстнаго Суда, съ важнымъ преимуществомъ рѣшать дѣла безъ переносу, въ рѣшеніяхъ придерживаться болѣе совѣсти, нежели закона, дѣла по суевѣрію или изувѣрству, дѣла слабоумныхъ и малолѣтныхъ, которыя составляли важнѣйшую его обязанность, заставило во всей Европѣ пропѣть и вострубить Екатеринину мудрость. Славный тогда Мерсье сгоряча написалъ: «Заря благоденствія рода человѣческаго занялась на Сѣверѣ. Владыки вселенныя, законодатели народовъ! Спѣшите къ полуночной Семирамидѣ и, преклонивъ колѣна, поучайтесь: она первая учредила судъ совѣсти!» Но мы, Россіяне, для которыхъ собственно великая законодательница изобрѣла сіи спасительные суды, мы скоро на свой счетъ узнали, что они были одна кукольная игра. Какихъ дарованій, знаній не долженствовалъ имѣть совѣстный судья по однимъ дѣламъ колдовства, которое въ невѣжествующей черни сколько многочисленно, столько по нелѣпостямъ и сумазбродствамъ разновидно! Бывали примѣры, что, по слѣдствіямъ Земскихъ Судовъ, цѣлыя селенія обнаруживались преступными въ колдовствѣ; одни какъ колдуны, другіе заколдованные, утверждающіе сіе своими собственными признаніями. Какое искусство, какая сила рѣчи потребны судьѣ, дабы образумить сихъ несчастныхъ и истребить въ нихъ вредныя нелѣпости, ставшія имъ какъ бы врожденными! Касательно разбирательства тяжебныхъ дѣлъ, сіи одни, конечно, могли бы существенную доставлять обидимому пользу, ежели бы учрежденіе точнѣе уполномочивало сей судъ въ производствѣ дѣла. Когда одинъ изъ тяжущихся, и несомнительно справедливѣйшій, желалъ предать разбирательству Совѣстнаго Суда

свое дѣло: тогда другой, и непремѣнно виновный, отъ онаго отказывался; и суду не только не дано силы его принудить къ явкѣ, но ниже права его позвать, или записать и сдѣлать гласнымъ его злонамѣренное сопротивленіе. Такъ желаніе благонамѣренныхъ быть судиму по совѣсти уничтожалося, и ябедники безбоязненно продолжали угнетать безпомощныхъ. Можно утвердительно сказать, что, во все время существованія сихъ судовъ, едва ли десять дѣлъ произведено въ оныхъ надлежащимъ образомъ. Я, четыре года живши въ домѣ совѣстнаго Уфимскаго судьи, видѣлъ, какъ его Алешка, бутузъ, гонялъ со двора несчастныхъ Чувашъ и Мордвовъ, притекавшихъ къ совѣстному правосудію; какъ судія самъ хвасталъ, что въ двѣнадцать лѣтъ его судейства и двѣнадцати дѣлъ не поступило въ судъ. По навѣдываніямъ, въ другихъ губерніяхъ совершалось тоже.

Привиллегіи дворянству и городамъ.

Важнѣйшимъ и точно полезнымъ пожалованіемъ можно бы почесть права̀ и преимущества, дворянству и городамъ данныя, ежели бы мы умѣли читать и понимать. Въ другомъ Европейскомъ народѣ подобныя узаконенія произвели бы неминуемо во всемъ полезныя перемѣны, но Екатерина знала основательно своихъ Россіянъ и твердо была увѣрена, что они не только не воспользуются даруемою свободою устраивать свое счастіе, но не поймутъ ни содержанія, ни силы ея благоволенія, и что она, не отваживая ни малѣйше симъ смѣлымъ поступкомъ своего самодержавія, броситъ пыль въ глаза Европы и обморочитъ потомство. Сіе все въ точности воспослѣдовало: во всѣхъ собраніяхъ дворянства, кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ, никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо. Люди благонамѣренные, съ знаніями и душами, или правительствомъ подъ различными видами устраняемы, или, ежели случались во оныхъ, были заглушаемы кликами черни. Такъ, скажу смѣло, и всякъ благомыслящій меня одобритъ, что у насъ людей со свѣдѣніями весьма немного тогда было, потому что одни лучшіе и достаточнѣйшіе домы чрезъ воспитаніе доставали знанія, что изъ сихъ домовъ наполнялися дворъ, гвардія и важнѣйшія мѣста въ столицахъ, и что въ губерніяхъ таковыхъ особъ было весьма мало; жившее же въ деревняхъ дворянство, по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бывавшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ, съ нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я назвалъ чернью? И сія-то благородная чернь, будучи самая людная, составляла дворянскія собранія!

Надобно отдать Екатеринѣ справедливость, что, въ нѣсколькихъ дворянства съ правителями распряхъ, она принимала сторону дворянъ; но сіи борьбы были маловажны и рѣдки: ибо, по духу рабствованія и невѣжества дворянъ, правители гнули и вертѣли его, какъ податливой тальникъ, во всѣхъ смыслахъ. Вотъ одна изъ истинъ, которая многимъ моимъ соотечественникамъ не понравится; но по совѣсти скажите, выдумалъ ли я ее? Нужны ли вамъ доказательства? Я приглашаю каждаго честнаго и безпристрастнаго человѣка повѣ-

рить строгимъ пересмотромъ собранія ихъ губерній. Впрочемъ настояніе мое о семъ есть совершенно напрасное: собранія сіи, существуя болѣе тридцати лѣтъ *), нисколько не улучшились, т. е. не научились не только болѣе цѣнить общественную пользу или о ней радѣть, но, предавшись повсемѣстному стремленію, также

«всѣмъ торгуютъ,
«да и въ усъ не дуютъ».

Съ сего времяни Екатерина перестала себя слишкомъ принуждать и, въ четырнадцать лѣтъ владычества высмотрѣвши, что народъ Русскій есть самый повадливый и нещекотливый, пустилась наслаждаться всѣмъ, безъ многихъ оглядковъ. Любимцы ея не имѣли до сего никакого важнаго значенія въ правительствѣ: Орловъ, не взирая на то, что онъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-адъютантъ и подполковникъ конной гвардіи, по дѣламъ почти былъ непримѣтенъ, и до того скроменъ, что въ каждый праздникъ ѣздилъ съ утреннимъ, по тогдашнему заведенію, поздравленіемъ ко всѣмъ вельможамъ. Но въ сіе время возсіявшій полный генералъ, графъ и скоро князь Потемкинъ, принявъ во управленіе вообще всю военную часть и особенно гвардіи Преображенскій полкъ, сдѣланъ Новороссійскимъ намѣстникомъ, съ неограниченною властію созидать, разрушать, не даючи въ томъ никому никакого отчета. Сей честолюбецъ, овладѣвши сердцемъ и умомъ своея Государыни, видя, что вельможи, по причинѣ низкости его происхожденія, не уважаютъ его возвышенія, рѣшился и въ короткое время успѣлъ всѣхъ знатныхъ бояръ удалить отъ двора и наполнить оный, гвардію и всѣ важнѣйшія мѣста своими приверженцами. Князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ, по гражданской части былъ истинный визирь, владычествуя самовластно не только въ губерніяхъ, но и въ самомъ Сенатѣ. Описывать дѣянія сихъ двухъ мощныхъ сатраповъ здѣсь не мѣсто; я упомяну о семъ въ свое время; теперь же поставляю нужнымъ сказать нѣсколько о тогдашней нравственности.

Вѣра, не тронутая въ своемъ составѣ, начинала въ сіе время нѣсколько слабѣть: несодержаніе постовъ, бывшее доселѣ въ домахъ вельможескихъ, начинало уже показываться въ состояніяхъ низшихъ, какъ и невыполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ съ вольными отзывами на счетъ духовенства и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами и начавшія выходить въ свѣтъ сочиненія Волтера, Ж. Ж. Руссо и другихъ, которыя читалися съ крайнею жадностію.

Нравы посему же хотя начинали умягчаться, но съ тѣмъ вмѣстѣ и распуста становилась виднѣе. Многія женщины, особливо изъ знатности, имѣли гласныхъ любовниковъ; мужчины въ семъ отъ нихъ не отставали; волокитство, хотя съ тонкостію, шло своимъ чередомъ;..... умножались ненапрасно. Но со всѣмъ тѣмъ публичныя забавницы не смѣли еще являться подъ своею собственною вывѣскою, или по-

---

*) Слѣдовательно Записки писаны послѣ 1815 года. *П. Б.*

мѣщаться въ порядочныхъ обществахъ; никто еще не отважился тщеславиться содержаніемъ дѣвки, кольми паче жить съ нею въ однихъ покояхъ и являть ее хозяйкою. Сіе не только было зазорно, но и подвергало молодаго человѣка отвѣтственности.

Роскошь примѣтна была только у знатныхъ и богатыхъ людей; ибо другія состоянія, не познакомившись еще съ утонченностію сластолюбія и сладострастія, хотя сладко пили, ѣли, щегольски одѣвались, но сіе по тогдашнему времяни не могло составлять важныхъ издержекъ; щегольство же мебелями, экипажами, картинами, истуканами и проч. было еще весьма рѣдко.

Корыстолюбіе, со всѣмъ своимъ племенемъ, единовременное, можетъ быть, всѣмъ человѣческимъ обществамъ, въ невѣжествующемъ народѣ, конечно, имѣло всю свою дѣятельность. Мы имѣли уже въ купеческомъ отдѣленіи своихъ Гарпагоновъ, Каржавиныхъ, Чечулиныхъ; въ подъяческомъ родѣ взяткобраловыхъ, которые, пробившись и въ вышніе степени, не измѣняли своей крови. Таковые были: Терскіе, Ананьевскіе, Бѣльскіе; но самое взяткобрательство было въ тогдашнія времяна весьма еще маловажно, какъ по цѣнѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ: ибо оно по большой части относилося къ тяжебнымъ дѣламъ, гдѣ одна сторона платила, дабы другую раззорить, или къ откупамъ, къ подрядамъ, къ поставкамъ и пр. и пр.; покупкаже чиновъ, мѣстъ, должностей вельми еще тогда была необыкновенна. Правда, получалися и сіи не всѣми законно, но доставляло ихъ одно покровительство вельможей, которыхъ тогда еще не подкупали, да и знакомство съ ними не для всѣхъ было удобовозможно.

Возвращеніе на прежнее.

Возвратившись въ концѣ Іюля въ Москву, я былъ зрителемъ и нѣсколько участникомъ блистательныхъ торжествъ и веселій, которыя описывать, однако, считаю не нужнымъ; ибо въ нихъ, кромѣ обыкновеннаго, ничего не замѣчалося особеннаго. Для сего торжества Императрица пожаловала свою гвардію позволеніемъ облегчиться ей отъ многочисленнаго дворянства, выпускомъ въ армію и отставкою.

Я не пропустилъ случая сдѣлаться всесовершенно свободнымъ, чтобы вести ничтожную жизнь; ибо признаться долженъ, что я испросилъ себѣ увольненіе отъ службы, не имѣя начисто ничего въ предметѣ. Старинный мой знакомецъ г. Острожскій, столкнувшись со мною въ Москвѣ, пригласилъ жить съ нимъ вмѣстѣ, на что я согласился тѣмъ охотнѣе, что сей человѣкъ, не смотря на то, что по навожденію его сажали меня въ Магистратъ, былъ мною всегда любимый, какъ единомысленникъ и сочувственникъ мой. Еще отставка моя не воспослѣдовала, а казна моя была уже истощена; по сему одному соединеніе мое съ г. Острожскимъ сдѣлалося для меня необходимостію. Онъ, продолжая по прежнему адвокатствовать, велъ жизнь почти Петербургскую, т. е. мы ѣли, пили сладко, засыпали весело, не заботясь о будущемъ. Я, напуганный Магистратомъ, въ Москвѣ остерегался заводить долги, и для сего бѣгалъ всѣхъ зна-

комствъ, довольствуясь быть въ сообществѣ поповъ и провождая время въ волокитствѣ за попадьями. Годъ проживши такимъ образомъ и истощившись гардеробомъ, чему одному г. Острожскій не могъ пособлять, я рѣшился наконецъ отъѣхать въ Малороссію. Доброхотные извощики, знающіе моихъ родственниковъ, свезли меня въ Почепъ со всѣми отъ себя издержками.

Опасныя слѣдствія распусты.

Не долженъ пропустить здѣсь происшествія, въ которомъ не отъ меня зависѣло, ежели я не учинился злодѣемъ. По связямъ моего товарища Острожскаго, одинъ изъ его знакомцевъ, Петербургскій Нѣмчинъ Фридрихъ Таубертъ, молодецъ, можно сказать прошедшій сквозь огнь и воду, на ту пору въ Москвѣ бывшій шляпникомъ, сильно мнѣ не нравился за его наглое стараніе обманывать моего товарища. Открывши ясно г. Острожскому его мошенничества, я мало успѣлъ, и г. Таубертъ, умѣя все употребить для своего поддержанія, не поскупился и своею женою.

Къ концу моего въ Москвѣ пребыванія, товарищъ мой все узналъ, да поздно, и Таубертъ открытый, но сдѣлавшій свое дѣло, продолжалъ нахальное свое съ нимъ знакомство, бывая часто у насъ. Онъ столько же на меня злился, сколько и я его ненавидѣлъ; но въ Москвѣ онъ меня устранялся, я его удалялся; а потому враждованіе наше было безъ всякихъ слѣдствій.

Въ день моего выѣзда, товарищъ мой, хозяинъ и еще нѣсколько нашихъ знакомыхъ, вздумали проводить меня до заставы, и когда мы уже готовы были выходить, — вдругъ является на лихомъ извощикѣ и довольно нагрузивши голову Таубертъ, будто бы проститься со мною. Я поцѣловался сухо, садясь на большія дрожки съ хозяиномъ и думалъ, тѣмъ дѣло кончилось. Но, пріѣхавши къ заставѣ въ сумерки, когда мы расположились выпить кой-что привезенное для прощанья, явился между нами, съ обыкновеннымъ своимъ безстыдствомъ, и Таубертъ. Закипѣлъ было я, будучи уже гораздо заполпьяна, но удержанный хозяиномъ, успокоился, продолжая съ нимъ бесѣдовать.— Такъ прошло нѣсколько минутъ, и я хотѣлъ было совсѣмъ распрощаться и ѣхать, какъ, взглянувши въ сторону, вижу, что мой Острожскій, въ хмѣлю весьма неспокойный, споритъ съ Таубертомъ. Воспламенясь снова, подхожу и начинаю тѣмъ, что ударомъ по головѣ Тауберта сшибаю съ него шляпу, подъ видомъ, какъ онъ смѣетъ стоять предъ офицеромъ въ шляпѣ? Онъ бросается на меня, но отъ втораго удара катится къ своимъ дрожкамъ; я, считая бой конченнымъ, обращаюсь къ своей компаніи; сія, торопливо и не прощаясь уже со мною, садится на коней и уѣзжаетъ. Возвращаясь, чтобы найти Острожскаго, вижу опять Тауберта, держащаго что-то свѣтлое въ рукѣ и крадучись подходящаго. Я, обѣжавши тѣнью на его сторону, схватываю его за горло, отнимаю у него старую, обнаженную однакоже шпажонку, бросаю ее въ сторону, тузю его, онъ меня, повергаю его къ моимъ ногамъ, но онъ вывертывается, бѣ-

житъ къ дрожкамъ, садится и уѣзжаетъ; я же, преслѣдовавши его въ темнотѣ, набѣгаю на заборъ и нехотя останавливаюсь.

Постоявши нѣсколько и намѣреваясь уже воротиться къ огню, слышу двухъ разговаривающихъ не очень далеко отъ меня въ правой сторонѣ; прислушиваюсь, отличаю ясно голосъ Таубертовъ, устремляюсь на него; но чувствую себя удерживаема сзади, при словахъ: «куда вы, сударь?» оборачиваюсь; это былъ мой Ванька. Велю ему за собою слѣдовать; въ молчаніи подкрадываюсь къ дрожкамъ и слышу слова: «нѣтъ, не ѣду, не доконавши его»; бросаясь на говорящаго, схватываю его за волосы. Лошадь отъ испугу помчалась; задѣвши меня колесомъ, опрокинула на землю и моего врага, держимаго мною крѣпко за волосы. Для полнѣйшаго наказанія мнѣ желалось имѣть свидѣтелемъ моего товарища. Для сего поверженнаго мною на землю злочинца потащили мы съ Ванькою къ нему. Но по причинѣ темноты сбившись въ поворотахъ, вмѣсто заставы, бывшей отъ меня конечно не далѣе ста шаговъ, я пустился поперекъ поля къ Серпуховской дорогѣ.

Таща и по времянамъ тузя нашего плѣннаго довольно долго и не только не приближаясь къ заставѣ, но видя или, лучше чувствуя себя совершенно въ пустомъ мѣстѣ, я опомнился, бросилъ страдальца и, схватя Ваньку за руку, ударился съ нимъ почти бѣжать. Темнотою однако паки запутанный, отправился я въ лѣво и, шедши болѣе часа около заборовъ и нѣсколькихъ строеній, началъ слышать бой часовъ еще лѣвѣе и скоро, по представившемуся мнѣ огромному строенію съ высокими башнями, догадывался я, что нахожусь у Симонова монастыря. Затрепеталъ я во всемъ моемъ существованіи, сообразя всѣ происшествія сея гибельныя ночи. Собравшись нѣсколько съ мыслями, первое что̀ сдѣлалъ, обратился, чтобъ вѣрнѣе идти къ заставѣ.

Въ тогдашнемъ моемъ нарядѣ и съ моимъ видомъ, всякъ почелъ бы меня разбойникомъ. Испачканный кровью халатъ, изорванная такая же рубаха, растрепанные, дыбомъ стоящіе волосы, почти босый (ибо бывшіе на мнѣ для дороги туфли въ барахтаньѣ потеряны), пробираясь по усталости весьма медленно къ желаемой заставѣ, я размышлялъ съ ужасомъ о всѣхъ происшествіяхъ и боялся болѣе всего, не убитъ ли Таубертъ? Въ семъ треволненіи, при начинавшей свѣтать ночи, увидалъ мой Ванька и показалъ мнѣ идущаго на насъ довольно скоро человѣка, отъ котораго едва увернувшись къ случившемуся тутъ забору, я примѣтилъ, что это былъ мой Нѣмчинъ, выбитый по видимому изъ памяти, направлявшій свои стопы отъ Москвы прямо въ поле. Обрадовавшись неимовѣрно, что буйство мое не сотворило меня убійцею, я попустилъ ему удалиться и, отошедши нѣсколько отъ того мѣста, сѣлъ отдохнуть. Звонъ въ Москвѣ къ заутренямъ поднялъ меня въ походъ, и я съ великою нуждою на зарѣ прибился къ постоялымъ дворамъ, находящимся у заставы, гдѣ нашелъ извощиковъ моихъ, выпрягши лошадей, спящихъ; товарища же моего въ моей повозкѣ храпящаго. Разбудивши всѣхъ, пока запрягли коней, я пересказалъ Острожскому все мое похожденіе; потомъ, простясь съ нимъ, пустился печально въ мой путь.

Вотъ происшествіе, котораго я никогда не могу вспомнить безъ содроганія и не знаю самъ, почему оно такъ тяжело лежитъ на моей душѣ; развѣ потому, что я точно былъ обидчикъ и сея обиды никогда ничѣмъ на загладилъ? При воспоминовеніи гораздо важнѣйшаго побоища, какъ будетъ сказано ниже, я гораздо бываю равнодушнѣе; можетъ быть потому, что тутъ и мнѣ досталось препорядочно, и обиды заплачены по возможности.

Мать моя искренно обрадовалась моему возвращенію и отъ радости плакала, видя меня при золотомъ темлякѣ. Обстоятельства мои между тѣмъ были самыя хлопотливыя. Мать, для выкупа меня изъ Магистрата, принуждена была не только все скопленное издержать, но многое продать или заложить, такъ что, по возвращеніи моемъ въ Почепъ, я нашелъ мое имѣніе состоящее въ одномъ огромномъ, но пустомъ городскомъ домѣ, въ плохой мельницѣ и въ нѣсколькихъ семьяхъ крѣпостныхъ людей. Къ тому, вотчимъ мой на меня гнѣвался, и зять сердился, такъ что мнѣ и пріютиться было негдѣ. Другой на моемъ мѣстѣ тихостію, угожденіемъ, старался бы сіе неблагопріятствованіе исправить, что̀ и не вельми затруднительно было; но моя буйная голова придумала со всѣми ссориться, бороться и начало сему учинила, помѣстивши меня въ пустомъ домѣ.

Какъ люди мои, по причинѣ нашего всегдашняго въ дѣтствѣ житья въ домѣ вотчимовомъ, жили и въ сіе время у него же, а нѣкоторые у сестры, я тотчасъ рѣшился перезвать ихъ къ себѣ; но, учинить сего добрымъ порядкомъ не могши, увидѣлъ я явившихся ко мнѣ однихъ мужчинъ безъ женъ и дѣтей; отъ сего жилище мое походило на запорожскую сѣчь. 18 человѣкъ мужчинъ и ни единыя женщины, не имѣя ни основательнаго содержанія, ни должнаго занятія, всегда праздные, часто пьяные, не воспящаемые ни въ какихъ шалостяхъ, скоро стали страшны всему городу.

Ежелибы описывать всѣ дѣянія, учиненныя мною въ сей бѣдственный годъ, можно бы ими наполнить нѣсколько тетрадей. Все то, что̀ буйная распуста имѣетъ отвратительнѣйшаго и порочнѣйшаго, производимо было мною безъ малѣйшаго зазрѣнія. Ни чинъ, ни лѣта, ни родство, ни знакомство, не защищали никого отъ моего буйства. Дюжій самъ по себѣ и подкрѣпляемый 18-ю забіяками, на что я не отваживался? Сколько разъ я былъ близокъ сдѣлаться убійцею и убитымъ, что̀ особенно хочу изъяснить въ приключеніи монастырскомъ.

Острожскій, пріѣхавши по своимъ дѣламъ въ Стародубъ, вздумалъ посѣтить меня въ Почепѣ. Что отпраздновали мы съ нимъ нѣсколько Діонисіякъ со всѣми принадлежностями, сіе само собою разумѣется. На одной изъ нихъ случился подгороднаго Костянскаго монастыря строитель, чернецъ во всемъ смыслѣ. Знакомство и пріязнь свести ничто не препятствовало. Приглашеніе посѣтить святаго отца въ его кельѣ принято безъ прекословія, и на выполненіе онаго провожаніе пріятеля стало предлогомъ.

Въ ясный осенній день, послѣ обѣда, на тройкѣ удалыхъ, съ тремя залетными молодцами, отправился я провожать гостя. За обѣдомъ и при выѣздѣ выпито было, видно, порядочно; поелику я, прибывши въ

обитель, едва могъ различать предметы. На бѣду, товарищъ мой въ хмѣлю былъ одинъ изъ задорнѣйшихъ; а тутъ случился въ гостяхъ какой-то панокъ, съ которымъ у Острожскаго моего скоро начался диспутъ, а тамъ и сраженіе.

Я, богословствуя съ отцемъ-смотрителемъ, былъ въ самомъ дружескомъ расположеніи; но, увидѣвши моего друга, какъ и въ Москвѣ обижаема, бросился на несчастнаго его противника и, однимъ ударомъ кулака сразивши съ ногъ и лишивши его памяти, готовился топтать ногами. Строитель и двое собесѣдовавшихъ монаховъ кинулись меня удержать. Тутъ, закипѣвъ отъ ярости, я самъ не знаю въ точности, что́ происходило. По разсказамъ же людей и монаховъ, у отца-эклезіарха съ перваго моего размаху бурая будто отгорѣла; у отца-строителя два зуба пошатнулись. Люди мои, услышавши драку, ворвались въ монастырь, и тутъ уже началося настоящее побоище. Я, разогнавши монаховъ по саду и явившись неожиданно между убійцами на монастырѣ, встрѣченъ былъ всѣмъ, что́ только служкамъ попадалося въ руки, изъ которыхъ одна вещица, видно довольно полновѣсная, растворивъ мнѣ на двое лобъ, столкнула на землю; и людямъ моимъ, также избитымъ, не осталось инаго дѣлать, какъ спасать мое великотѣлесіе; почему, вытащивши меня кой-какъ за монастырскіе вороты и вваля въ повозку, отправились въ городъ.

Проспавши мертвымъ сномъ до утра, я содрогнулся, приведя на память происшествіе вчерашняго дня, и по вопросамъ объ окончаніи сраженія почти на вѣрное полагалъ кого-нибудь убитымъ. Но милость Божія явилась еще на мнѣ: посланный для освѣдомленія возвратясь донесъ, что безбородыхъ, беззубыхъ, съ переломанными боками и ребрами находилось довольно; но убитыхъ, даже тяжело раненныхъ, ни одного. Сіе доставило мнѣ нѣкоторую отраду, хотя посолъ мой пересказывалъ притомъ, что святые отцы сочиняютъ на меня жалобницу и грозятся ничего не пожалѣть для обнаруженія моего разбойничества.

Вечеромъ, съ завязанною головою, въ сотоварищестованіи одного извѣстнаго законника, пустился я въ обитель для утушенія сего дѣла. Затрудненій представили очень много; но стараніемъ и убѣжденіями искуснаго моего адвоката все пошло гораздо лучше, нежели я думалъ, особенно когда я показалъ на моей офицерской башкѣ преогромный провалъ. Окончилось все порядочною вечерею, за которою я, по великодушію, монастырю поднесъ на молитвы нѣсколько осмачекъ гречихи и раненымъ нѣсколько рублей. На другой день я отправился лѣчиться въ Стародубъ, а монахи вылѣчились, какъ знали, дома. Такъ кончился одинъ изъ гибельныхъ моихъ подвиговъ, гдѣ явнымъ милосердіемъ Божіимъ удержано смертоубійство. Послѣ сего, истощенный во всемъ, я принужденъ былъ вести жизнь гораздо тишайшую, хотя не добродѣтельнѣйшую.

1776 годъ въ жизни моей есть одинъ изъ достопамятнѣйшихъ тѣмъ, что отъ буйства моего въ семъ году лилися слезы и нѣсколько кровь моихъ братій, чего ни до того, ни послѣ почти никогда уже не случалось. Я самъ себѣ удивляюсь, когда подумаю, какъ могъ я тогда

сдѣлаться столько жестокосердымъ. По природѣ моей не только бить самому, но и видѣть наказанія, было всегда и есть теперь тягчайшее для моея души. Какъ справедливо написано: «въ порокахъ и злодѣяніяхъ первый шагъ нѣсколько затруднителенъ!» Какъ, шагнувши разъ, всякъ быстро потечетъ ко злу! А возвратъ? Сколько рѣдокъ, столько и труденъ.

Говори, пой, кто хочетъ, обманывай несчастныхъ смертныхъ, будто человѣкъ по природѣ ни худъ, ни добръ, тѣмъ и другимъ дѣлается по воспитанію; но, взойдя всякъ въ безпристрастное розысканіе своихъ дѣяній и чувствованій, не долженъ ли будетъ по совѣсти признаться, что онъ всегда открываетъ въ себѣ болѣе наклонности ко злу, нежели къ добру? Самое лучшее, бдительнѣйшее, по истинной философіи учрежденное воспитаніе куда направляетъ все свое вниманіе и тщаніе? Не къ воспрепятствованію ли усилиться худымъ влеченіямъ дитяти, а не ко усиленію добрыхъ? Дитя, еще у сосцовъ матери, какъ скоро начинаютъ его члены дѣйствовать, тотчасъ все попадающееся въ его ручонки любитъ рвать, истреблять, терзать. Попустимъ сіе его несмыслію; но двугодичный младенецъ, понимающій уже съ нимъ говорящихъ, умѣющій самъ изъяснять свои надобности, къ чему болѣе являетъ наклонность: созидать, питать, или разрушать и истреблять? Кто болѣе и охотнѣе мучитъ несчастныя слабыя творенія, какъ не дѣти? Съ самыхъ сихъ лѣтъ до возмужалости, наставники, учители, чѣмъ болѣе заняты касательно своихъ питомцевъ, утвержденіемъ ли ихъ въ добрѣ, или удаленіемъ отъ зла? Представимъ разительнѣйшія доказательства. Пустимъ въ свѣтъ двухъ 18-и лѣтнихъ юношей, съ одинакими сколько можно, душевными и тѣлесными качествами, изъ коихъ бы одинъ былъ воспитанъ по строжайшимъ правиламъ Ж. Жака или Жанлисы, а другой только наученный слегка грамотѣ. Перваго, какъ достаточно наставленнаго въ знаніи зла, со всѣми проистекающими отъ него бѣдствіями, и добра, съ доставляемымъ отъ него благоденствіемъ, попустимъ жить, безъ всякаго надзора; другаго же, какъ истиннаго невѣжду, подчинимъ власти надежнѣйшихъ наставниковъ. Пять лѣтъ достаточны для опыта; и вы увидите, что первый едвали удержитъ четверть пріобрѣтеннаго добра, а другой едвали столько потеряетъ зла; и оба навѣрное научатся лицемѣрить. «Изъ всего въ природѣ ужаснаго человѣкъ есть ужаснѣйшее».

Буйная моя Почеповская жизнь истощила окончательно всѣ средства къ моему въ Малороссіи существованію. Домъ, мельница и вся худоба перешли къ другимъ. Въ такой крайности, иной на моемъ мѣстѣ по необходимости поискалъ бы у родственниковъ, которые точно готовы были мнѣ помочь, даже зять самъ заговаривалъ о примиреніи; но своеволіе, наполнявши всю мою душу, направило мои мысли къ такому предпріятію, которое одинъ злѣйшій мой врагъ могъ бы только мнѣ присовѣтывать.

Я рѣшился ѣхать въ Санктпетербургъ, не имѣя ни средствъ там себя содержать, ниже какой-либо надежды улучшить мое положеніе службою или опредѣленіемъ къ какому мѣсту. Бѣдная моя мать, тер-

пѣвши много отъ моихъ безпутствъ, хотя о семъ никогда на меня не роптала, согласилась на мое бѣдственное предпріятіе, уловленная моими лживыми обѣщаніями, что я ѣду точно для опредѣленія себя въ службу.

Сіе послѣднее мое разставанье съ Малороссіей совершалося въ Февралѣ 1777 года. Бѣдная кибитчонка, пара плохихъ лошаденокъ потащили меня кой-какъ, въ сотовариществаніи одного Степушки, въ градъ Смоленскъ. Сей путь я нарочно избралъ, какъ болѣе соотвѣтствующій моей казнѣ и на которомъ мое плохое состояніе менѣе подвергало оскорбленію мое самолюбіе.

Дорога на наемныхъ, по лѣсамъ Смоленскимъ и болотамъ Псковскимъ, при роздыхахъ и ночеваніи въ бѣдныхъ избушкахъ, вельми была не на мой Сибаритскій вкусъ; но перемѣнить сего было нечѣмъ, и я въ три недѣли насилу дотащился до Санктпетербургской Ямской.

Расплатившись съ извощикомъ, по справкѣ—казны моей боярской осталось у меня на лицо 35 р., въ вещахъ ничего важнаго, одежды и бѣлья сотни на три. Не выходя еще изъ Ямской и невольно обратиши взоръ на мое положеніе, я видѣлъ себя уже на валахъ бурнаго Сенктпетербургскаго моря, безъ малѣйшей надежды не только плавать по оному безопасно, ниже возвратиться вспять.

Я всегда предчувствовалъ бѣдствія и напасти, мнѣ случавшіяся; но избѣгать ихъ никогда не могъ, какъ бы насильно увлекаемый злымъ демономъ. По совершеніи несчастія, разсматривая обстоятельства ему предшествовавшія, всегда открывалась при нихъ возможность увернуться отъ бѣды, и иногда такъ, что одинъ только шагъ въ сторону, или одна коротенькая записочка все дѣло могла бы поправить; и я, почти увѣренный въ томъ, шелъ однако къ разверзшейся предо мною пропасти. Во всѣхъ моихъ несчастіяхъ, сколько мнѣ ихъ ни случалось, хотя по строгому розысканію, я ни одного по справедливости не заслужилъ; но во всѣхъ же однако я самъ и одинъ былъ виною, что оныхъ не избѣгъ: ибо по совѣсти не могу сказать, чтобы оныя были часто нападки злой судьбы. Къ оправданію или, лучше, къ утѣшенію моему, не нахожу иного сказать какъ: въ сихъ случаяхъ я былъ предопредѣленный Турокъ.

Не умѣвши въ мое первое пребываніе въ Санктпетербургѣ составить порядочныхъ знакомствъ, въ теперешнее я и надежды уже не имѣлъ къ тому; ибо всякъ бывалый въ столицахъ знаетъ, сколько для бѣдняка трудно дѣлать знакомства съ порядочными людьми, которые обыкновенно, преобременены будучи своими собственными дѣлами, нуждами, весьма неохотно составляютъ новыя знакомства. Наоборотъ, сколько сіи трудны, столько ничтожныя, ведущія часто къ гибели, часты и легки; такъ что на пріобрѣтеніе знакомства одного порядочнаго человѣка иногда потребно нѣсколько мѣсяцевъ, ничтожныхъ же нѣсколько десятковъ составишь въ одинъ день, съ тою еще странностію, что въ первыхъ, кромѣ стараній, всегда открываются затрудненія, другія же безъ малѣйшихъ попеченій ладятся и будто сами собою клеятся, улаживаются. Все сіе случилося со мною самимъ, слѣдовательно и извѣстно мнѣ изъ собственныхъ опы

товъ. Чтобъ сблизиться съ почтеннымъ, умнымъ, добрымъ землякомъ г-мъ маіоромъ Вербицкимъ, при одобреніи меня ему стариннымъ его другомъ г. Адреянопольскимъ, я въ годъ не болѣе успѣлъ, какъ могъ только посѣщать его свободно; но удостоиться быть его приснымъ никакъ не могъ. Въ три года теперешнія моея жизни въ Санктпетербургѣ, кромѣ г. Вербицкаго и Фродинговъ, какъ моихъ по женѣ родственниковъ, я не имѣлъ почти никакого больше порядочнаго знакомства; но ничтожныхъ и устроившихъ мою погибель, точно не искавши ихъ, столько состроилъ, что перечесть всѣ было бы для меня немалымъ затрудненіемъ.

Сколько ни былъ я однако распутенъ, но прежніе опыты и офицерскій чинъ удерживали мое стремленіе безпутствовать по прежнему. Трактировъ конечно я не оставлялъ; ибо гдѣ же я могъ существовать? Но первое, я не бывалъ уже никогда въ самыхъ низкихъ, гдѣ всѣ подлости отправлялись; первоклассные рѣдко посѣщалъ, поелику они были не по моему карману; въ среднихъ велъ себя съ нѣкоторою пристойностію, занимаясь послѣ обѣда или коммерческими играми на небольшія деньги, или биліярдомъ, или бесѣдованіемъ съ знакомыми. Отъ.... по жизни моей Малороссійской отвыкши, не могъ уже никогда къ нимъ обратиться, чему не мало препятствовало и небольшое волокитство.

Сія ничтожная жизнь продолжалась почти чрезъ весь 1777 годъ, котораго послѣдній мѣсяцъ достопамятенъ по происшествію, доведшему меня до женитьбы. Человѣкъ немолодый, толстенькій, весельчакъ и довольно не дуракъ, имѣвшій прежде въ Санктпетербургѣ три каменныхъ дома, по художеству своему, какъ ювелиръ, знакомый съ лучшими домами, посему видѣвшій для себя лучшіе дни, къ концу пятаго десятка лѣтъ своей жизни, разными случаями обѣднявшій и почти потерявшій зрѣніе, кормился, адвокатствуя по маловажнымъ дѣлишкамъ, а вечера провождалъ въ трактирахъ, куря табакъ, запивая пивомъ, иногда составляя партію въ пикетъ или калавріасъ. Сей человѣкъ, душа, можно сказать, Нѣмецкія трактирныя бесѣды, по любезности своихъ свойствъ, полюбился мнѣ, какъ и я ему. Наканунѣ 1778-го года, засидѣвшись мы съ нимъ въ Рижскомъ, вздумали тутъ встрѣтить новый годъ чашею пунша, окончивши который и вышедши на улицу, услышали, что бьетъ два часа по полуночи. Я, имѣя квартиру далеко, невольно молвилъ: «спать хочется, идти мнѣ неблизко, я готовъ на улицѣ лечь». На сіе Фродингъ сдѣлалъ мнѣ самое, по времяни, пріятное предложеніе у него ночевать, прибавивъ, что его квартира не далѣе 50 шаговъ. Жилище его было въ Валящевѣ домѣ, въ четвертомъ этажѣ, двѣ порядочныя горницы, наполненныя всякою домашнею Нѣмецкою утварью, небогатою, но опрятною. Вошедши хозяинъ сказалъ мнѣ, что жена его и дочь гостятъ у пріятеля подъ Невскимъ; приказалъ работницѣ приготовить на софѣ постель, въ которой я весьма покойно проспалъ до девяти часовъ утра. Вставши и позавтракавши довольно весело, я собирался домой; но, смотря на улицы, наполненныя праздничнымъ народомъ, раздумье мною овладѣло, что примѣтивъ хозяинъ

предложилъ день провесть вмѣстѣ въ совершенной вольности. Работницѣ приказано готовить обѣдъ, а сами мы занялись пикетомъ. Въ продолженіи игры, какъ я сидѣлъ спиною ко двери и обратилъ все свое вниманіе въ карты, вдругъ является между нами молоденькая Нѣмочка, которая, сдѣлавши весьма проворно два книксена, говоритъ Фродингу понѣмецки: «здравствуйте любезный братецъ, гдѣ сестрица и Анхинъ?—О! это ты Лорхинъ; поцѣлуй меня: откуда ты взялась?—«Мы съ матушкой пріѣхали къ Леману, и она меня отпустила съ вами повидаться».—Садись подлѣ меня, посмотри на нашу игру; не хочешъ ли кофію? Вели сварить.—«Картъ я, любезный братецъ, не знаю; а кофіемъ насъ у Лемана подчивали».—Въ продолженіи сего разговора, я, сложа карты, разсматривалъ гостью. Пятнадцати-лѣтняя, бѣленькая, какъ фарфоръ, съ голубыми глазками дѣвочка, по малому росту довольно стройная, по взорамъ и всѣмъ движеніямъ истинная невинность, по бѣленькому Англинскому съ зеленымъ тафтянымъ передникомъ платьицу, весьма опрятно одѣтая, рѣзвая и веселая по отвѣтамъ на братнины шуточки.

Мало еще тогда знавши Нѣмецкой языкъ, я не вмѣшивался въ разговоры, но смотрѣлъ съ удовольствіемъ, и сердце, кажется, какъ бы сжималось во мнѣ. На меня глядѣла она безъ малѣйшаго замѣшательства. Побывши съ полчаса, она удалилась, обѣщавши на приглашеніе братнино чаще посѣщать.

По выходѣ ея, Фродингъ сказалъ мнѣ, что это меньшая его сестра отъ втораго супружества отцовскаго, которыхъ всѣхъ три и одинъ братъ, теперь находящійся въ Остъ-Индіи; что изъ нихъ двѣ дѣвушки и ихъ мать живутъ у старшей замужней на Рукѣ.

Проведши день по сказанному, вечеромъ отправились мы въ трактиръ, гдѣ и разстались. Возвратясь домой, я со удивленіемъ примѣтилъ, что дѣвушка появлялася частехонько въ моихъ мысляхъ; на другой день тоже. На третій день, увидавшись съ Фродингомъ, я завелъ рѣчь о моемъ у него гощеніи и какъ пріятно провели мы время. Онъ, по истинной добротѣ своего сердца, пригласилъ меня снова у него ночевать, сказавши, что жена его и дочь еще не возвратились; я охотно принялъ его предложеніе. Ночь прошла по прежнему, но день не такъ.

Гостья не бывала; вечеромъ же, когда мы готовы были выдти, вдругъ явилась хозяйка съ дочерью, чѣмъ и остановлены мы на нѣсколько. Она, узнавши отъ мужа обо мнѣ, осыпала меня учтивостями за сотоварищество ея мужа; просила и при ней не прерывать онаго, вытребовала настоятельнѣйшее мое согласіе назавтрѣ же пить у нея кофій, все сіе изъяснила чистымъ Русскимъ языкомъ, съ самыми свѣтскими пріемами.

Г-жа Фродингъ была женщина лѣтъ 40, здоровая, бѣлая, полная, живая, съ бѣглымъ взоромъ; дочь ея, брюнета лѣтъ 15-ти, при родителяхъ молчалива, но мимо ихъ рѣзвая до дерзости и огненная. На другой день, бывши на завтракѣ и обласканный болѣе ожиданнаго, я свелъ съ сею семьею тѣснѣйшее знакомство: съ моей стороны, кромѣ истиннаго удовольствія отъ сего знакомства, въ чаяніи уви-

дѣться еще съ Лорхинъ, которую я не забывалъ; со стороны госпожъ, въ надеждѣ, которой я даже не подозрѣвалъ; со стороны добраго Нѣмца, по чувствованію ко мнѣ искренней привязанности.

Посему я бывалъ въ семъ домѣ во всѣ часы дня, часто проваживалъ вечера и иногда ночевалъ. Мать и дочь, каждая для себя, были ко мнѣ весьма благосклонны, за что я платилъ небольшими, какъ водится, услугами, неважными подарочками, недальнымъ иногда катаньемъ и пр. Такъ повелъ я мою жизнь въ началѣ 1778 года, хотя въ совершенной праздности и ничтожествѣ, но счастливъ тѣмъ, что нечувствительно отставалъ отъ трактировъ;.... же омерзѣли мнѣ до того, что уже у нихъ никогда не бывалъ.

Въ одинъ изъ первыхъ дней масляницы, г-жа Фродингъ пригласила меня непремѣнно у себя обѣдать, для пріѣхавшаго изъ Москвы ея брата, долженствовавшаго у нея тогда быть. Пріѣхавши ранѣе гостей, я имѣлъ удовольствіе найти тутъ любезную Лорхинъ, которая привѣтствовала меня, какъ знакомаго, сѣла подлѣ меня безъ чиновъ, стараясь войти со мною въ разговоръ; но по незнанію ею Русскаго, а мною Нѣмецкаго языка, бесѣдованіе шло болѣе на пантоминѣ. Хозяина не было дома, хозяйки занимались приготовленіями праздника, слѣдовательно оставляли насъ въ совершенной свободѣ. Простосердечная живость и любезность собесѣдницы моей занимали меня весьма пріятно, чему особенно помоществовали неправильно выговариваемыя ею Русскія, а мною Нѣмецкія рѣченія. Она силилась мнѣ объяснять, и я довольно понялъ, что матушка отпустила ее въ городъ на всю масляницу къ брату, что она очень сему рада и что я долженъ въ это время учить ее говорить порусски; а она тоже бралась дѣлать для меня на своемъ языкѣ. Я тутъ на опытѣ узналъ, что любящіеся нѣмые могутъ другъ друга понимать. Въ самомъ жару нашея бесѣды, появился офицеръ, родомъ Лифляндецъ, по названію Бауманъ, сослуживецъ и знакомый мнѣ еще въ полку. Съ перваго шагу я увидѣлъ, что онъ тутъ не чужой; хозяйка и дочь съ ласковостію пѣняли ему, что онъ давно у нихъ не бывалъ. Лорхинъ, дѣлая книксенъ, покраснѣла; онъ, сказавши мнѣ слова два, сѣлъ по другую сторону моея собесѣдницы и вмѣшался въ нашъ разговоръ. Выгода вся могла быть на его сторонѣ, поелику онъ заговорилъ понѣмецки; но къ отрадѣ моей примѣтилъ я, что отвѣчали ему односложно и старались преимущественнѣе возобновлять прежній нашъ разговоръ. За обѣдомъ, послѣ обѣда, словомъ, весь день до десяти часовъ, я былъ въ полномъ удовольствіи, не взирая на Баумана, хозяйку и Анхинъ, завидовавшихъ сему сближенію.

По выходѣ изъ гостей, Бауманъ сдѣлалъ мнѣ странное предложеніе быть у Лорхинъ его стряпчимъ, открывшись при томъ, что онъ уже около года въ нее влюбленъ, но сказать того ей не умѣлъ. Сколько мнѣ ни извѣстна была его ограниченность, но подобная искренность заставила меня сказать ему сухо, что не только не могу быть его помощникомъ въ соблазненіи сея невинности, а постараюсь всевозможно до того не допустить. На сіе Бауманъ увѣрялъ меня, что онъ хочетъ имѣть ее женою и что онъ, по просту сказать,

дѣлаетъ меня сватомъ. По нѣсколькихъ переговорахъ, я согласился сдѣлать ему угодное, не даючи слова успѣть, хотя и искренно думалъ поступить въ семъ случаѣ честно: ибо соблазнять ее душа моя сопротивлялась, а жениться на ней все запрещало. И такъ я думалъ повесть сіе дѣло со всею честностію, хотя на повѣрку совсѣмъ вышло другое.

Съ Русской до Нѣмецкой масляницы видаясь ежедневно, мы такъ сладились съ Лорхиною, что уже умѣли не только другъ друга понимать, но и довольно занимательно для себя дѣлили наше время. Послѣ Нѣмецкой масляницы, ѣдучи на Руку, обѣщала она мнѣ возвратиться къ Воскресенью и слово свое сдержала. Старая и молодая Фродинги не очень были симъ довольны; но я умѣлъ всѣхъ успокоить, и любезная Лорхинъ прожила съ нами сряду двѣ недѣли. Въ сіе время я заговаривалъ нѣсколько разъ о Бауманѣ, правда, слегка; отзывы однакоже были для него весьма неблагопріятны, а можно сказать, съ моей стороны приступы не очень настоятельны. За симъ воспослѣдовавшее отбытіе на Руку было продолжительно, и я, оставшись во власти госпожъ Фродинговъ, претерпѣлъ насиліе отъ старой и едва отдѣлался отъ молодой, разумѣется, подстрекаемый бѣсомъ плоти.

При возвращеніи Лорхины, роля моя стала самая трудная: она, съ истинною невинностію ко мнѣ прилѣпленная, старуха ненасытимая, молодая наглая, не оставляли мою душу ни на часъ въ покоѣ. Тогда я вздумалъ было нешуточно сдѣлаться сватомъ: началъ чаще говорить о Бауманѣ, открылъ его намѣреніе госпожѣ Фродингъ, обѣщавшей съ радостію сему помогать; сказалъ слегка о томъ же Анхинѣ, но самому Фродингу ни слова. Отъ сего дано мнѣ болѣе свободы уединяться съ Лорхиною; не стали за нами примѣчать, и я, въ одинъ вечеръ, будучи съ нею глазъ на глазъ, открылъ ей важно намѣреніе Баумана, пересказалъ его состояніе и силился всевозможно внушить ей выгоды отъ супружества съ нимъ.

Я витійствовалъ о семъ довольно долго, сидя на канапе; она предо мною стояла, не прерывая меня ни однимъ словомъ, и когда я былъ въ самомъ жару разглагольствованія, вдругъ вижу, она бросается ко мнѣ и, обхватя крѣпко мою шею своими ручонками, удушаемая рыданіями, съ нуждою выговариваетъ: «Ахъ! Я думала, вы меня себѣ берете». Болѣе сего она не могла ни слова вымолвить; и я, пораженный сими милыми реченіями, какъ заклинаніемъ, онѣмѣлъ, оставшись въ совершенномъ безчувствіи на нѣсколько минутъ. Видя ее неутѣшно плачущую, я приложилъ все мое стараніе ее успокоить, но тщетно; самое мое обѣщаніе не говорить болѣе о Бауманѣ нисколько не помогало: она плакала и молчала, съ чѣмъ я ее и оставилъ. Вышедши изъ дому, хотя былъ уже десятый часъ ночи, и бродя по улицамъ, я чувствовалъ страшную и никогда еще мною неиспытанную внутреннюю борьбу: голова моя сколько ни была пуста, умѣла однако себѣ довольно ясно представить всю несообразность для меня супружества; сердце же, при всемъ своемъ развратѣ, весьма сильно заступалось за любезную, предначертывая тысячи удовольствій отъ

соединенія съ невинностію; словомъ, кто-то умнѣе меня, будто подслушавши, написалъ, гораздо послѣ мое бореніе:

Разсудокъ мнѣ велитъ:
Себя ты не губи;
А сердце все твердитъ:
Пожалуй, другъ, люби.

Прбродивши за полночь, казалось, удалая взяла верхъ; и положивши, какъ бы умненько отдѣлаться, я пошелъ спать къ себѣ на квартиру, не бывавши уже въ ней болѣе недѣли. Проснувшись, голова и сердце продолжали ссориться, и я чувствовалъ, что удалая слабѣетъ. Намѣреніе, наканунѣ родившееся, чтобы по меньшей мѣрѣ три дня не быть, подкрѣпляемое тогда благоразуміемъ, по утру нашлося почти совершенно изъ мозгу вытѣсненнымъ. Сердце предложило благовидное посредство: увидѣться еще единожды, для того единственно, чтобы успокоить страждущую хотя отдаленною какою-нибудь надеждою и потомъ исподоволь приготовить себѣ отступленіе.

Страдалицу нашелъ я точно въ жалкомъ положеніи: она приготовлялась ѣхать къ матери и осталась, по ея словамъ, только для того, чтобы меня еще увидѣть. Признаюсь, что любви къ ней такой, какъ описываютъ ее въ книгахъ, или какъ выдаютъ въ людяхъ, я точно не имѣлъ, ежели не почесть того за любовь, что я желалъ бы съ нею быть, хотя непрестанно, ласкать и быть ласкаему, дѣлать ей все угодное, особенно удовлетворять ея нужды или прихоти и пр., что̀ я бы охотно дѣлалъ даже для моего любимаго друга; но видѣть ее скорбящую, плачущую, сіе выталкивало меня изъ моего обыкновеннаго положенія, и я искренно готовъ былъ тогда всѣмъ жертвовать, чтобы только утѣшить страждущую, особенно же не быть виною ея страданій. Успокоивая, неминуемо я просилъ остаться хоть отобѣдать, получивши на что согласіе, само собою разумѣется, что я не жалѣлъ ни ласканій, ни обнаруживаній. Такъ усиливая болѣе и болѣе мои ласки, я нечувствительно становился самъ нѣжнѣе; и когда во изліяніи своея души, съ истиннымъ ангельскимъ простосердечіемъ, пересказывала она мнѣ постепенность ощущеній своего сердца, я, не властенъ будучи удержать движенія моего сердца, прижавъ ее къ моей груди, сказалъ:—«Будь, Лорхинъ, покойна; я обѣщаюсь быть вѣчно твоимъ».

Сей вечеръ былъ, можетъ быть, одинъ изъ сладостнѣйшихъ въ моей жизни. Поѣздка на Руку отмѣнена до утра; утро снова отдалилось до другаго. И такъ цѣлую недѣлю мы наслаждались другъ другомъ, болѣе во взаимномъ сообщеніи нашихъ душъ, нежели въ пріисканіи средствъ оныя упрочить. Занятые совершенно собою, мы забыли осторожность, и потому хозяйка очень легко открыла наше согласіе и не преминула тотчасъ воздвигнуть на насъ гоненіе. Женщина, озлобленная потеряніемъ того, что̀ льстило ея тщеславію или насыщало ея любострастную прожорливость, превращается въ самаго лютаго дьявола и, въ недостаткѣ способовъ мучить ненавидимый предметъ, пущается въ мелочныя, подлѣйшія притѣсненія. Такъ преобре-

менивъ бѣдную Лорхинъ самыми обидными ругательствами, почти выгнала изъ дому братняго и, не удовольствовавшись еще тѣмъ, успѣла на Рукѣ воздвигнуть страшную противъ ея бурю. Гнусный зять и злая старшая сестра, враги заклятые всему Русскому, не поскупились ни словами, ни дѣяніями, могущими терзать чувствительную душу. Въ семъ для любви нашей безвремяньѣ, при семъ семейственномъ недоброхотствѣ, знать, средняя сестра и братъ Фродингъ одни были наши друзья. Матери, старушкѣ за 70 лѣтъ, по счастію я понравился; сестра находила меня сноснымъ; братъ, казалось, еще усилилъ свою ко мнѣ любовь. Но сообщенія наши, даже свиданія, по злобѣ госпожъ Фродингъ, стали весьма затруднительны; такъ что, для выполненія нашихъ жарчайшихъ взаимныхъ желаній, мы принуждены были искать посторонней помощи и къ счастію, жившй въ томъ же домѣ Нѣмецкаго парикмахера Буши, убогая комната сдѣлалася нашимъ пристанищемъ. Бывавши по нѣскольку часовъ ежедневно съ глазу на глазъ, молодые любящіеся неотмѣнно пройдутъ по любовной дорогѣ гораздо далѣе всѣхъ строгихъ заповѣдей нравственности...

Люди привыкли говорить о дѣвицахъ: невинна, невинность, до нхъ замужества. Но, входя въ разсматриваніе сего обыкновенія, я скажу: ежели невинность принимается за одно съ цѣломудріемъ, то честная жена съ умнымъ мужемъ по смерть свою можетъ пребыть невинною. Такъ писали и представили много важныхъ доказательствъ примѣрами славные писатели. Я, не знавшись тогда еще съ подобными сочинителями, по моему, можетъ быть, внутреннему побужденію, ненарочно набрелъ на правила, которыя оправдали напослѣдокъ сіе мнѣніе.

Жена моя, воспитанная въ бѣдномъ, но честномъ Нѣмецкомъ семействѣ, подъ неизмѣннымъ назираніемъ матери, не знавшая не только Русскихъ нравовъ, ниже ихъ разговора, плохо читавшая на своемъ языкѣ, а писать почти не умѣвшая, доставшись мнѣ почти 15-ти лѣтнею, точно была дщерь природы. По счастію, я самъ, хотя всесовершенно распутству преданный, никогда не могъ терпѣть женщинъ похабныхъ и никакъ не пріучилъ себя, чтобы обходиться съ ними безстыдно. Отъ сего, съ самаго начала, примѣтивши въ любезной Лорхинъ безпримѣрную стыдливость, я не только не попекся ее истребить, но приложилъ напротивъ все мое стараніе ее питать и поддерживать, сколько можно долѣе. И я могу безъ хвастовства утверждать, что жена моя, проживши со мною 14 лѣтъ, родивши 9 дѣтей, отошла въ вѣчность, не осквернивъ ни сердца своего, ни головы никакими мерзостями.

Женитьба моя, составленная безъ всякихъ видовъ и цѣли, не учинила въ моей жизни нисколько значущей отмѣны, кромѣ того, что я началъ имѣть квартиру покойнѣе, ежедневный свой обѣдъ. Впрочемъ я жилъ по прежнему, т. е. проводилъ всѣ дни въ совершенномъ бездѣліи; вечера же въ трактирѣ, не думая нисколько о будущемъ. Такъ безпечно спущался я къ роковому перевороту моея жизни.

Приближившись теперь къ самому важному приключенію моея жизни, т. е. къ роковому перевороту, чрезъ который сталъ выгнанъ изъ общества, лишенъ всего моего и, можно сказать, живой погребенъ,

принужденнымъ нахожуся нѣсколько отступить въ моемъ повѣствованіи, для показанія бѣдственныхъ случаевъ споспѣшествовавшихъ моему злополучію.

Неосторожность въ знакомствахъ.

Во вторичный мой пріѣздъ въ Санктпетербургъ, хотя по возможности остерегался я опасныхъ знакомствъ, но по врожденной мнѣ вѣтренности и легкомыслію, удаляясь людей только явно извѣстныхъ порочными, неоглашенныхъ же, особенно ласковыхъ, тихихъ, добрыхъ никогда не обѣгалъ; а еще меньше разсматривалъ, полезно ли мнѣ ихъ знакомство и какія могутъ быть отъ того послѣдствія.

Лѣтомъ 1777 года, въ Рижскомъ трактирѣ нечаянно я столкнулся съ однимъ иностранцемъ, котораго также случайно одинъ разъ видѣлъ я назадъ лѣтъ пять. Сей странный человѣкъ, изъ рода Нѣмецкихъ Израильтянъ, во время бытности нашея арміи въ Пруссіи, присталъ тамъ къ провіантскимъ дѣламъ, по которымъ, при возвращеніи арміи въ Россію, пріѣхалъ онъ въ Санктпетербургъ для счетовъ и для полученія, какъ увѣрялъ, съ казны должныхъ ему знатныхъ суммъ. Въ первое мое съ нимъ свиданіе, я видѣлъ его съ ногъ до головы въ бархатѣ и золотѣ, посыпающаго въ трактирѣ червонцами и поливающаго Шампанскимъ. Что онъ имѣлъ деньги, сіе можно было заключить и изъ того, что вербовщиками, вызывавшими въ Россію на поселеніе колонистовъ, онъ принятъ былъ въ компанію, и что въ Саратовскомъ уѣздѣ былъ подрядчикомъ для построенія поселенцамъ жилищъ, гдѣ однакоже, притѣсненный начальствовавшимъ тогда надъ колоніями Рязановымъ, пріѣхалъ въ Санктпетербургъ съ нимъ тягаться. Какъ иностранецъ и мотъ, не долго онъ праздничалъ; наличныя, сколько было у него, и претензія скоро разбрелись по міру, и въ теперешнее мое съ нимъ свиданіе, вмѣсто бархату, онъ былъ одѣтъ въ сѣренькомъ байковомъ ветхомъ сюртукѣ, а проживаніе имѣлъ при особѣ пожилой Нѣмецкой, Кулейгрѣбенъ.

Ежели бы врожденная ему безотвязность была нѣсколькими степенями поменьше, свиданье сіе ускользнуло бы въ пучину забвенія, какъ и многія другія. Но нѣтъ: судьбѣ угодно было, чтобы сей человѣкъ прицѣпился ко мнѣ нешуточно, и чтобъ я на ту пору былъ податливѣе обыкновеннаго, такъ что, проводивши въ самомъ пустошномъ бесѣдованіи болѣе двухъ часовъ, я долженъ былъ согласиться пройти съ нимъ до его квартиры, остаться у него ужинать и ночевать. Страннѣе всего, что сей человѣкъ, никогда мною не только не любимый, едва терпимый, съ которымъ я никогда никакого дѣла не имѣлъ, съ перваго дня знакомства почти всегда былъ въ моихъ глазахъ до самыя его смерти.

Шатаясь непрестанно по всему Петербургу, навязываясь всякому встрѣчному и поперечному, можно утвердительно сказать, что его знали люди изъ всѣхъ состояній, отъ сенаторовъ и генераловъ до блинниковъ. Знакомцами своими онъ весьма не скупился и ссужалъ ими всякаго при первомъ свиданіи. Посему неудивительно, что и на

мою долю досталося ихъ изрядное количество. Изъ всѣхъ однако, чрезъ него знакомцевъ, одинъ Леонтій Петровичь Соколовъ остался не только въ памяти, но навсегда и въ моемъ сердцѣ, какъ добрѣйшій изъ всѣхъ моихъ вообще знакомыхъ и какъ невинная вина моего несчастія.

Сей человѣкъ, при тщательнѣйшемъ его разсматриваніи, могъ бы, можетъ быть, послужить образцомъ чистѣйшія природныя нравственности. Онъ родился отъ приказнаго въ царствованіе Анны; слѣдовательно воспитанія по тогдашнимъ временамъ не могъ имѣть инаго, кромѣ грубаго и суевѣрнаго. Съ юнѣйшихъ лѣтъ посаженъ въ приказъ, гдѣ продолжалъ неизмѣнно свое служеніе до 1780 года; посему нельзя было ему воспользоваться посторонними наставленіями. Здравымъ, что̀ называется, разсудкомъ надѣленъ былъ достаточно; память имѣлъ удивительную. Живши безъ выѣзда изъ Петербурга, всѣ происшествія отъ временъ Анны пересказывалъ съ довольною точностію; разумѣется, какъ оныя къ нему доходили. Говорилъ просто, ясно и занимательно. Качества сердца его виднѣйшія были: самый кроткій нравъ, человѣколюбіе, сострadаніе и безкорыстіе. Сіе послѣднее до такой степени было возвышено, что онъ, бывши 20 лѣтъ секретаремъ и болѣе 10 лѣтъ старшимъ въ Статсъ-Конторѣ, не только не устроилъ своего счастія, но былъ всегда въ весьма посредственномъ состояніи.

Не бывши ни игрокъ, ни мотъ, ни пьяница, покажется неимовѣрнымъ, чтобы онъ не имѣлъ хотя малѣйшаго въ такомъ мѣстѣ дохода; имѣлъ и употреблялъ его на благотвореніе бѣднымъ, изъ которыхъ нѣсколько семействъ точно существовали имъ. Сдѣлавшись съ нимъ душевно знакомымъ, я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ находящихся подъ его покровительствомъ. Они не были обыкновенные нищіе, а люди честные, семейные, разными ударами судьбы низвергнутые въ бѣдность. Благотворенія сіи производилъ онъ такъ скромно, что многіе изъ облагодѣтельствованныхъ даже не знали имени своего благодѣтеля. Я часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ онъ отдавалъ бѣдному послѣдній рубль изъ кармана, тогда какъ дома у него одной копѣйки не оставалось; словомъ, сей Соколовъ, по благороднымъ качествамъ души, особенно по благотворительному своему сердцу, былъ достоинъ гораздо иной участи, нежели какая его постигла.

Съ перваго дня нашего знакомства онъ мнѣ очень понравился, и, повидимому, я ему также полюбился; ибо мы съ нимъ скоро сдѣлались самыми искренними. Онъ жилъ на Васильевскомъ острову, я же у Семеновскаго мосту; но сіе дальнее разстояніе не препятствовало намъ видаться весьма часто. При свиданіяхъ нерѣдко сообщалъ онъ мнѣ случившіяся по присутственнымъ мѣстамъ происшествія, изъ коихъ одно, какъ основаніе моего злоключенія, помѣщаю здѣсь.

Въ началѣ весны 1779-го года, порутчики: Вологодскаго полку Кашинцовъ, Санктпетербургскаго драгунскаго Волковъ, отставной Статсъ-Конторы архиваріусъ, коего имяни не упомню, и бѣглый канцеляристъ Полозовъ, люди болѣе, нежели моты, перебравъ всѣ возможные роды обмановъ и оборотовъ, задумали короновать свое распутство явнымъ злодѣяніемъ, т. е. кражею государственной казны.

Планъ сего хищенія расположенъ весьма замысловато, успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію; но пьянство все открыло. Архиваріусъ, хотя и отставной, чрезъ своихъ знакомыхъ между приказными Статсъ-Конторы узнавши, что въ Ревельской Губернской Канцеляріи хранятся суммы, отчисленныя для экстраординарныхъ Иностранной Коллегіи расходовъ, предложилъ Кашинцову похитить изъ нихъ нѣкоторое количество чрезъ посредство ложнаго отъ Статсъ-Конторы повелѣнія, дабы выдать, яко посылаемому за границу курьеру. Для сего составили они ложный въ Ревельскую Канцелярію указъ, подписались подъ руки присутствующихъ, запечатали выкраденною изъ Статсъ-Конторы печатью и, назвавъ Кашинцова съ выдуманнымъ прозвищемъ курьеромъ, отправились трое на почтовыхъ въ Ревель, гдѣ и получили 5 тысячъ рублей серебромъ. Хищеніе, столь искусно произведенное, укрыть однакоже имъ не удалося. Самъ Богъ, видно, ихъ попуталъ: ибо они, вмѣсто удаленія изъ Ревеля, зашли въ трактиръ пировать, пить, играть и, такъ проведши день и ночь, по утру пустились къ Петербургу на почтовыхъ же, но съ настоящими уже ихъ прозвищами. Дорогою на одной станціи произвели ссору и драку; въ Ямбургѣ еще день прображничали.

Между тѣмъ донесеніе изъ Ревельской Канцеляріи о выдачѣ 5 тысячъ рублей съ нарочнымъ отправлено къ графу Панину; сей, справясь съ Статсъ-Конторою и увидѣвши подлогъ, тотчасъ о томъ сообщилъ генералъ-полиціймейстеру; а отъ сего чрезъ посланныхъ немедленно открылось все мошенничество, и плуты, подъѣзжая въ Петербургѣ къ своей квартирѣ, какъ бы къ пущему своему обличенію, обронили изъ повозки мѣшокъ серебряныхъ денегъ. Тотчасъ взяты они подъ стражу и преданы суду; денегъ не успѣли они промотать болѣе 400 руб.; происшествіе скоро стало всему Петербургу извѣстнымъ и скоро же, по обыкновенію большихъ городовъ, забытымъ.

Въ половинѣ Іюля Соколовъ, увидясь со мною, за секретъ сказалъ мнѣ, что дѣло Кашинцова генералъ-полиціймейстеромъ совсѣмъ было приведено къ концу и докладъ былъ уже поднесенъ; но князь Вяземскій, озлобившись, что дѣло сіе мимо его прошло, сдѣлалъ отъ себя Императрицѣ представленіе, дабы слѣдствіе о семъ произвесть обстоятельнѣе, т. е. передопросить виновныхъ, не дѣлали ль они, или не знають ли кого дѣлавшихъ, или намѣревающихся учинить вообще какія преступленія? На сіе воспослѣдовало всемилостивѣйшее соизволеніе объ учрежденіи при Сенатѣ секретной коммиссіи о Кашинцовѣ и его сообщникахъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ

князя Вяземскаго. Сіе извѣстіе не болѣе на меня подѣйствовало, какъ и первое; ибо я, не имѣя ничего общаго ни съ Кашинцовымъ, ни съ коммиссіею, пропустилъ все мимо ушей.

Въ Августѣ отъ Соколова же слышалъ я, что коммиссія уже открылась въ крѣпости, что преступники перевезены ночью туда же; что главный въ ней — любимецъ князя Вяземскаго, оберъ-секретарь Терскій; что въ равелинѣ Св. Іоанна, въ казаматахъ, съ великою поспѣшностію строятъ много чулановъ; что кромѣ Кашинцова и его товарищей взято уже въ коммиссію еще нѣсколько людей, касательно банка. Обо всемъ я слушалъ весьма равнодушно.

Въ Сентябрѣ глухо начали поговаривать о сей коммиссіи въ городѣ; догадывались, что открытъ важный заговоръ: ибо по строгости съ подсудимыми и по приготовленіямъ чулановъ не другое что̀ могли заключать. Къ концу Сентября и въ началѣ Октября, стали люди видимо пропадать; иной, поѣхавши въ гости, остался тамъ навсегда; другой, позванный къ своему генералу, исчезъ невидимо; изъ гвардейскихъ полковъ многіе въ безъизвѣстную команду.

8-го Октября Соколовъ, пришедши ко мнѣ вельми туманенъ, пересказывалъ, что въ крѣпость уже множество натаскано; что банковый судья Адамовичъ, при смерти больной, стережется въ своемъ домѣ весьма строго; что жена его и зять взяты въ крѣпость; что, ежели кто только отъ подсудимыхъ имянованъ, тотъ непремѣнно назначается въ крѣпость. Такъ настращавши меня, онъ ушелъ. Я же умствовалъ: «мнѣ бояться нечего; въ банкѣ я долженъ не болѣе трехъ мѣсяцовъ подъ законный залогъ; съ судьею, его женою и зятемъ, ниже съ кѣмъ либо то ни было, совершенно незнакомъ; слѣдовательно, коммиссія эта меня не коснется».

На другой день приходитъ ко мнѣ, весь въ слезахъ, добраго моего сосѣда, офицера Брещинскаго, слуга.—«Что̀ ты Ѳедоръ?»—«Ахъ, сударь, баринъ мой пропалъ!»—«Какъ?»—«Вчера по утру пріѣзжалъ за нимъ нашего генерала Салтыкова аудиторъ; они съ нимъ поѣхали; я ожидалъ его къ обѣду, къ вечеру: не бывалъ! Бѣгалъ къ генералу на домъ, не знаютъ; былъ у всѣхъ его знакомыхъ: нигдѣ не видали и не слыхали. Ахъ, сударь, навѣдайтесь вы; не узнаете ли чего нибудь?»—«Хорошо, мой другъ, я иду со двора, постараюсь». А между тѣмъ самъ думаю: «Чортъ возьми навѣдыванье; какъ бы самого не зацѣпили! Нелучше ли отъ этого штурму куда нибудь уклониться? Но какъ оставить жену? Куда ѣхать? И съ чѣмъ ѣхать?» Невольное раздумье и глупое надѣяніе удерживали меня въ моей безпечности.

12-го, очень рано поутру, пошедши нарочно къ Соколову навѣдаться о дальнѣйшихъ движеніяхъ коммиссіи, нашелъ весь его домъ въ слезахъ и сѣтованіи: онъ въ ту ночь былъ взятъ и увезенъ. Болтнувши нѣсколько словъ скорбящимъ во утѣшеніе, я поторопился оставить сіе плачевное мѣсто и, идучи съ сжатымъ сердцемъ обратно въ городъ, разсуждалъ: «Соколова взяли; по одному наименованію берутъ; немудрено и мнѣ быть взяту». Вдругъ мысль роди-

лась уѣхать къ Бауману въ Вольмаръ. Денегъ нѣтъ; иду занять у женина брата; за подорожною дѣло не стало бы. На бѣду Седерстремъ *) самъ на тотъ разъ былъ безъ денегъ, но обѣщалъ къ утру непремѣнно снабдить 50 рублей.

Мучимый нѣжностью къ женѣ, оставленной мною безъ всякаго призрѣнія, страхомъ быть захваченнымъ въ крѣпость, нетерпѣніемъ исполнить задуманное путешествіе и неизвѣстностію успѣха, я въ сей день сумрачный бродилъ по улицамъ, никуда не заходя и ничего не ѣвши. Когда уже настала самая темнота, т. е. въ пять часовъ, пришелъ я домой; старался казаться спокойнымъ, принимался шутить; но змія грызла мое сердце, и я никакъ не могъ скрыть моея мрачности. Въ 7 часовъ обыкновенно уходилъ я каждый вечеръ въ трактиръ; жена, видя, что я не собираюсь, спросила меня: развѣ я не выхожу?—«Нѣтъ, мой другъ; темно, грязно; останусь лучше дома». Во всякое другое время сіе было бы ей пріятнѣйшимъ подаркомъ; въ сей вечеръ она старалась меня уговорить выдти изъ дому. Но я упорно оставался; сидѣлъ, грустилъ, какъ бы ожидая приговору; словомъ, часъ мой ударилъ: ковшикъ горечи поднесли, надобно было выпить.

Въ 9 часовъ послышался стукъ въ передней. Я, сидя противъ отворенной зальной двери, гдѣ не было огня и увидѣвъ блеснувшія пуговицы, пошелъ освѣдомиться, кто тутъ? Человѣкъ, стоявшій въ тѣни, беретъ мою руку и говоритъ тихо: «чтобъ не испугать Елеонору Карловну, я скажу, что заѣхалъ звать тебя на вечеринку»; потомъ громко: «а я тебя вездѣ искалъ, былъ въ двухъ трактирахъ, да вздумалъ и сюда заѣхать, чтобъ взять тебя къ Ульрихшѣ». Сіе говорилъ нашей части полицейской офицеръ Лихтенбергъ, намъ знакомый и иногда у насъ бывавшій. Жена моя, встревоженная, удерживаетъ меня: «какъ теперь поздно; извощика не найдешь». Офицеръ отвѣчаетъ «у меня карета; пожалуй, проворнѣе поѣдемъ».—«Надобно одѣваться».—«Что за одѣванье. Довольно сюртука». И такъ, торопливо накинувши сюртукъ, обнявши милую невинность, вышелъ я на улицу, гдѣ увидѣлъ карету, четвернею запряженную и двухъ верховыхъ. Спрашивать было не о чемъ; сажусь молчаливо. Лихтенбергъ, подлѣ меня, велитъ ѣхать къ оберъ-полиціймейстеру. Помолчавши довольно, спрашиваю: «Не знаешь ли за чѣмъ?»—«Право не знаю».—«Вѣрно въ крѣпость?»—«Пустое!»—Пріѣзжаемъ къ дому, входимъ въ комнаты, гдѣ Петръ Васильевичъ Лопухинъ говоритъ: «На васъ есть просьба, можетъ быть и пустошная, но до утра вамъ надобно остаться въ полиціи». Потомъ даетъ знакъ маіору; сей приглашаетъ меня съ собою. Сходимъ внизъ, садимся въ туже карету, и чрезъ четверть часа я помѣщенъ въ офицерской караульнѣ. Капитанъ случился знакомый. — «Ахъ, братъ, и ты попалъ! Уже довольно на

*) Судя по этой фамиліи, можно думать, что «Лорхинъ» была Шведскаго происхожденія. П. Б.

моемъ караулѣ отвезено; да и теперь никакъ человѣка три здѣсь ночуютъ». Съ горя велѣли растворить чашу пуншу, испили порядочно и уснули довольно крѣпко. На самомъ разсвѣтѣ спросили меня въ верхъ. Тутъ г. Лопухинъ ожидалъ только меня, и коль скоро я показался, сказалъ: «пойдемъ». Онъ впередъ, я за нимъ; за мною еще нѣсколько, и такъ на улицу къ Мойкѣ, тамъ въ ожидающую насъ шлюбку. Коль скоро мы помѣстились: «отваливай», сказано, «какъ и вчера!» Мойкою выбравшись на Неву, шлюбка прямо начала держать къ крѣпости и пристали къ Невскимъ воротамъ.

Вошедши въ крѣпость, прошли комендантской домъ, миновали гауптвахту, оставили въ правой рукѣ церковь. И такъ подвели насъ къ западнымъ деревяннымъ воротамъ, вводящимъ въ равелинъ Св. Іоанна. Запертые ворота нескоро отворили и впустили насъ въ пространный, сколько можно было видѣть, треугольникъ, посрединѣ котораго находилось продолговатое деревянное строеніе. Тутъ опять насъ остановили, а г. Лопухинъ пошелъ въ домъ.

Домъ сей не имѣлъ ничего замѣчательнаго съ наружности, кромѣ большой парусинной занавѣски, которая закрывала его сѣни. Чрезъ нѣсколько минутъ поднялась занавѣсь, и намъ велѣно взойти. Коль скоро стали мы предъ сѣньми, занавѣсь опустилась, а дверь отворилась, чрезъ которую видѣнъ былъ довольно длинный коридоръ, освѣщенный фонаремъ. Проведши насъ нѣсколько шаговъ въ темнотѣ, справа отворили дверь, и мы очутились довольно въ свѣтлой горницѣ предъ человѣкомъ порядочно одѣтымъ и недурнаго лица. Онъ, перекликавши насъ четверыхъ, сказалъ съ нѣкоторою живостію: «теперь извольте идти къ мѣсту».

Вышедши въ коридоръ, мы тутъ увидѣли образину человѣка самаго скареднаго, нѣтъ не человѣка, а истиннаго стараго сатира, котораго на ту пору голова обвернута была бѣлою окровавленною тряпкою. Такъ мнѣ показалося; а въ самомъ дѣлѣ онъ отъ головной боли привязалъ себѣ на лобъ клюквы. Велѣвши за собою слѣдовать, онъ вывелъ насъ передъ домъ, разставилъ всѣхъ четверыхъ врознь лицами, пошепталъ нѣчто солдатамъ своимъ; вымолвилъ: «пошолъ!» и мнѣ приказалъ за собою слѣдовать. Идучи отъ дому, я глядѣлъ и ничего не видѣлъ, кромѣ каменныхъ крѣпостныхъ стѣнъ, съ рѣдкими въ нихъ дверцами и малыми окошечками. Подаваясь все впередъ, приближились ко въѣзду на стѣну. Я не зналъ, что о семъ помыслить, какъ красноголовый мой повернулъ влѣво, въ самомъ углу отперъ небольшую дверь, вошелъ въ нее самъ и меня ввелъ. Вступя въ сіе мѣсто, я увидѣлъ огромный со сводами во всю ширину стѣны погребъ или сарай, освѣщаемый однимъ маленькимъ окошечкомъ. Не успѣлъ я, такъ сказать, оглянуться, какъ услышалъ: «ну, раздѣвайте!» Съ симъ словомъ чувствую, что бросились растегивать и тащить съ меня сюртукъ и камзолъ. Первая мысль: «ахти, никакъ сѣчь хотятъ!» заморозила во мнѣ кровь; другіе же, посадивъ меня на скамейку, разували; иные, вцѣпившись въ волосы и начавши у косы разматывать ленту и тесемку, выдергивать шпильки изъ

буколь и лавержета *), заставили меня съ жалостью подумать, что хотятъ мои прекрасные волосы обрѣзать. Но, слава Богу, все сіе однимъ страхомъ кончилось. Я скоро увидѣлъ, что съ сюртука, камзола и исподняго платья срѣзали только пуговицы; косу мою заплели въ плетешокъ; деньги, вещи, какія при мнѣ находились, верхнюю рубаху, шейный платокъ и завязку—все у меня отняли; камзолъ и сюртукъ на меня надѣли. И такъ, безъ обуви и штановъ, повели меня въ самую глубь каземата, гдѣ, отворивши маленькую дверь, сунули меня за нее, бросили ко мнѣ шинель и обувь, потомъ дверь захлопнули и потомъ цѣпочку наложили.

(Продолженіе будетъ).

---

*) Французское: la vergette, зацѣпка для уборки волосъ. П. Б.

КОНТРЪ-АДМИРАЛЪ ИСТОМИНЪ.

Контръ-адмиралъ Владиміръ Ивановичъ Истоминъ, обезсмертившій имя свое геройскою обороною Севастополя, гдѣ онъ начальствовалъ 4-й оборонительной дистанціей и знаменитымъ Малаховымъ курганомъ, былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Михаила Петровича Лазарева. Теплыя, дружескія отношенія между ученикомъ и учителемъ продолжались до самой кончины послѣдняго. Истоминъ сопровождалъ Лазарева въ 1851 году въ Вѣну, гдѣ Лазаревъ и скончался.

В. И. Истоминъ родился въ 1811 году и 11-ти лѣтъ поступилъ въ Морской Кадетскій Корпусъ [1], гдѣ окончилъ воспитаніе въ 1827 г., но по недостиженію законнаго числа лѣтъ не могъ быть произведенъ въ мичманы. Въ это время въ Кронштатѣ эскадра контръ-адмирала графа Гейдена снаряжалась въ Средиземное море. Юноша Истоминъ употребилъ всѣ старанія, чтобы попасть въ эту эскадру, и счастіе улыбнулось ему: въ званіи гардемарина онъ былъ назначенъ на корабль «Азовъ», командиромъ котораго былъ Лазаревъ. 8-го Октября, эскадра графа Гейдена приняла почетное участіе въ Наваринскомъ боѣ, и 16-ти лѣтній Истоминъ, особенно отличившійся въ этотъ день, удостоился двухъ наградъ: офицерскаго чина и знака военнаго ордена, лично надѣтаго на него начальникомъ эскадры. Съ этого-то времени началось знакомство Истомина и Лазарева, съ которымъ онъ и возвратился въ Кронштатъ въ 1830-мъ году, на томъ-же кораблѣ «Азовъ». До 1834 г. Истоминъ служилъ въ Балтійскомъ флотѣ, а въ этомъ году переведенъ былъ въ Черное море, съ назначеніемъ состоять при главномъ командирѣ Черноморскихъ портовъ М. П. Лазаревѣ. Здѣсь до 1845 года крѣпла нравственная связь между ними. Истоминъ принадлежалъ къ тому тѣсному кружку, въ которомъ первыя мѣста занимали П. С. Нахимовъ и В. А. Корниловъ. Въ моихъ рукахъ находится довольно обширная переписка названныхъ лицъ

---

[1]) Истоминъ принадлежалъ къ семейству, состоявшему изъ 5-ти братьевъ, которые всѣ были моряки. Старшій братъ Константинъ Ив-чъ скончался въ Октябрѣ прошлаго 1876 года, въ чинѣ адмирала и въ должности предсѣдателя Главнаго Морскаго Суда; 2-й братъ Андрей Ив-чъ погибъ въ Балтійскомъ морѣ въ 1842 г. при крушеніи корабля Ингерманландъ, въ должности старшаго офицера; 3-й братъ былъ Вл. Ив-чъ; 4-й Александръ Ивановичъ погибъ гардемариномъ на Кронштатскомъ рейдѣ, во время шторма въ 1832 г. Остается въ живыхъ Павелъ Ивановичъ, 5-й братъ, вице-адмиралъ въ отставкѣ.

съ покойнымъ В. И. Истоминымъ; эта переписка свидѣтельствуетъ, насколько всѣ они цѣнили въ немъ моряка и уважали человѣка.

Въ 1845 году, по просьбѣ бывшаго намѣстника Кавказскаго князя М. С. Воронцова прислать въ его распоряженіе одного изъ лучшихъ моряковъ, для ближайшей разработки мѣстныхъ морскихъ вопросовъ, М. П. Лазаревъ назначилъ на Кавказъ Истомина. Такимъ образомъ послѣднему посчастливилось стать въ близкія отношенія къ другому свѣтилу прошлаго царствованія. Всѣмъ извѣстный рыцарскій характеръ и образованный умъ покойнаго намѣстника скоро отмѣтили новаго подчиненнаго. Вл. Ив-чъ пользовался не только довѣріемъ и уваженіемъ, но даже чувствомъ привязанности князя Воронцова. Рядъ писемъ князя краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ этихъ отношеніяхъ. Въ 1850-мъ году, въ чинѣ капитана 2-го ранга, Истоминъ былъ назначенъ командиромъ 120-ти пушечнаго корабля «Парижъ», на которомъ окончательно окрѣпла его морская репутація. Въ Черноморскомъ флотѣ Лазарева, на который съ тайнымъ недоброжелательствомъ и завистью посматривала Англія, корабль «Парижъ» былъ образцовымъ судномъ. Наступилъ 1853-й годъ. Эскадра адмирала Нахимова, надъ которой, по его выраженію, виталъ духъ знаменитаго учителя, покрыла себя вѣчною славою Синопскаго боя. Корабль «Парижъ» въ этотъ знаменательный день особенно отличился; среди самаго разгара боя, адмиралъ Нахимовъ, любуясь на дѣйствія «Парижа», приказалъ поднять сигналъ благодарности; но всѣ фалы адмиральскаго корабля «Императрица Марія» были перебиты непріятельскими снарядами, и поднять сигнала было не на чѣмъ.

За Синопскій бой Истоминъ произведенъ въ контръ-адмиралы, и въ этомъ чинѣ засталъ его грозный 1854 годъ. Когда, послѣ Алминскаго сраженія и отступленія арміи кн. Меншикова къ Бахчисараю, обнаженный Севастополь, съ скромнымъ составомъ Черноморскихъ экипажей и самой незначительной частью сухопутныхъ войскъ, ожидалъ нападенія соединенныхъ непріятельскихъ армій съ Сѣверной стороны, Истоминъ былъ назначенъ командиромъ Сѣвернаго укрѣпленія. Впослѣдствіи, когда эту должность принялъ на себя В. А. Корниловъ, Истоминъ назначенъ къ нему начальникомъ штаба; а когда убѣдились въ неожиданномъ движеніи непріятеля на беззащитную Южную сторону, Истоминъ получилъ въ командованіе 4-ю оборонительную дистанцію Малахова кургана. Очевидцы восторженно разсказываютъ о неутомимой дѣятельности покойнаго контръ-адмирала, въ это страшно-напряженное время. Обладая обширными познаніями по различнымъ отраслямъ военнаго искусства, онъ почти самостоятельно возводилъ твердыни своей дистанціи, 11-ть мѣсяцевъ противустоявшей всѣмъ усиліямъ непріятеля.

Въ теченіи полугода, не раздѣваясь, Истоминъ отстаивалъ ввѣренную ему позицію. Въ кровавый день Октябрьской бомбардировки, показавшей непріятелю, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, Истоминъ на Малаховомъ курганѣ имѣлъ несчастіе лишиться товарища-друга В. А. Корнилова. За Октябрьскую бомбардировку онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й ст. и лестнымъ рескриптомъ генерала-

адмирала. Съ этого дня до самой кончины, не смотря на рану руки и контузію головы, Истоминъ буквально ни на одинъ день не покинулъ бастіона, служа блистательнымъ образцомъ беззавѣтной храбрости [2]), въ которой его даже упрекали, распорядительности и исполненія долга. «Выписавъ себя въ расходъ», по собственному его выраженію, и живя на счетъ Англичанъ и Французовъ, Истоминъ человѣкъ вѣрующій, сдѣлался совершеннымъ фаталистомъ. Онъ не допускалъ возможности покинуть живымъ Малаховъ курганъ и, по выраженію очевидцевъ, съ какой-то суровою страстностью исполнялъ свою обязанность. И велика была его сила на Малаховомъ курганѣ! Истоминъ и курганъ срослись въ одно нераздѣльное понятіе для Севастополя.

Предчувствія Истомина сбылись; ему не суждено было остаться въ живыхъ, не суждено было пережить оставленія Севастополя. 7-го Марта, въ 10 ч. утра, ядро, брошенное съ Французской батареи, ударомъ въ лице оторвало ему голову. Ударъ ядра послѣдовалъ вѣроятно очень низко, такъ какъ Георгіевскій крестъ, висѣвшій на шеѣ, разлетѣлся въ дребезги; сохранился только кусокъ Георгіевской ленты, пересланный П. С. Нахимовымъ моему отцу и нынѣ доставшійся мнѣ, вмѣстѣ съ прилагаемой перепиской и подробными извѣстіями о смерти Истомина.

Здѣсь кстати будетъ сдѣлать одно невольное замѣчаніе. 21 годъ прошелъ со времени Севастопольской обороны, стяжавшей вѣчную славу Черноморскому флоту. Изъ небольшаго кружка оставшихся въ живыхъ Черноморцевъ жадная смерть ежегодно выхватываетъ новыя жертвы; менѣе и менѣе остается живыхъ очевидцевъ и участниковъ знаменитой обороны, а между тѣмъ, какъ бѣденъ по настоящее время печатный матеріялъ, касающійся Черноморскихъ моряковъ! Если время безпристрастнаго разсказа и полной правды еще не наступило, то во всякомъ случаѣ существуетъ масса подробностей, всегда доступныхъ печатному слову. Пора наконецъ изъ мрака молчанія выдвинуть личность Михаила Петровича Лазарева, того Лазарева, про котораго Нахимовъ, герой Синопа и грудь Севастополя, съ свойственной ему скромной правдивостью, часто говаривалъ: «Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ!» Правительство уже достойно оцѣнило заслуги великаго адмирала постановкою ему величественнаго памятника; пора же всѣмъ тѣмъ, которые имѣли счастіе знать близко покойнаго воздвигнуть ему такой же памятникъ въ области Русской исторіи и Русскаго слова.

В. К. Истоминъ.

Москва, 1-го Декабря 1876 г.

---

[2]) Покойный адмиралъ между прочимъ никогда во время осады не снималъ эполетъ, не смотря на послѣдовавшій объ этомъ приказъ.

Письмо Истомина о похоронахъ Лазарева.

Вѣна, 15 (27) Апрѣля 1851.

Вчера мы совершили обрядъ погребенія надъ тѣломъ покойнаго адмирала Михаила Петровича, и я считаю нелишнимъ увѣдомить васъ (для надлежащаго свѣдѣнія) о вниманіи, оказанномъ здѣшнимъ правительствомъ при этомъ случаѣ.

На другой день смерти адмирала, я былъ потребованъ къ нашему посланнику при здѣшнемъ дворѣ, который мнѣ объявилъ, что Австрійскій императоръ, желая воздать праху покойнаго воинскія почести соотвѣтственно его званію, изволитъ освѣдомляться, не оставилъ ли Михайло Петровичъ завѣщанія, которымъ отклоняется отъ всякихъ посмертныхъ церемоній при погребеніи его тѣла. На мой отвѣтъ, что такого завѣщанія нѣтъ, баронъ Мейендорфъ вошелъ въ соображенія по поводу предстоящаго церемоніала, которыя кончились тѣмъ, что въ Пятницу вечеромъ, въ 9 часовъ 13 (25) числа), тѣло адмирала повезутъ въ посольскую церковь безъ всякой церемоніи; на другой день, т. е. 14 (26) числа, въ 10 часовъ утра, начнется литургія, въ 11 часовъ отпѣваніе. Такъ и сдѣлалось. Когда же 14-го числа время стало подходить къ 11 часамъ, посольская наша церковь начала наполняться генералами, штабъ и оберъ-офицерами до такой степени, что когда изволили прибыть два эрцгерцога Вильгельмъ и Эрнстъ, то ихъ и. к. высочества могли насилу пробраться.

Въ 11 часовъ кончилось отпѣваніе, и 8 человѣкъ унтеръ-офицеровъ въ траурѣ, полка Маріасси, подняли гробъ, снесли и поставили его на катафалкъ. Отъ церкви шествіе двинулось слѣдующимъ порядкомъ: впереди дивизіонъ кирасиръ, за нимъ 6 орудій при батальонѣ инфантеріи, потомъ дивизіонъ гренадеръ, ордена адмирала, тамъ пѣвчіе, духовенство и гробъ; за гробомъ траурная лошадь съ рыцаремъ въ черныхъ латахъ; потомъ семейство покойнаго и всѣ члены нашей миссіи; за ними весь наличный въ Вѣнѣ генералитетъ, имѣя въ головѣ ихъ и. к. высочества, эрцгерцоговъ Вильгельма и Эрнста; инфантерія и артиллерія заключали шествіе. Парадомъ, состоящимъ изъ 3-хъ батальоновъ полка принца Эмиля, изъ гренадерскаго батальона Бреда, двухъ дивизіоновъ кирасиръ полка короля Саксонскаго и двухъ пѣшихъ батарей, командовали: фельдцейхмейстеръ графъ Фалкенхайнъ, и. к. фельдмаршалъ-лейтенантъ принцъ Виртембергскій и и. к. генералъ-маіоръ фонъ-Кордонъ.

Когда вышли изъ городскихъ воротъ, то при гробѣ остались только два дивизіона кирасиръ, которые провожали тѣло покойнаго до кладбища; остальныя же войска выстроились на гласисѣ, гдѣ ими было сдѣлано 36 пушечныхъ выстрѣловъ, въ трехъ промежуткахъ 9 ружейныхъ залповъ. Тѣмъ церемоніалъ кончился, и тѣло адмирала поставили въ капеллу до отправленія его въ Россію. Я до сихъ поръ не зналъ, что безъ высочайшаго разрѣшенія не дозволено ввозить покойниковъ въ наши границы и, признаюсь, былъ очень встревоженъ, когда баронъ Мейендорфъ мнѣ объявилъ объ этомъ. Пока его депеша

дойдетъ въ Петербургъ, пока тамъ доложатъ и высочайше разрѣшатъ, пока разрѣшеніе это придетъ въ Вѣну, пройдетъ добрый мѣсяцъ. Все это время вдова адмирала съ дѣтьми должна проживать въ Вѣнѣ; а денегъ, какъ вамъ извѣстно, адмиралъ не копилъ. Все это, повторяю, меня очень встревожило, и я сталъ просить господина посланника, нельзя ли какимъ нибудь образомъ умалить обыкновенный срокъ (проживанія), въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга на его представленіе. Баронъ Мейендорфъ мнѣ отвѣтилъ, что все, что онъ можетъ сдѣлать въ этихъ обстоятельствахъ, заключается въ томъ, что онъ будетъ просить, чтобы изъ Петербурга разрѣшеніе на ввозъ тѣла покойнаго адмирала въ Россію отправили въ Николаевъ, откуда пришлютъ или пароходъ въ Галацъ, или же, если это найдутъ неудобнымъ, разрѣшеніе; а мы между тѣмъ отправимся отсюда на Дунай въ Галацъ, откуда, если не найдемъ казеннаго парохода, а одно лишь разрѣшеніе, пойдемъ на пакетботѣ парахода «Петръ Великій» въ Одессу, а уже оттуда препроводимъ покойнаго адмирала въ Севастополь для окончательнаго преданія землѣ.

Баронъ Мейендорфъ точно такимъ образомъ и поступилъ, и отъ 11 (23) его представленіе пошло въ Петербургъ; но скоро ли оттуда пойдетъ разрѣшеніе, предвидѣть не могу.

Письма къ Истомину въ Севастополь

отъ брата его К. И. Истомина.

I.

Кронштатъ, 19 Августа 1854.

.... Я совершенно виноватъ, любезный Владиміръ, что не отвѣчалъ своевременно на твои письма, но тѣмъ не съ меньшимъ безпокойствомъ слѣжу по газетамъ или по другимъ источникамъ ваши дѣла и положенія, мои родные Черноморцы. До сихъ поръ Черноморскій флотъ, по истинѣ, отличался во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ; всѣ ваши выходки, крейсерства у Севастополя, стычки съ разными врагами и даже съ Англичанами, со всѣхъ сторонъ заслужили одну похвалу, а со стороны нашихъ непріятелей—самую желчную зависть; въ особенности Англичане неутѣшны существованіемъ образцоваго Севастополя, и они стали отъ злости до того откровенны, что и въ Парламентѣ говорятъ и во всѣхъ газетахъ пишутъ, что еслибъ не Севастополь и его флотъ, *то этой войны никогда бы не было!!* Такъ вотъ въ чемъ вся завязка! И потому всѣ ихъ помышленія, всѣ дѣйствія направлены къ одной постоянной и непремѣнной цѣли, чтобъ не было Севастополя!!! Но какъ этого достигнуть? Севастополь страшно укрѣпленъ, войска въ немъ много, и флотъ тамъ на все готовый и который себя даромъ не отдастъ. Это наши враги все знаютъ и все понимаютъ, и потому-то съ ихъ стороны и дѣлаются страшныя приготовленія. Средства у злодѣевъ огромныя, и потому

невольный иногда страхъ и безпокойство находитъ на нашего брата, понимающаго все значеніе Севастополя для нашей родной матери-кормилицы Россіи, не говоря уже о бѣдномъ сердцѣ, которое бьется отъ безпокойства за родныхъ и любезныхъ друзей и товарищей. Чтò касается собственно меня, то ни днемъ, ни ночью мысли объ васъ меня не оставляютъ. Неужели, думаю, этому Севастополю, который въ нашихъ глазахъ изъ младенца выросъ въ великаны и сдѣлался дивнымъ богатыремъ на страхъ врагамъ, неужели ему сужденъ такой короткій вѣкъ, и завистникамъ злобнымъ удастся надъ нами торжествовать? Какъ ни велики ваши средства обороны, но непріятели сбираются на васъ тройною силою; да иначе треклятые Англичане къ вамъ и сунуться не посмѣютъ. Я разумѣю не одинъ флотъ: имъ Севастополя никогда не взять. Но главное десантъ, вотъ чего они набираютъ, и если вѣрить газетамъ, то будто до 90.000 десанта приготовлено. Но великъ и Россійскій Богъ! У нихъ въ Варнѣ такая страшная холера между войсками, въ особенности Французскими, что лучше намъ и желать нельзя, и это-то, говорятъ, причиной, что экспедиція на Крымъ пріостановилась; а чтò будетъ дальше, предвидѣть трудно. Но мнѣ чувствуется, что Господь Богъ насъ не выдастъ и что всѣ затѣи нашихъ непріятелей послужатъ лишь къ увеличенію славы Русской и Черноморскаго флота, нашей общей надежды. Пожалуста, любезный Владиміръ, опиши мнѣ о вашемъ положеніи поподробнѣе: какія вы имѣете средства, какіе виды и надежды, сколько у васъ войскъ, и такъ ли удалы и хороши солдаты, какъ наши моряки? Главное, кто изъ генераловъ у васъ предводительствуетъ? Я объ этомъ никакого не имѣю понятія.

Чтò тебѣ сказать про наши дѣла? Тоже хорошаго мало. Ты уже знаешь, что у насъ 17 кораблей расположено на маломъ Кронштатскомъ рейдѣ и сколько отмели и положеніе рейда позволяютъ, корабли занимаютъ боевую позицію. Нашъ корабль «Императоръ Петръ 1» и «Георгій Побѣдоносецъ» стоятъ поперекъ малаго рейда, между купецкой гаванью и Кронштатомъ, и вотъ 14-го Іюня видимъ, валитъ съ моря страшная черная туча, все ближе и ближе, и когда черное облако дыма стало расходиться, оказался Англійскій флотъ на якорѣ у Красной Горки. Дымъ происходилъ отъ множества пароходовъ, а флотъ состоялъ изъ 33 вымпеловъ, въ томъ числѣ 19 кораблей, изъ коихъ 12 винтовыхъ. Англійскіе пароходы начали было вертѣться, ходили на сѣверный фарватеръ, дѣлали промѣры и прочія штуки; но ни одинъ изъ нихъ не подходилъ ближе чѣмъ на 6 или 7 верстъ къ нашимъ укрѣпленіямъ или пушкамъ. Наконецъ вся эта ватага 21-го Іюня снялась съ якоря и ушла въ море, не сдѣлавъ не только ни одной атаки, но даже ни одного выстрѣла. Наша позиція крѣпкая, кто говоритъ! Но мы все таки ожидали атаки, если и не генеральной, то по крайней мѣрѣ какихъ либо выходокъ ракетами, брандерами или ихъ столь прославленными пушками дальнаго полета; но не тутъ то было: подлецы стали черезъ-чуръ осторожны и никакимъ не хотятъ подвергаться шансамъ, лишь дѣйствуютъ навѣрное, нападаютъ на беззащитные Финляндскіе города, да деревни, грабятъ

несчастныхъ купцовъ, а гдѣ встрѣтится рыбакъ, не пропустятъ: все отнимутъ, даже несчастные Финскіе сухари и проч. Изъ Кронштата вся эта туча саранчи отправилась къ Аландскимъ островамъ, которые, какъ ни слабо укрѣплены, все еще показались имъ не по силамъ; безпрестанно изъ Англіи и Франціи присоединялись военныя суда, такъ что ихъ теперь здѣсь около 36 линейныхъ кораблей, въ томъ числѣ 20 винтовыхъ, а пароходамъ и числа нѣтъ. Наконецъ изъ Франціи привезли 10.000 войска и, послѣ всѣхъ возможныхъ маневровъ и усилій, взяли 16-го Августа Аландскія наши неоконченныя укрѣпленія, въ которыхъ всего гарнизону было 1.800 человѣкъ! Прилагаю здѣсь циркуляръ только что вышедшій объ Аландскихъ островахъ. Что они теперь предпримутъ, никто не знаетъ, едва ли рѣшатся на что либо важное; а хорошо бы, еслибъ вздумали сунуться теперь въ Кронштатъ. Мы послѣ ихъ ухода весьма усилились, сформировали превосходную канонерскую флотилію изъ 110 превосходно вооруженныхъ лодокъ. Вся честь сформированія этой огромной флотиліи принадлежитъ Великому Князю; онъ одинъ ее создалъ и устроилъ. Кромѣ Кронштатскихъ 110 лодокъ, въ Финскихъ шкерахъ столько же; но Англичане и тамъ неохотно съ ними связываются, или же съ большою осторожностію; впрочемъ здѣсь на все готовы и посмотримъ, чтò дальше будетъ; я же молю ежедневно Бога, да сохранитъ Онъ намъ Севастополь и Крымъ.

....Прошу тебя напередъ обратить вниманіе на мое порученіе, которое дѣлаю тебѣ отъ имени Великаго Князя. Во первыхъ, напиши мнѣ всѣ подробности о станкахъ 68 фунтовыхъ пушекъ корабля «Парижъ»: какими ты ихъ находишь, какими они себя оказали въ Синопскомъ дѣлѣ, велика ли у нихъ отдача, и не рвется ли отъ сильной отдачи брюкъ или вырываются рымы и проч.? Первоначальный станокъ къ этимъ орудіямъ былъ мною вывезенъ изъ-за границы; у того станка не было заднихъ колесъ, а вмѣсто оныхъ были подушки, такимъ образомъ устроенныя, чтобъ отнюдь не касались палубы; станокъ же отдавался на переднихъ колесахъ, а задомъ скользилъ по правилу. Сколько я помню, то такой станокъ былъ совершенно покоенъ, отдача была плавная и нестремительная; словомъ, все было хорошо. Теперь же прислали сюда къ намъ изъ Чернаго моря чертежъ станка орудій нижней батареи корабля «Парижъ», т. е. 68 фунтовой пушки и по этому чертежу надѣлали здѣсь станковъ; но они, по моему, не годятся, ибо отдача такъ сильна, что все рветъ и ломаетъ, что происходитъ, конечно, отъ того, что станокъ на 4-хъ колесахъ. Вотъ въ чемъ мой вопросъ. Напиши мнѣ все, чтò на это имѣешь сказать; но съ этимъ вмѣстѣ пришли и подробный чертежъ станка.

Теперь вторая просьба: Великій Князь поручилъ мнѣ составить чертежъ образцовому *noктоузу*, ибо здѣсь на этотъ счетъ совершенный ералашъ и хаосъ, и потому пришли мнѣ подробный чертежъ нoктоузовъ «Парижа», да и другихъ судовъ, гдѣ есть хорошіе. На пароходѣ «Громоносецъ» былъ прекраснѣйшій нoктоузъ, пришли и его чертежъ. Пожалуста попроси отъ моего имени В. А. Корнилова

или кого нужно, чтобъ тебѣ дали кондукторовъ для черченія; прошу только объ одномъ: похлопочи, чтобъ мы съ тобою не ударили въ грязь лицемъ и имѣй въ виду, что твои чертежи и описанія къ онымъ поступятъ къ Великому Князю; пожалуста же, Владиміръ, удружи! Затѣмъ, въ ожиданіи прекрасныхъ чертежей и еще лучшаго описанія къ онымъ, прошу тебя засвидѣтельствовать мой душевный поклонъ Павлу Степановичу, Вл. Алекс. Корнилову, Панфилову и другимъ; я же поручаю васъ всѣхъ благому Провидѣнію; молю, чтобъ вы всѣ были избранными орудіями для покоренія завидливыхъ и злыхъ враговъ Россіи и съ желаніемъ тебѣ во всемъ совершеннаго успѣха, остаюсь навсегда преданный тебѣ братъ

К. Истоминъ.

2.

Кронштатъ, 20 Ноября (1854).

Любезный другъ Владиміръ! Наконецъ представляется мнѣ случай писать къ тебѣ въ Севастополь, или лучше сказать, въ бастіонъ, который ты, любезный братъ, какъ мы всѣ знаемъ, ни днемъ, ни ночью не оставляешь, а отстаиваешь родной Севастополь, честь роднаго края, и разишь безщадно незваныхъ гостей, нашихъ заклятыхъ враговъ. Наипервѣе, поздравляю тебя съ Георгіемъ на шеѣ! Награда самая лестная для военнаго человѣка, но котораго, конечно, никто болѣе не заслуживалъ васъ молодцовъ, героевъ-защитниковъ Севастополя. Хотя первоначально извѣстіе отъ 6-го и 7-го Октября объ твоей ранѣ и контузіи насъ очень перепугало, но мы вскорѣ узнали, что Богъ былъ милостивъ и тебя сохранилъ, и я надѣюсь, что здоровье твое и въ будущемъ отъ этихъ ранъ не въ опасности. Ахъ, какъ тебѣ описать, любезный Владиміръ, съ какимъ безпокойствомъ, съ какой душевной тревогой, мы слѣдили ваши Севастопольскія дѣла! Сколько я провелъ ночей безъ сна, тревожимый вашимъ положеніемъ! Каково же было вамъ? Но теперь, слава Богу, дѣла ваши поправились, и мы всѣ надѣемся, что надменный врагъ сокрушится, разобьется въ дребезги о ваши груди молодецкія. Впрочемъ еще много, очень много вамъ предстоитъ усилій впереди; да поможетъ вамъ Богъ и да отстранитъ Онъ отъ тебя всякія бѣды и несчастія! Поганцы Англичане и Французы, кажется, сбираются зимовать у васъ? Но, кажется, имъ не сдобровать; кажется, они до послѣдняго поплатятся кровью за необдуманное и опрометчивое предпріятіе противъ нашего славнаго Севастополя. Всѣ наши, т. е. Петербургскіе и мое семейство въ Кронштатѣ, тебя поздравляютъ отъ души; выбери, пожалуйста, свободную минуту и обрадуй хотя строчкой твоею тебѣ душею преданнаго брата

К. Истомина.

P. S. Мое душевное почтеніе и поздравленіе Павлу Степановичу, Новосельскому и Панфилову.

3.

Кронштатъ, 30 Января 1855.

Письмо твое, любезнѣйшій другъ Владиміръ, отъ твоего браваго лейтенанта Гирса, я имѣлъ счастіе получить; но что̀ довершило мое счастіе, было то, что Гирсъ самъ пріѣзжалъ въ Кронштатъ и разсказалъ всѣ подробности до васъ касающіяся; каждое его слово было для жаднаго уха небесная музыка! Ахъ, любезный Владиміръ, немного отъ сердца отлегло, и мы здѣсь стали дышать посвободнѣе за васъ! Разсказать словами или описывать, до какой степени весь міръ пораженъ и восхищенъ защитниками Севастополя, я не буду пытаться; ибо то былъ бы трудъ неисполнимый. Скажу только, что весь міръ справедливо и львиную долю славы этого дѣла отдаетъ съ радостію морякамъ. Ну, братцы, показали же вы себя молодцами! Задали же вы перцу поганымъ врагамъ! Ибо, судя даже по ихъ собственнымъ описаніямъ, положеніе ихъ такое ужасное, какое мы только желать можемъ; и эта участь постигла ихъ по всей справедливости, за всѣ ихъ наглости, надменность и первоначальную самонадѣянность, что Севастополь и васъ всѣхъ безъ всякаго труда проглотятъ. Что̀ касается тебя, любезнѣйшій Владиміръ, то всѣ мы, твои близкіе, не перестаемъ, во первыхъ, благодарить Бога, что тебя до сихъ поръ сохранилъ, а потомъ, чтобъ продолжалъ осѣнять тебя Своимъ святымъ покровомъ! Однако я все таки безпокоюсь, что твои раны теперь, такъ сказать сгоряча, тебѣ кажутся неважными и чтобъ не отозвались послѣ. Но Богъ милостивъ, прошла бы грозная туча; а тамъ можно будетъ себя полелѣять, понѣжить и поотдохнуть, уѣхать за границу и вытимберовать себя какъ слѣдуетъ и поотдохнуть на лаврахъ. Принцъ Ольденбургскій, находясь за границею, оттуда писалъ къ своему гофмаршалу въ Петербургъ, чтобъ онъ адресовался ко мнѣ узнать о твоихъ ранахъ и твоемъ здоровьѣ и чтобъ онъ его немедленно увѣдомилъ. Все это было исполнено, и я благодарилъ письменно Его Императорское Высочество за вниманіе къ тебѣ. Также Великій Князь генералъ-адмиралъ присылалъ ко мнѣ для прочтенія письмо *Лаіонса* къ тебѣ и твой отвѣтъ [1]. Переписка эта здѣсь очень интересовала, и она между прочимъ доказываетъ, съ какимъ почтеніемъ враги смотрятъ на нашъ сердечный Севастополь и на *грозный Малахова курганъ!* Вся твоя переписка и проч. каждый разъ препровождается къ Екатеринѣ Тимофеевнѣ; ты можешь себѣ вообразить, съ какимъ участіемъ и дружбою она тебѣ предана и какъ слѣдитъ каждое слово, которое про тебя молвится или тебя касается; скажу только, что ты бы ее осчастливилъ, еслибъ написалъ хотя нѣсколько строкъ. Она и всѣ ея дѣтки совершенно здоровы; я ихъ давно не видалъ, ибо рѣдко удается побывать въ Петербургѣ, и то только по службѣ, такъ что объ разъѣздахъ и думать некогда. Между тѣмъ не на шутку здѣсь поговариваютъ о мирѣ; и признаться, не худо бы

---

[1]) Напечатанъ въ Р. Архивѣ 1867 года.

намъ полюбовно разсчитаться съ врагами: убрались бы лишь, да оставили православную землю въ покоѣ; къ слѣдующему разу приготовимся ихъ принять еще получше. Въ Вѣнѣ переговоры начинаются; но смѣшные эти Англичане! Съ одной стороны они страшно напуганы положеніемъ ихъ арміи у Севастополя; съ другой стороны желудокъ ихъ не варитъ то, что, будучи уже такъ близко цѣли, имѣя предъ глазами городъ, котораго бы вся Англія желала видѣть въ преисподней земли, и вдругъ его оставить! Какъ пережить того, что эти прекрасные корабли, которыхъ они бы съ такимъ наслажденіемъ, посадивъ и васъ всѣхъ на нихъ, и потопили бы или сожгли бы еще охотнѣе, опять поплывутъ по морямъ и, пожалуй, со временемъ доплывутъ и до самой Англіи! Вотъ всего этого Англійскій желудокъ никакъ не можетъ сварить, и оттого ихъ теперешняя политика въ Вѣнѣ и жалка, и смѣшна. Переговоры и они начали вести, а главное, думаютъ о томъ, нельзя ли хоть на денекъ до заключенія мира попасть въ Севастополь. И вотъ почему такъ торопятся перевезти въ Крымъ и Омеръ-пашу, да еще саранчи изъ Сардиніи. Но Богъ великъ, и будемъ надѣяться, что насъ не выдастъ, и что наши Севастопольскіе герои довершатъ дѣло до конца. За то такова будетъ послѣ и слава ваша; дай Богъ намъ всѣмъ дожить до этого славнаго конца! А между тѣмъ, любезнѣйшій Владиміръ, прошу тебя напомнить обо мнѣ и поклониться въ поясъ Павлу Степанычу; скажи ему, что здѣсь всѣхъ отъ всего сердца порадовалъ рескриптъ, написанный ему нашимъ голубчикомъ генералъ-адмираломъ; также Новосельскому и Панфилову. Но сверхъ того у васъ въ Севастополѣ теперь много изъ моихъ любезнѣйшихъ друзей; пожалуйста, засвидѣтельствуй поклонъ князю Васильчикову; пожалуйста, Владиміръ, познакомься съ нимъ поближе: онъ достойнѣйшій человѣкъ и мой очень добрый пріятель. Таковыми же: Краснокутскій, Исаковъ и Стюрлеръ; всѣмъ имъ напомни обо мнѣ, и прошу тебя еще разъ со всѣми ими потоварищески сойтиться: это славнѣйшій народъ, и много я съ ними проводилъ пріятнѣйшихъ дней, которые останутся вѣчно въ моей памяти. Какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ недѣльки хоть на двѣ могъ къ вамъ-лихачамъ прискакать! Но, увы, новая служба въ Кронштатѣ меня приковываетъ къ мѣсту, и мнѣ осталось лишь утѣшеніе мысленно быть съ вами. Любезному И. В. Батьянову поклонись также. Между прочимъ скажу тебѣ такъ, къ свѣдѣнію, что въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 22 Января была ошибка: тамъ напечатали, что ты и Панфиловъ получили ордена Георгія 4-й степени. Я тотчасъ писалъ въ редакцію газеты и требовалъ, чтобъ они ошибку исправили; но не имѣю отъ нихъ еще отвѣта. Въ заключеніе скажу тебѣ, что наши «на Васильевскомъ острову», слава Богу, здоровы и тебѣ кланяются, также моя жена и дѣти, которыхъ теперь на лицо состоитъ уже *восемь*, тебѣ кланяются отъ души. Къ 6-му Декабря я получилъ аренду въ 1200 р. серебромъ и, какъ видишь, это было очень кстати: есть на кого деньги тратить. Старшему твоему племяннику Сережѣ, вотъ уже 10-й годъ. Мальчикъ хоть куда, и онъ по настоятельному своему желанію записанъ въ Морской корпусъ; твой тёска, Володя, записанъ

въ Пажескій корпусъ; а остальные ребятишки еще малы и пока никуда не записаны. За тѣмъ прощай, любезный другъ Владиміръ. Да хранитъ тебя Всевышній и да пронесетъ громовую тучу мимо тебя: объ этомъ молю усердно. Твой тебѣ преданной братъ и другъ

К. Истоминъ.

Севастопольскія письма Истомина.

Къ П. Ѳ. Хрипкову [1]).

Письмо ваше, почтенной Петръ Ѳедоровичъ отъ 16-го Октября,— и Боже великій! сколько съ тѣхъ поръ у насъ въ Севастополѣ происходило дѣлъ кровавыхъ, и хотя и славныхъ для нашего оружія, но все же было-бъ лучше, если-бъ ихъ вовсе не было, и Россія подъ скипетромъ великаго нашего Государя продолжала бы совершенствоваться въ мирныхъ занятіяхъ, не тревожимая проклятымъ врагомъ. Но роптать не приходится, когда уже такъ суждено свыше; а покоримся святой Его волѣ и будемъ благодарить Создателя за то, что Севастополь, а не другой какой либо слабѣйшій и съ меньшими средствами къ защитѣ пунктъ, сдѣлался воинственной цѣлью этихъ подлыхъ завистниковъ благоденствія нашей милой матушки Россіи.

Не причтите, почтенной Петръ Ѳедоровичъ, слова эти къ бравадѣ или моему желанію на бумагѣ выказать чувства самоотверженія, которыми здѣсь всѣ преисполнены. Право, намѣренія этого я не имѣлъ, а сказалъ вамъ мое мнѣніе съ откровенностью и безъ малѣйшаго чванства, какъ подобаетъ моряку, и прибавлю, что эта жизнь, вотъ теперь уже 123-й день подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, нельзя сказать, чтобы немножко не надоѣдала.

Скоро ли же это кончится? И какой будетъ конецъ этой осадѣ? спросите вы. На такой вопросъ могу только отвѣчать, что все въ рукахъ у Бога, Который, въ Своемъ къ намъ милосердіи, до сихъ поръ очевидно поборалъ правому нашему дѣлу. Предвидѣть тутъ никто ничего не можетъ; да и чтó значатъ человѣческіе разсчеты въ подобныхъ міровыхъ дѣлахъ? И поэтому, какъ бы мнѣ ни хотѣлось удовлетворить ваше любопытство на счетъ здѣшнихъ обстоятельствъ, я по неволѣ долженъ ограничиться увѣреніемъ, что все, чтó въ нашихъ силахъ было, нами сдѣлáно, и мы, атакованные въ прошедшемъ году съ совершенно почти открытой стороны города, доказали на дѣлѣ истину стараго изрѣченія, что въ крѣпости самая надежная защита человѣку послѣ Бога самъ человѣкъ. А тамъ чтó будетъ, то будетъ; предназначеннаго свыше не избѣгнешь, и потому, если мнѣ придется лечь здѣсь костьми, чтó впрочемъ болѣе чѣмъ вѣроятно, то прошу вспоминать хотя изрѣдка человѣка, который любилъ и уважалъ васъ и всю семью вашу, вѣрьте мнѣ, отъ души.

Севастополь
28 Генваря 1855.

---

[1]) Отцу моей матери. *В. К. Истоминъ.*

Къ брату, Константину Ивановичу Истомину.

1.

Севастополь, 23 Ноября 1854.

Любезный братъ и другъ Константинъ! Твое последнее письмо, въ которомъ ты поручалъ мнѣ прислать чертежи съ станкомъ, равно какъ ноктоуза корабля «Парижа», я получилъ въ день высадки Англичанъ и Французовъ, и надѣюсь, что, по случаю этого мiроваго происшествiя, ты не сердишься на меня за неисполненiе твоей просьбы. Высадка эта нагромоздила на меня столько дѣла, что, съ перваго дня ихъ прибытiя на наши до того времени мирные берега и до сихъ поръ, я рѣшительно не могъ заняться не только исполненiемъ твоего порученiя, но даже простымъ письмомъ.

Тебѣ безъ сомнѣнiя вполнѣ извѣстна степень участiя, какое я принималъ и принимаю въ защитѣ Севастополя; но вѣроятно ты не знаешь ту степень лишенiй, какую я переношу съ перваго дня явленiя къ намъ этихъ проклятыхъ враговъ нашей великой матушки Россiи, и эти-то лишенiя, въ соединенiи съ службою и днемъ и ночью, были причиной, что я такъ, могу сказать, безсовѣстно оставлялъ васъ въ неизвѣстности на счетъ себя.

Послѣ Буръ-Люкскаго дѣла я былъ назначенъ командовать Сѣвернымъ укрѣпленiемъ, когда еще ожидали нападенiя врага на эту часть Севастополя; потомъ, когда покойной Корниловъ взялъ на себя защиту этого поста, поступилъ я къ нему въ начальники штаба; когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что непрiятели рѣшились атаковать Севастополь съ его Южной стороны, перебрались мы съ нашими морскими батальонами въ городъ, и на мою долю пришлось командовать нашимъ лѣвымъ флангомъ, т. е. 4-й дистанцiей, которая также называется дистанцiей Малахова кургана и тянется отъ доковаго моста до бухты у Киленбалки, занимая протяженiе до 3-хъ верстъ. Противъ меня стоятъ Англичане, и вотъ мы возимся съ ними съ 17-го Сентября! Не стану тебѣ описывать ни бомбардировки, ни стычки, ни даже сраженiя: это тебѣ все извѣстно изъ офицiальныхъ источниковъ, да и для этого нужно было бы исписать не одну дюжину листовъ, къ чему я рѣшительно не имѣю времени; скажу только, что не могу надивиться на нашихъ матрозъ, солдатъ, а также офицеровъ. Такого самоотверженiя, такой геройской стойкости пусть ищутъ въ другихъ нацiяхъ со свѣчей! То, что̀ сыпалось на нашихъ матрозъ, составлявшихъ прислугу на батареяхъ, этого не видѣли люди отъ вѣка. Бывали несчастные для насъ выстрѣлы, которые разомъ снимали полъ-прислуги, и до приказанiя стояли уже охотники на ихъ мѣстахъ. Бомбардировка начиналась утромъ въ 6 часовъ, кончалась вечеромъ въ 7 часовъ, и въ продолженiе всего времени ни одинъ здоровый матрозъ не дозволялъ себя смѣнить охотникомъ,

которые безпрерывно, со слезами на глазахъ, упрашивали, чтобы ихъ пустили къ пушкамъ! Словомъ. чтобы описывать восторженную храбрость нашихъ матрозъ и офицеровъ, нужно написать Гомеріаду, а къ этому нѣтъ у меня ни времени. ни средствъ. Я живу въ траншеѣ. Теперь у насъ перестрѣлка пушками стала рѣже. Непріятель укрѣпляетъ свою позицію редутами; тоже по возможности дѣлаемъ и мы; когда же начнется настоящее дѣло, вѣдаетъ Богъ. Думаю, что когда они свой лагерь совсѣмъ укрѣпятъ, начнется опять усиленная бомбардировка, а потомъ и приступъ. Чѣмъ онъ кончится, въ рукахъ у Всевышняго; а наше дѣло будетъ рѣзаться на славу, и да поможетъ намъ Богъ!

Не стану утомлять тебя, любезный братъ, дальнѣйшимъ описаніемъ нашихъ здѣшнихъ дѣлъ: для этого нужно исписать, какъ я сказалъ, по крайней мѣрѣ томъ, а у меня нѣтъ ни времени, ни мѣста для этого. Дистанція велика, стоитъ 105 пушекъ. а мнѣ пришлось быть и артиллеристомъ, и инженеромъ, и начальникомъ войскъ; къ тому же живу на открытомъ воздухѣ. Дѣла же на моей дистанціи, благодаря Всевышнему, идутъ пока хорошо; но въ послѣднее время Англичане начали что-то ко мнѣ приближаться со своими саперными работами; но въ замѣнъ работаю и я и укрѣпляю свой курганъ, гдѣ палъ В. А. Корниловъ, по мѣрѣ силъ и разума. Чѣмъ все это кончится и когда начнется опять настоящая бомбардировка, вѣдаетъ Создатель; а что бомбардировка будетъ страшная, этому порукой то, что у меня въ продолженіе пушечной работы изъ 18 орудій, которыя дѣйствовали противъ Англійскихъ батарей, разбито 36 и расколочено 54 станка! За то одну 5-пушечную батарею я уничтожалъ сряду три дня, пока враги ея совсѣмъ не бросили; а на другой, къ вечеру каждаго дня, оставалось только двѣ или три пушки. Боже великій! Что за люди наши матрозы! Описать тебѣ весь адъ разрывныхъ снарядовъ, которыми насъ осыпалъ непріятель, съ высоты которыхъ командовали нами и слѣдовательно выбирали любой предметъ, тогда когда мы видѣли однѣ амбразуры, я не въ состояніи. И подъ этимъ-то чугуннымъ градомъ не проходило $^1/_4$ часа, и подбитое орудіе было замѣнено новымъ, что̀, какъ и изъ газетъ видно, немало озадачивало враговъ. А наша бравая молодежь! Сердце радовалось и въ тоже время обливалось кровью, глядя на ихъ дѣла, которыя обыкновенно кончались ранами, и у меня нѣтъ почти офицера на батареяхъ, который бы не былъ два-три раза раненъ или контуженъ и при малѣйшей возможности не возвращался бы на свое мѣсто. Меня также задѣли вражьи осколки: 6-го числа Октября я былъ раненъ въ руку и контуженъ въ грудь, 7-го раненъ въ голову; но, благодаря Всевышнему, былъ въ состояніи остаться на своемъ мѣстѣ. Рука недѣли три не могла писать, грудь кололо, а въ головѣ шумѣло, что теперь, слава Богу, почти совсѣмъ прошло. За то какъ мы и награждены царскими привѣтливыми словами и особенно послѣднимъ приказомъ! Это былъ такой бальзамъ на нашу трудную жизнь, что теперь намъ какъ будто все ни почемъ, хотя мы и съ начала дѣла не унывали.

Что также за молодцы наши солдаты! У меня въ числѣ прочихъ подъ командою также Бутырской полкъ, къ сожалѣнію въ настоящее время довольно рѣденькой, и его штуцерные занимаютъ обыкновенно дневную цѣпь противъ Англійскихъ штуцерныхъ, которые, съ перваго дня ихъ прихода, не приблизились къ моей дистанціи ни на шагъ. И замѣчательно, что гдѣ ни придется солдату нашему сойтиться съ Англичаниномъ лицомъ къ лицу, онъ его тащитъ за шиворотъ, какъ говорятъ, въ плѣнъ, чѣмъ видимо обличается превосходство нашей Славянской расы предъ этими красно-кафтанниками.

Что же у васъ тамъ дѣлается? Вы, кажется, кончили кампанію и теперь на зимнихъ квартирахъ. Напиши хоть нѣсколько словъ, и прошу поскорѣе, потому что мы здѣсь не очень разсчитываемъ на завтрашній день, слѣд. тебѣ не приходится откладывать въ даль свой отвѣтъ, которой Богъ вѣдаетъ, застанетъ ли еще меня въ живыхъ.

Прошу тебя, любезный братъ, когда будешь въ Петербургѣ, непремѣнно побывать у Екатерины Тимоѳеевны *) и передать ей чувства моей искренней, душевной преданности. Скажи ей, что не проходитъ дня особенно труднаго, въ который я бы не вспоминалъ объ ней и ея семействѣ, и что я слѣпо вѣрую, что если мои дѣла до сихъ поръ идутъ хорошо, то этимъ я обязанъ ея обо мнѣ молитвамъ, потому что самъ еще не заслужилъ передъ Господомъ Его милости. Я бы самъ написалъ имъ, но рѣшительно не въ состояніи этого сдѣлать, потому что, какъ сказано, живу какъ собака, но какъ собака Русская,—вѣрная своему царю-хозяину до конца.

Пошли это письмо домой и передай имъ мой сыновній и братній привѣтъ, вѣроятно послѣдній въ здѣшнемъ мірѣ. Вспоминайте иногда душевно васъ и тебя любящаго брата

В. Истомина.

2.

Севастополь, 28 Февраля 1855.

Письмо твое, любезный другъ и братъ Константинъ, доставленное мнѣ мичманомъ Шкотомъ, застало меня въ большихъ хлопотахъ, и потому не взыщи за безтолковость отвѣта. Благодарю душевно, что не забылъ, и вѣрь мнѣ, что немного вещей меня такъ радовало въ продолженіе этой несчастной осады, какъ вѣсть отъ тебя о нашихъ Петербургскихъ и твоихъ домашнихъ. Къ крайнему моему сожалѣнію не могу отплатить тебѣ тѣмъ же относительно нашего положенія. Благопріятное время упущено; и мы не предпринимали ничего въ зимнее холодное время, когда эти поганые Англичане были разстроены не менѣе Французовъ 1812-го года, а ихъ союзники находились въ положеніи немногимъ лучше. Когда настоящее время дѣйствія еще не настало, князь Меншиковъ все сбирался сдѣлать рѣшительное движеніе, потомъ тянулъ день за днемъ, недѣлю за недѣлею и дотянулъ до того, что и Французамъ, и Англичанамъ навезли

*) Вдовы М. П. Лазарева.

сильныя подкрѣпленія, настроили бараковъ и одѣли въ теплую одежду; потомъ объявилъ, что намъ нужно ждать подкрѣпленій, безъ чего нечего и думать о наступательныхъ движеніяхъ и наконецъ вѣнчалъ командованіе свое тѣмъ, что сказался больнымъ и уѣхалъ. Вотъ тебѣ и штука! Быть можетъ, на все это онъ имѣлъ свои причины, которыя для меня недоступны; но видитъ Богъ, этихъ неразгадаемыхъ причинъ со дня его пріѣзда накопилось столько, что и не знаешь, что̀ обо всемъ объ этомъ думать. И теперь, по прошествіи почти шести мѣсяцевъ, мы, по моему мнѣнію, находимся въ положеніи худшемъ, чѣмъ въ первые дни бомбардировки. Непріятель нагромоздилъ, Богъ знаетъ, какія укрѣпленія, получилъ и все еще получаетъ огромныя подкрѣпленія, и не пройдетъ нѣсколькихъ дней какъ откроетъ бомбардировку и вѣроятно вмѣстѣ съ тѣмъ двинется на наши сообщенія. Результатъ этого въ рукахъ у Бога; но и не нужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть конецъ. Да, да, любезный братъ, недалеко то время, когда здѣсь начнется настоящее дѣло, и да простятъ Богъ и Царь тому, кто всему этому причиной. Я же, находясь въ такомъ положеніи и готовый предстать на судъ Творца, не хочу въ такую минуту никого обвинять и утѣшаюся тѣмъ, что будь, что̀ будетъ: я исполнилъ свою обязанность и какъ вѣрноподданный, и какъ сынъ нашей святой Россіи.

Не думай впрочемъ, чтобы и мы ничего не сдѣлали; напротивъ, мы тоже громоздили пушку на пушку, и теперь кругомъ Севастополя стоитъ ихъ болѣе 800, слѣдовательно будетъ чѣмъ отвѣчать врагамъ, и они это знаютъ. Но золотое время упущено, и упущены безбожно случаи кончить эту осаду самымъ блестящимъ образомъ; теперь же одно чудо можетъ насъ вывести изъ этихъ тисковъ, и какъ Всемогущій, въ неисчерпаемомъ Своемъ къ намъ милосердіи, показывалъ намъ нѣсколько разъ свое видимое заступничество, то быть можетъ и теперь не отниметъ отъ насъ Свою десницу, и это теперь, повѣрь мнѣ, что̀ бы вамъ тамъ ни врали, единственная наша надежда!

Вмѣсто князя Меншикова назначенъ сюда съ Дуная князь Горчаковъ главнокомандующимъ, и его ожидаемъ сюда со дня на день. Что-то онъ сдѣлаетъ изъ нашего совершенно-испорченнаго дѣла? Говорятъ, онъ еще свѣжъ силами, и его очень хвалятъ; впрочемъ ты его знаешь по Венгерской кампаніи и лучше моего можешь судить, чего намъ отъ него можно ожидать. Я же вообще уже пересталъ ждать добра отъ сыновъ человѣческихъ и предался совершенно въ волю Божію; и какъ бы ни желалъ смириться духомъ, находясь на шагъ отъ вѣчности, но желчь до ногтей разливается, вспоминая о томъ, что̀ нами отъ начала и до сего дня было здѣсь упущено. Но Богъ съ ними, съ этими дѣлами; не воротишь же словами драгоцѣнное время, упущенное самымъ безсовѣстнымъ образомъ и до высадки, и послѣ оной; поговоримъ лучше о другомъ.

Благодарю за участіе о моихъ тѣлесныхъ поврежденіяхъ, которыя меня давно уже не безпокоятъ, кромѣ руки, которая иногда ноетъ; но я не помню, писалъ ли, что я на лѣвое ухо оглохъ: въ первые дни бомбардировки бомба лопнула возлѣ самаго уха и всадила въ

землю менѣе чѣмъ на футъ разстоянія отъ ноги огромные осколки; ударъ былъ такъ близокъ, что головѣ сдѣлалось жарко, и уже потомъ, долгое время спустя, заводя часы, я узналъ, что ничего не слышу лѣвымъ ухомъ, что̀ и продолжается до сихъ поръ, не смущая меня впрочемъ нисколько. Кстати о моихъ поврежденіяхъ: прошу при случаѣ передать чувства благодарности * за милостивое вниманіе ко мнѣ. И вотъ еще другая къ тебѣ просьба: я получилъ отъ генерала-адмирала милостивый рескриптъ при присылкѣ ко мнѣ Георгіевскаго креста 3-й степени, и не знаю, слѣдуетъ ли отвѣчать; да и негдѣ и некогда было, не благодарилъ до сихъ поръ Его Императорское Высочество, и потому сдѣлай милость, такъ какъ я чувствую, что сдѣлалъ неловко (если не хуже), извини мой неловкой проступокъ и передай Его Высочеству о нашей безпредѣльной благодарности за всѣ его истинно-*отеческія* милости къ нашимъ раненымъ. Если мнѣ еще суждено увидѣть нашего благодѣтеля, то, гдѣ бы это ни было, я поцѣлую его руки. Нужно было быть здѣсь, чтобы оцѣнить вполнѣ милосердіе намъ оказываемое.

Письмо къ Истомину А. П. Хрущова.

Милостивый государь Владиміръ Ивановичъ! 3-й и 4-й батальоны Волынскаго полка вчера вечеромъ смѣнились съ позиціи за Килен-балкою, простоявъ тамъ четыре дня, и тотчасъ же одна рота вступила на ночь въ редутъ № 2-го, а сегодня вечеромъ вступитъ другая; между тѣмъ по приказанію, отданному генералъ-лейтенантомъ Павловымъ, эти батальоны посылаются сегодня на работу. Люди, не имѣя вовсе отдыха съ 9-го Февраля, изнуряются и заболѣваютъ, не говоря уже о томъ, что они не имѣютъ совершенно времени, чтобы вымыть бѣлье и оправить свою обувь. Представляя эти обстоятельства на усмотрѣніе вашего превосходительства, прошу васъ убѣдительно облегчить, сколько возможно, тягость службы нижнихъ чиновъ командуемаго мною полка. Извините, почтеннѣйшій и многоуважаемый Владиміръ Ивановичъ, что безпокою васъ этою просьбою; я нахожусь вынужденнымъ сдѣлать это, зная, какъ сильно утомлены не только солдаты, но даже и офицеры. Съ душевнымъ почтеніемъ и пр.

Александръ Хрущовъ.

5 Марта 1855.

Донесеніе о кончинѣ Истомина.

Севастополь, 8 Марта 1855.

Къ несчастію, я долженъ начать донесеніе мое съ печальнаго обстоятельства, вѣроятно извѣстнаго уже въ С.-Петербургѣ, а именно достославной кончины контръ-адмирала Истомина. Въ кипящей жизни Севастополя давно уже привыкли къ мысли о томъ, что многимъ еще суждено положить голову за Государя и Отечество. Не задолго предъ смертію, покойный адмиралъ лично мнѣ говорилъ въ этомъ смыслѣ и, какъ будто предчувствуя, что онъ будетъ непосредствен-

нымъ послѣдователемъ Корнилова, шутя прибавилъ, что «онъ давно уже выписалъ себя въ расходъ и нынѣ живетъ на счетъ Англичанъ и Французовъ». Это были буквальныя его слова. Можно было бы удивляться силѣ впечатлѣнія, произведеннаго смертью В. И. Истомина, если бы не было извѣстнымъ, до какой степени всѣ уважали его личныя качества и военныя достоинства. На него возлагали большія надежды, и всѣ считали Корнилова бастіонъ или Малаховъ курганъ неприступнымъ потому, что съ Истоминымъ шагъ назадъ былъ невозможенъ. Сегодня отпѣвали покойнаго адмирала въ Михайловской церкви, возлѣ адмиралтейства. Совершенно обезглавленное тѣло умершаго героя лежало въ гробѣ посреди церкви, покрытое кормовымъ флагомъ съ корабля «Парижъ», который онъ столь славно водилъ противъ враговъ Отечества въ Синопскомъ сраженіи. 35-й флотскій экипажъ, т. е. семейство покойнаго, былъ выстроенъ на площади около церкви и въ послѣдній разъ привѣтствовалъ своего любимаго и уважаемаго начальника. Общее сочувствіе къ новому, постигшему Черноморскій флотъ, горю выразилось въ многочисленномъ стеченіи народа, толпившагося около церкви такъ, что трудно было въ нее войти. Не нужно и говорить, что всѣ начальствующіе, всѣ подчиненные и всѣ тѣ, которые могли сойти съ возложенной на нихъ стражи, сочли обязанностью отдать послѣдній долгъ новому товарищу Лазарева и Корнилова. Я стоялъ вблизи за П. С. Нахимовымъ: невозможно было видѣть спокойно слезы этого воина, имя котораго такъ грозно разразилось надъ врагами и до нынѣ такъ страшно замышляющей противъ Севастополя разноязычной арміи.

В. И. Истомину суждено было занять мѣсто, которое Нахимовъ готовилъ себѣ около незабвеннаго Михаила Петровича; дай Богъ, чтобы въ этомъ заключался залогъ сохраненія жизни, столь драгоцѣнной для Севастополя и всего Русскаго флота. Послѣ грустной въ церкви службы, печальная церемонія съ хоругвями и крестами потянулась вверхъ къ бульвару, мимо Библіотеки, къ тому мѣсту, гдѣ покоятся Лазаревъ и Корниловъ; Истомина схоронили возлѣ нихъ въ склепѣ и пушечными и ружейными залпами возвѣстили непріятелю о переселеніи въ вѣчность еще одного праведнаго заступника предъ Всевышнимъ за Русское оружіе и защищаемое имъ святое дѣло. Вся толпа, молившаяся за упокой души павшаго героя, сопровождала его до послѣдней его обители; никто и не думалъ, что на проходимую процессіею мѣстность безпрестанно падали непріятельскія ракеты и бомбы. Дѣйствительно, осаждающіе даже не почтили присутствія церковныхъ знаменъ; воспользовавшись большимъ скопленіемъ народа и войска, которое они ясно могли различить съ своей позиціи (ибо вечеръ былъ чудный, и теплый и прозрачный воздухъ какъ бы нарочно смѣнилъ утреннюю туманную погоду), они начали бросать бомбы въ городъ; но къ счастію слишкомъ поздно, т. е. въ то время, когда уже мы спускались съ возвышенія. Одну бомбу разорвало саженяхъ въ 25 отъ Библіотеки, возлѣ аптеки; но, благодаря Бога, осколки не причинили никому вреда. По удостовѣ-

ренію П. С. Нахимова, сколько нынѣ извѣстно, не осталось послѣдней воли покойнаго адмирала или завѣтныхъ желаній, которыя бы можно было представить на усмотрѣніе ваше; знаю только, что послѣдній мой разговоръ съ нимъ начался и кончился изліяніями благодарности вамъ и выраженіемъ, что «онъ и всѣ Черноморскіе его товарищи съ избыткомъ уже взысканы милостями Государя Императора, и потому имъ много надобно еще заслужить».

Донесеніе П. С. Нахимова

Контръ-адмиралъ Истоминъ убитъ непріятельскимъ ядромъ на вновь воздвигнутомъ Камчатскомъ люнетѣ. Хладнокровная обдуманность при неутомимой дѣятельности и отеческомъ попеченіи о подчиненныхъ, соединенная съ блистательною храбростію и благороднымъ возвышеннымъ характеромъ, вотъ черты отличавшія покойнаго. Вотъ новая жертва, принесенная искупленію Севастополя! Качества эти, взлелѣенныя въ немъ безсмертнымъ нашимъ учителемъ, адмираломъ Лазаревымъ, доставили ему особенное исключительное довѣріе и падшаго героя Севастополя, вице-адмирала Корнилова. Духовная связь этихъ трехъ лицъ дала намъ смѣлость, не ожидая вашего разрѣшенія, дѣйствовать по единодушному желанію всѣхъ насъ, товарищей и подчиненныхъ убитаго адмирала: обезглавленный прахъ его удостоенъ чести помѣщенія въ одномъ склепѣ съ ними.

Принимая живое, горячее участіе во всемъ касающемся Черноморскаго флота и зная лично Истомина, вы повѣрите скорби удручающей Севастополь съ минуты его смерти, и разрѣшите согласіемъ это распоряженіе.

Подписалъ: Вице-адмиралъ Нахимовъ. 9-го Марта 1855 года.

Письмо П. С. Нахимова къ К. И. Истомину.

Севастополь, 9 Марта 1855.

Любезный другъ Константинъ Ивановичъ! Общій нашъ другъ, Владиміръ Ивановичъ убитъ непріятельскимъ ядромъ. Вы знали наши дружескія съ нимъ отношенія, и потому я не стану говорить о своихъ чувствахъ, о своей глубокой скорби при вѣсти о его смерти. Спѣшу вамъ только передать объ общемъ участіи, которое возбудила во всѣхъ потеря товарища и начальника всѣми любимаго. Оборона Севастополя потеряла въ немъ одного изъ своихъ главныхъ дѣятелей, воодушевленнаго постоянно благородною энергіею и геройскою рѣшительностію; даже враги наши удивляются грознымъ сооруженіямъ Корнилова бастіона и всей четвертой дистанціи, на которую былъ избранъ покойный, какъ на постъ самый важный и въ началѣ самый слабый.

По единодушному желанію всѣхъ насъ, бывшихъ его сослуживцевъ, мы погребли тѣло его въ почетной и священной могилѣ для Черно-

морскихъ моряковъ, въ томъ склепѣ, гдѣ лежитъ прахъ незабвеннаго адмирала Михаила Петровича, и первая вмѣстѣ высокая жертва защиты Севастополя, покойный Владиміръ Алексѣевичъ *). Я берёгъ это мѣсто для себя, но рѣшился уступить ему.

Извѣщая васъ, любезный другъ, объ этомъ горестномъ для всѣхъ насъ событіи, я надѣюсь, что для васъ будетъ отрадною мыслію знать наше участіе и любовь къ покойному Владиміру Ивановичу, который жилъ и умеръ завидною смертію героя. Три праха въ склепѣ Владимірскаго собора будутъ служить святынею для всѣхъ настоящихъ и будущихъ моряковъ Черноморскаго флота.

Посылаю вамъ кусокъ Георгіевской ленты, бывшей на шеѣ у покойнаго въ день его смерти, самый же крестъ разбитъ на мелкія части. Подробный отчетъ о его деньгахъ и вещахъ я не замедлю прислать къ вамъ. Прощайте и не забывайте преданнаго и уважающаго васъ друга

П. Нахимова.

---

*) Корниловъ.

Замѣтка къ исторіи города Тамбова.

Въ любопытной статьѣ графа Е. А. Саліаса «Поэтъ-Державинъ, правитель намѣстничества (1785—1788)», помѣщенной въ Сентябрьской и Октябрьской книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1876 годъ, находится, между прочимъ, переписка Г. Р. Державина, Тамбовскаго губернатора, съ преосвященнымъ Тихономъ, епископомъ Воронежскимъ, по поводу усиленія средствъ Тамбовскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія. Авторъ статьи посвящаетъ особую главу (XV) этой перепискѣ, гдѣ приводитъ увѣщаніе преосвященнаго Тихона къ своей паствѣ, возбуждающее послѣднюю къ пожертвованіямъ въ пользу Приказа, и письмо этого епископа къ Державину, замѣчательное, по словамъ графа Саліаса, «внѣшнимъ своимъ видомъ, легкимъ и необыкновенно-красивымъ почеркомъ, съ замѣчательнымъ соблюденіемъ ороографіи». Графъ Е. А. Саліасъ полагаетъ, что эти два документа принадлежатъ перу святителя Тихона, мощи котораго покоятся въ Задонскомъ монастырѣ; но такое предположеніе ошибочно. Святитель Тихонъ умеръ передъ этимъ за три года, а въ это время (въ 1786 г.) епископомъ Воронежскимъ хотя и былъ тоже Тихонъ, но уже другой, или точнѣе—третій (въ Воронежѣ, съ 1763 по 1788 г., были, одинъ за другимъ, три Тихона),—*Тихонъ Малининъ*, изъ префектовъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, стало-быть человѣкъ образованный (см. *Списки архіереевъ* Юрія Толстаго, стр. 14, 16 и 18). Поэтому нечего удивляться, что онъ писалъ литературно, красивымъ почеркомъ и на изящной бумагѣ. Св. Тихонъ Задонскій (Соколовъ), извѣстный и плодовитый писатель своего времени, писалъ также совершенно литературно, хотя и не столь красивымъ почеркомъ и не на золотообрѣзной бумагѣ *).

Неоспоримо, что въ Державинское время Тамбовъ былъ именно такимъ, какимъ его представляетъ графъ Саліасъ, и что Козловъ и Моршанскъ были гораздо его лучше; но авторъ ошибается, полагая, что этотъ городъ «былъ только что созданъ (гл. VIII)» и возведенъ въ санъ губернскаго совершенно случайно, съ административною цѣлію (гл. XII). Тамбовъ и Козловъ возникнули одновременно, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1636 г.), и съ тою же цѣлію, какъ ранѣе ихъ построенные Воронежъ, Валуйки, Старый Осколъ, Бѣлгородъ и другіе города и городки, возникнувшіе въ концѣ XVI столѣтія, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, для защиты тогдашнихъ нашихъ юго-восточныхъ предѣловъ отъ Татарскихъ (Крымскихъ и Ногайскихъ) набѣговъ. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1682 г., мы видимъ въ Тамбовѣ уже епископскую каѳедру, образовавшуюся одновременно (и даже нѣсколько ранѣе) Воронежской. При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, Тамбовъ былъ причисленъ (1708 г.) къ Азовской губерніи, а съ 1719 г. былъ провинціальнымъ городомъ оной. Въ это

*) Какъ видно по снимкамъ его почерка, въ новомъ превосходномъ изданіи его сочиненій, М. 1875. П. Б.

время онъ былъ, конечно, хуже Воронежа, но едва ли чѣмъ уступалъ Козлову и другимъ южнымъ, степнымъ городамъ. И хотя съ половины XVIII столѣтія, надобно думать, значеніе его упало, но все же онъ созданъ не Екатериною II «съ административною цѣлію» изъ какого-нибудь села, а при образованіи губерній уже существовалъ почти полтораста лѣтъ и почти сто лѣтъ былъ епархіальнымъ городомъ. Достоинъ ли былъ Тамбовъ или нѣтъ названія губернскаго города, это иной вопросъ; но Екатерина, назначивъ его губернскимъ городомъ, сдѣлала меньше одною историческою несправедливостію: послѣ Шацка, Тамбовъ былъ самый старинный городъ въ губерніи, а притомъ епархіальный.

Въ любопытной статьѣ графа Саліаса мы нашли еще одну обмолвку (гл. XVIII, стр. 609): въ Державинское время становыхъ приставовъ еще не было.

М. Де-Пуле.

Тамбовъ,
5-го Декабря 1876 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ выходитъ въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четконаписаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германіи, Бельгіи и Франціи **10** рублей, въ Англіи, Швейцаріи и Италіи **11** руб.

Составитель и Издатель Русскаго Архива
Петръ Бартеневъ.